

дэвид брукс

бобо* в раю:
откуда берется
новая элита

* богемные буржуа
(bourgeois bohemians)

дэвид брукс

бобо в раю.
откуда
берется
новая элита

david brooks

bobos
in paradise.
the new upper
class and how
they got there

New York, Simon & Shuster

дэвид брукс

бобо в раю.
откуда
берется
новая элита

Москва, Ад Маргинем Пресс

УДК 316.7 Брукс
ББК 84(7Coe)6-4+71.4(3)
Б 89

Данное издание осуществлено
в рамках совместной издательской программы
Центра современной культуры «Гараж»
и ООО «Ад Маргинем Пресс»

AdMarginem

Издательство благодарит
литературное агентство *Andrew Nurnberg*
за помощь в получении прав на издание этой книги.

Б 89

Бобо в раю. Откуда берется новая элита / Дэвид Брукс. —
М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. — 296 с. — 18+
ISBN 978-5-91103-151-0

Книга американского социолога и журналиста Дэвида Брукса посвящена описанию нового класса, возникшего за последние двадцать лет в США. Для обозначения этого класса автор придумал неологизм «бобо» (bourgeois bohemian, богемная буржуазия). Русским читателям более известны другие определения — хипстеры, креативный или образованный класс. Но как бы ни менялись названия или национальная специфика, перед нами новая глобальная элита, соединившая в своем этосе демократизм и элитизм, уважение к образованию и финансовую состоятельность, творчество и корпоративный бизнес. Путеводитель по миру «бобо» — возможность узнать о привычках и происхождении элиты информационного века, то есть возможность понять и принять ее.

Перевод —
Дмитрия Симановского
Оформление: *sangar studio*

© David Brooks, 2000
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013
© Дмитрий Симановский, перевод с английского, 2013
© Фонд развития и поддержки искусства
«АЙРИС»/IRIS Art Foundation, 2013

предисловие 8

1. возвышение образованного класса 13

2. потребление 59

3. деловая жизнь 111

4. интеллектуальная жизнь 152

5. удовольствия 205

6. духовная жизнь 236

7. политика 275

*Посвящается
Джейн*

предисловие

Эта книга началась с нескольких наблюдений. Проведя четыре с половиной года за границей, я вернулся в Соединенные Штаты и, окинув родину свежим взглядом, обратил внимание на целый ряд занятных рокировок. В элитных, населенных преимущественно WASP'ами¹ пригородах появились артистические кофейни, где посетители пили европейский эспрессо под альтернативную музыку. В богемных же районах в центре города развелось несметное количество лофтов за адские миллионы и магазинов а-ля «все для сада», где искусственно состаренные тяпки продаются по 35.99 долларов. Корпоративные монстры типа «Майкрософт» или Гар принялись вдруг использовать в рекламе цитаты из Ганди и Джека Керуака. Статусными атрибутами как будто махнулись, не глядя: модные адвокаты щеголяли в очечках в стальной оправе, которые раньше носили подростки, потому что теперь, очевидно, правильнее было косить под Франца Кафку, нежели под Пола Ньюмана.

Давно установленные границы стерлись — вот что поразило меня больше всего. На протяжении всего XX века отличить мир капитализма от богемной контркультуры не составляло труда. Будучи практичными обывателями, буржуа определяли традиционную мораль среднего класса. Они работали в крупных корпорациях, жили в пригородах и ходили в церковь. В свою очередь, деятели богемы пренебрегали общепринятыми нормами поведения. Это были художники и интеллектуалы, битники и хиппаны. В старой системе представители богемы были носителями ценностей радикальных 1960-х; в свою очередь буржуазия нашла свое яркое выражение в предприимчивых яппи 1980-х.

Однако в Америке, в которую я вернулся, буржуазные и богемные атрибуты перемешались. Отличить потягивающего эспрессо художника от поглощающего капучино банкира стало практически невозможно. И дело не только в модных аксессуарах.

¹ WASP (англ.) — акроним, обозначающий белых англосаксонских протестантов.

Я обнаружил, что даже подробное исследование предпочтений в области секса, морали, свободного времени и трудовой деятельности не позволяет отличить левого нонконформиста от благонадежного работника корпорации. У большинства, по крайней мере среди людей с высшим образованием, протестная позиция весьма хаотично совмещалась с желанием подняться по социальной лестнице. Вопреки ожиданиям, а подчас и логике эти люди совместили представления контркультурных 1960-х и нацеленных на успех 1980-х в единый социальный этос.

В ходе дальнейших исследований мне стало понятно, что наблюдаемые мной явления — прямое следствие информационного века, когда идеи и знания играют, по крайней мере, не меньшую роль, чем природные ресурсы и финансовый капитал. Неосызаемый мир информации сливается с материальным миром денег, и на свет появляются такие словосочетания, как «интеллектуальный капитал» и «культурная индустрия». В такой период наибольшего успеха добиваются те, кто способен сделать из идеи или эмоции продукт. Это высокообразованные люди, одной ногой стоящие в божемном мире творческой самореализации, другой же в капиталистическом царстве амбиций и всемирного финансового успеха. Представители новой элиты информационного века — это божемные буржуа (*bourgeois bohemians*). Для удобства мы будем использовать акроним «*Бобо*».

Бобо — ярчайшие представители современности. Бобо — это новая элита. Их гибридная культура создает атмосферу, которой все мы дышим. Их социальные принципы доминируют в общественной жизни. Их мораль оказывает влияние на нашу личную жизнь. Поскольку в употребленном мной понятии «элита» есть неприятный оттенок высокомерия, считаю должным заявить, что сам являюсь частью этого социального слоя, как, я подозреваю, и большая часть моих читателей. Не так уж мы и плохи. В каждом обществе есть своя элита, и наша образованная элита куда просвещеннее элит

прошлого, положение которых зиждилось на крови, богатстве или военной доблести. Там, где появляется образованная элита, жизнь становится интереснее и разнообразнее, а нравы мягче.

В этой книге содержится описание мировоззрения, нравов и моральных принципов новой элиты. Начав с поверхностных наблюдений, я подступаю к более глубоким выводам. После главы, где прослеживаются истоки состоятельного образованного класса, я описываю их покупательское поведение, культуру деловых отношений, интеллектуальную, социальную и духовную жизнь. В финале я делаю попытку обозначить перспективы развития элиты бобо. На что еще обратить ваше внимание? На протяжении всей книги я часто обращаюсь к реалиям и идеям середины 1950-х годов, поскольку то было последнее десятилетие индустриального века, и контраст между культурой тогдашней и сегодняшней элит настолько ярок, что проливает свет на многое. Более того, я обратил внимание, что многие из тех книг, что помогли мне по-настоящему понять сегодняшний образованный класс, были написаны между 1955 и 1965 годами, когда небывалый рост числа абитуриентов и студентов, оказавших решающее влияние на многие из описываемых тенденций, только начинался. В таких работах, как «Человек организации», «Смерть и жизнь больших американских городов», «Общество изобилия», «В поисках статуса», «Протестантский истеблишмент»¹, впервые проявился характер нового образованного класса, и, если бушующий костер 1960-х в общем и целом давно прогорел, идеи, высказанные этими интеллектуалами в 1950-х по-прежнему находят отклик.

И наконец, пара слов о тоне этой книги. Эти страницы не изобилуют статистическими данными, нет здесь и глубокой теории. Я ни в коем случае не мыслю себя конкурентом Максу Веберу.

¹ William H. Whyte, «The Organization Man», 1956; Jane Jacobs, «The Death and Life of Great American Cities», 1961; John Kenneth Galbraith, «The Affluent Society», 1958; Vance Packard, «The Status Seekers», 1959; Edward Digby Baltzell, «The Protestant Establishment: Aristocracy and Caste in America», 1964.

Я просто предпринял попытку описать жизнь людей, используя метод, который лучше всего описывается термином «патосоциология». Идея состояла в том, чтобы добраться до сути культурных паттернов, запечатлеть вкус времени, не пытаясь зафиксировать его путем скрупулезного анализа. Зачастую посмеиваясь над нравами своего класса (иногда мне кажется, что вся моя карьера зиждется на самоуничижении), в конечном счете я выступаю защитником культуры бобо. Так или иначе, эта новая элита еще долго будет задавать тон в обществе, поэтому невредно будет попробовать ее понять и принять.

I.

возвышение
образованного
класса

Я не уверен, что хотел бы оказаться героем страницы свадебных объявлений «Нью-Йорк таймс», но точно знаю, что был бы рад видеть там имена своих детей. Представьте, к примеру, как счастлив был Стэнли Коган, когда его дочь Джэйми зачислили в Йельский университет. Теперь представьте, как он был горд, когда Джэйми стала членом Phi Beta Карра¹ и получила диплом с отличием. По части мозгов Стэнли и сам не лыком шит: он детский уролог в Кротон-на-Гудзоне и преподает в Корнуэльском медицинском центре и Нью-Йоркском медицинском колледже. И все ж он, наверное, испытал момент восторга, когда его дочь надела мантию и шапочку.

Дальше — только лучше. Джэйми без труда закончила юридический факультет Стэнфорда. А потом она встретила мужчину по имени Томас Арена — ровно такой зять и рисовался в мечтах детского уролога. Он закончил Принстон, где также был принят в Phi Beta Карра, с отличием. После чего пошел на юридический в Йель. Затем оба устроились помощниками федерального прокурора важнейшего Южного округа Нью-Йорка.

Итак, на свадебной церемонии в Манхэттене сошлись два суперрезюме, а если принять в расчет всех присутствовавших однокашников, то совокупный счет за обучение составил бы заоблачную сумму. Нам же остается читать об этом событии на странице свадебных объявлений «Нью-Йорк таймс», которую каждую неделю с трепетом ожидают сотни тысяч читателей и будущих бытописателей бальзаковского толка. Беззастенчиво элитистская, кулуарная и совершенно непредвзятая «страница слияний и поглощений» (как называют ее некоторые поклонники) всегда давала достоверную картину, по крайней мере, части американского правящего класса. Ретроспективный анализ этих страниц отражает изменения, которые претерпевает элитный состав с течением времени.

1 Привилегированное общество студентов и выпускников колледжей в США.

Когда элита в Америке была родовой, особое внимание в объявлениях уделялось благородному происхождению и воспитанию. Однако в сегодняшней Америке стать частью элиты помогут высокий интеллект и мягкий нрав. Сегодня, когда заглядываешь на свадебную страничку «Таймс», совокупная мощь высоких баллов в тесте на академические способности ощущается вполне отчетливо. Дармут выходит за Беркли, диплом МВА женится на докторской диссертации, Фулбрайт¹ сходится с Родсом², Lazard Freres роднится с CBS³, а диплом с наивысшим отличием падает в объятия такого же диплома (реже — просто с отличием, поскольку такой брак едва ли будет устойчив). По каждому из брачующихся «Таймс» указывает четыре обязательных пункта — колледж, научная степень, этапы карьеры, профессия родителей — таковы сегодня маркеры высшего американского общества.

Даже если вы на дух не переносите обладателей идеальных резюме, не отдать им должное практически невозможно. Открытые, спокойные лица; улыбки — выставка достижений американских стоматологов; а поскольку в «Таймс» печатают только те снимки, где брови невесты и жениха расположены на одном уровне, брачующиеся всегда кажутся буквально созданными друг для друга.

В сложный и решающий период между 16 и 24 годами, вместо того чтобы бунтовать, пестовать тоску и одиночество или попросту отдаваться власти природных инстинктов, эти ребята добивались одобрения старших. Люди, добравшиеся до этих страниц, научились сдерживать гормональные приливы и всю раннюю юность радовали учителей, готовились к следующему туру дебатов, а еще находили время для внеклассных занятий или волонтерской

1 Программа образовательных грантов, учрежденная сенатором Джеймсом Уильямом Фулбрайтом.

2 Стипендия для обучения в Оксфорде, учрежденная Сесилем Джоном Родсом.

3 Lazard Freres и CBS — американские корпорации (финансовая и медийная).

работы, в общем, делали все, чего мы, как общество, ждем от подрастающего поколения. Член приемной комиссии, сидящий в каждом из нас, в глубине души прочит этим пай-мальчикам и девочкам блестящее будущее, а настоящие приемные комиссии принимают их в правильные колледжи и аспирантуры и выдают проездные документы в правильное будущее.

Подавляющее большинство этих ребят принадлежит к верхушке среднего класса. В 84 случаях из 100, по крайней мере, один из родителей и жениха, и невесты является топ-менеджером, профессором, адвокатом или другим представителем профессионального класса. Вы слышали про старые деньги, теперь речь идет о старых мозгах. Женятся они, как правило, поздно, средний возраст невесты 29, жениха — 32. Кроме того, все они весьма четко подразделяются на две подгруппы: хищники и радетели. Хищники — это адвокаты, трейдеры, специалисты по разнообразным рынкам — люди, которые имеют дело с деньгами, чья профессиональная жизнь — это переговоры, конкуренция, а быть крутым и натягивать других — рабочая необходимость.

Радетели — это, как правило, выпускники факультетов свободных искусств. Они становятся преподавателями, функционерами различных фондов, журналистами, активистами, художниками — это люди, имеющие дело с идеями, руководящие объединением усилий или каким-либо другим содействием. Примерно половина браков заключается между двумя хищниками: обладатель MBA университета Дьюка, трудоустроенный в Nations Bank, женится на выпускнице юрфака Мичиганского университета, работающей в Winston & Strawn. Около одной пятой союзов заключаются между радетелями: стипендиат Фулбрайта, преподаватель гуманитарных наук в Стэнфорде женится на стипендиатке Родса, преподающей там же философию. Остальные браки смешанные, где хищник, как правило, жених. Финансовый консультант с MBA Чикагского университета может жениться на учительнице начальных классов

в прогрессивной школе, отучившейся на соцработника в Колумбийском университете.

Все эти меритократы чудовищно много работают, получая громадное удовлетворение от успеха и роста карьеры, но «Таймс» хочет убедить вас, что профессиональные амбиции — далеко не единственное, что в них есть. Каждую неделю в газете печатается подробнейшее описание свадьбы, и между строк каждого подобного репортажа читается, что все эти сверхчеловеческие достижения — не более чем удачное стечение обстоятельств. Что люди эти в действительности пылкие и свободолюбивые натуры, и очень даже любят повеселиться. В еженедельной колонке с любовью описываются причудливые детали свадьбы: как невеста устроила развеселый девичник в русской бане, как специально нанятый участник группы Devo играл на церемонии музыкальную заставку из популярной телевикторины, как на другой церемонии в бывшем особняке Дюпона жених и невеста декламировали стихи А.А. Милна, посвященные Кристоферу Робину¹. Описания обычно пересыпаны цитатами друзей, которые характеризуют новобрачных, как людей, полных очаровательных противоречий: все они уравновешенные, но неистовые; дерзкие и бесстрашные, но следуют традициям; все высокого полета, при этом крепко стоят на земле; неряшливые, но элегантные; благоразумные, но непредсказуемые. Складывается впечатление, что либо женятся нынче только люди сугубо противоречивые, либо представители этого класса желают видеть себя и своих друзей сложными личностями, в которых противоположности уравновешивают друг друга.

В заметке молодожены могут позволить себе даже немного рассказать о своих отношениях. Невероятный процент брачующихся познакомились на финише марафонского забега или же в археологической экспедиции в Эритрее в поисках доисториче-

¹ Цикл детских стихотворений, написанных автором «Винни-Пуха» для своего сына, который выступил в качестве прототипа Кристофера Робина из книги рассказов про медвежонка.

ского человека. Потом, как правило, был длительный, без форсирования, роман, в ходе которого они проводили совместный отпуск в неочевидных, но весьма познавательных местах типа Мьянмы или Минска. В какой-то момент отношения могли прерваться из-за того, что один или оба партнера с ужасом почувствовали, что утрачивают свою независимость. Затем следовал период одиночества, в ходе которого жених, скажем, организовал крупнейшее слияние на Уолл-стрит, а невеста бросила школу сомелье и пошла учиться на нейрохирурга. Но в итоге они снова сошлись (иногда оказавшись на море в компании таких же улыбчивых ребят, как они) и наконец решились жить вместе.

У нас нет сведений относительно их сексуальной жизни, поскольку странички, посвященной добрым связям в «Таймс» еще не придумали («Джон Гринд, адвокат фирмы Skadden Arps, с дипломом Северо-Западного университета отныне совокупляется с Сарой Смит, кардиологом клиники Sloan-Kettering, продолжающей обучение в ординатуре университета Эмори»). Но их интимные отношения, надо полагать, не менее разноплановы и противоречивы: жесткие и в то же время мягкие, они раскрепощены и открыты новому, но в то же время замкнуты друг на друге.

Нам случалось читать о современных партнерах, которые делают друг другу предложение одновременно, но чаще жених действует по старинке, предлагая руку и сердце, как правило, на воздушном шаре, летящем над долиной Напа, или спрятав кольцо с брильянтом в маске для подводного плавания, во время осмотра сейшельских коралловых рифов, которым грозит исчезновение.

Нередко случаются «межконфессиональные» браки — обладательница диплома одного из университетов Лиги плюща может выйти за выпускника Биг Тен¹, и в этом случае церемония должна быть поставлена с особым тщанием, чтобы не оскорбить ничьих чувств.

¹ Лига плюща и Биг Тен (Большая десятка) — престижные ассоциации частных университетов США.

Сдержанная оригинальность — основное правило всех церемоний. Представителю потомственной элиты, суть которой в родстве и воспитании, вовсе не обязательно тщательно продумывать церемонию, в которой отражалась бы его индивидуальность. Его высокий статус обеспечивается наследственностью, поэтому и церемонию можно повторять из поколения в поколение. Однако если основанием для избранности, как у сегодняшней элиты, является интеллект, придется подумать о ненавязчивых символах, в которых бы отразилось все многообразие их личности — это как экзамен на принадлежность к элите. То есть приглашения должны быть отпечатаны на отлитой вручную бумаге, но стандартным шрифтом. В звуковом сопровождении песни Патси Кляйн должны соседствовать с Мендельсоном. Платье должно быть в стиле 1950-х, но это такое ретро, что опытный взгляд разглядит невидимые кавычки. Свадебный торт должен быть в виде барочной церкви. Придется также обмениваться многозначительными подарками, это может быть сноуборд с вашей любимой цитатой из Шиллера или детская резиновая уточка, которая была вам единственным утешением в первые суровые дни стажировки в Верховном суде. Придумать оригинальную свадебную завитушку, которая отличалась бы от других, не слишком при этом выделяясь, не так-то просто. Но именно в самовыражении и заключен смысл существования образованного человека. Для представителей образованного класса — вся жизнь это сплошная аспирантура. А после смерти Господь встречает их у ворот, подводит итог, в скольких видах самовыражения они преуспели, и, выдав божественный диплом, запускает в рай.

Пятидесятые

Свадебные страницы «Таймс» не всегда были пересыпаны достижениями героев резюме. В конце 1950-х тон этого раздела был более спокойным и величавым. Место работы и дипломы

с отличием в свадебных объявлениях той эпохи не акцентировались. Если профессия жениха иногда указывалась, то занятия невесты почти не упоминались (а в редких исключениях об этом говорилось в прошлом, как если бы со вступлением в брак карьера невесты должна была непременно закончиться). Вместо этого особое внимание «Таймс» уделяла родству и связям. Часто упоминались далекие предки. Перечислялись шаферы и подружки невесты. Наряду с колледжами всегда указывались частные школы. В «Таймс» никогда не забывали указать членом каких клубов состоит жених — «Юнион Лиг», «Космополитан». Автор мог бегло пройти по истории невесты в качестве дебютантки: когда она была представлена обществу и в каких женских клубах, например «Джуниор Лиг», она состоит. В общем, страница эта была вселенной закрытых организаций. Немало слов посвящалось платью невесты, исчерпывающим было и описание цветочных украшений.

Читая свадебные страницы тех лет, натыкаешься на предложения, которые невозможно себе представить в сегодняшней рубрике: «Ее род восходит к Ричарду Уоррену, прибывшему в Брукхэйвен в 1664 году. Жених — потомок доктора Бенджамена Тредвела, поселившегося в Старом Вестбари в 1767-м, вышел из славных стен школы Ганнери и получил диплом университета Колгейта». Или: «Миссис Уильямс, закончив Эшли Холл и Смит Колледж, стала кандидаткой в члены “Джуниор Лиг” Нью-Йорка и была представлена обществу в 1952 году на рождественском бале дебютанток». Даже подписи к фотографиям сегодня выглядели бы дико: «Миссис Питер Джей. Белтон, в прошлом Нэнси Стивенс». (Сегодня такая формулировка используется в «Таймс» только для обозначения людей, переживших операцию по перемене пола.)

Более сдержанные манеры газетчиков не позволяли указывать возраст молодоженов, но они, как правило, были значительно моложе; жених зачастую еще учился в университете. Мужчины часто были выпускниками Уэст-Пойнта или Аннаполиса, поскольку

военные академии все еще считались престижными в среде истеблишмента Восточного побережья, а юные представители элиты охотно служили в армии. Сам раздел в конце 1950-х был куда более развернутым; в июньском воскресном выпуске он разрастался до 28 страниц, на которых описывалось до 158 свадеб.

Сами церемонии куда чаще, нежели теперь, проводились в старинных пригородах — таких, как Брин-Моур на филадельфийском побережье, Гринвич в Коннектикуте, Принстон в Нью-Джерси или фешенебельных городках возле Чикаго, Атланты, Сан-Франциско — на всем просторе США. Свадебный раздел был, конечно, куда более WASP, примерно половина из брачующихся венчалась в англиканской церкви. Сегодня англикан в разделе меньше одной пятой, зато до 40 процентов евреев, и заметно чаще встречаются азиатские имена. Оценить динамику влияния религиозных групп по этому показателю сложно, поскольку в 1950-х еврейские свадьбы печатались отдельно по понедельникам. Однако тенденция очевидна: за последние 40 лет англиканцам приходилось туже, а евреям все вольготнее.

Когда рассматриваешь лица и читаешь описания свадеб 1950-х, кажется, что это другой мир, а ведь прошло не так много времени — большинство из людей с этих пожелтевших страниц еще живы, и значительная часть тогдашних невест по-прежнему замужем, далеко не всех сменили на молоденьких секретарш. Эти страницы вызывают воспоминания о целом микросоциуме, обладавшем значительным влиянием тогда и почти забытом сегодня: сеть мужских и кантри-клубов, юридические фирмы, состоявшие исключительно из выпускников Лиги плюща, дубовые кабинеты Уолл-стрит, WASP-патриархи.

У каждого свой образ старой протестантской элиты: манера говорить сквозь зубы, светский календарь, конный спорт в университетах Лиги плюща, бесконечные мартини и хайболы, рабочий день только до обеда, накрахмаленные старики — Аверелл Гариман,

Дин Ачесон, Джон Макклой¹, местные заправилы, описание которых можно встретить в рассказах Джона Чивера и Джона О'Хары. Конечно, любая эпоха сложнее расхожих представлений: Джон Макклой — классический патриций Восточного побережья на самом деле добился всего своим трудом, однако социологические свидетельства эпохи, как правило, подтверждают стереотипы.

Тогда отчетливо ощущалась связь с европейской культурой. «Заставь Джона выучить греческий», — проскрипел отец Макклоя на смертном одре. Юные особы были верны аристократическим ритуалам выхода в свет, сложное устройство которых давно кануло в Лету. На Рождество барышни поголовно спешили стать дебютантками, тогда как День благодарения подразумевал общение в более узком кругу избранных. Для основных протестантских деноминаций то было время процветания. Согласно исследованиям того времени, три четверти военной, политической и бизнес-элит были протестантами. В конце 1950-х — начале 1960-х вполне реально было говорить об аристократическом правящем классе, национальной элите, представители которой заканчивали расположенные в северо-восточных штатах частные школы — Гротон, Андовер, Эксетер, Сэйнт-Пол, после чего отправлялись на Уолл-стрит потрудиться в фирме с хорошей репутацией, а затем уже в совет директоров крупнейших корпораций и вашингтонские властные кабинеты.

Нельзя сказать, что представители WASP-элиты полностью контролировали страну, однако они обладали гипнотической магией престижа. В 1962 году Ричард Ровер в своем знаменитом эссе «Американский истеблишмент» писал: «Они обладают практически непререкаемым правом решать, какое мнение заслужи-

¹ Джон Макклой (John McCloy, 1895–1989) — американский государственный деятель и бизнесмен, президент Всемирного банка в 1947–1949 гг., верховный комиссар зоны США в Германии в 1949–1951 гг., далее — председатель совета директоров рокфеллеровского «Чейз Манхэттен Банка».

вает доверия, а какое нет». На фотографиях в «Тайм» или «Ньюс-вик» тех лет появляются практически только белые мужчины под шестьдесят. Кроме прочего, эта элита обладала способностью доводить амбициозных выскочек, не имевших правильного воспитания — таких, как Линдон Джонсон и Ричард Никсон, — практически до безумия.

Местная элита каждого процветающего города Америки копировала манеры и воззрения общенациональной. В местных клубах отцы города собирались, чтобы обмениваться неполиткорректными анекдотами и отобедать каре ягненка с консервированным сметанным соусом из спаржи, грибов или порея. (Тогда люди не заботились о содержании холестерина, поскольку заболеть и умереть еще не считалось зазорным.) Эстетическое чувство этой элиты оставляло желать лучшего — Менкен¹ говорил, что у протестантской верхушки «тяга к уродству» — и беседы их, судя по всему, не отличались ни остроумием, ни глубокомыслием. Они мучили своих дочерей, сначала позволяя им учиться верховой езде, а затем заставляя участвовать в конкурсах, где дебютантки соревновались в добродетелях, столь характерных для WASP и столь несвойственных сегодняшней образованной элите: правильная осанка, мягкие манеры, безупречная личная гигиена, дисциплина ради дисциплины, способность подолгу сидеть ровно.

То была эпоха, когда пьянство еще было приемлемо в обществе, а игра в поло и охота на лис не казались пережитком прошлого. Однако оголтелый элитизм и сегрегация того мира поражает нас более всего. И пусть истеблишмент той эпохи не был и вполтину столь закрытым сословием, каким были элиты прошлого — Вторая мировая нивелировала многие барьеры — высшему обществу 1950-х по-прежнему был свойственен бытовой антисемитизм, расизм, сексизм и тысяча других неписаных законов, которые

¹ Генри Луис Менкен (Henry Louis Mencken, 1880–1956) — американский журналист, критик и эссеист.

закрывали двери перед всеми, чья генеалогия не соответствовала требованиям. Еврейские и протестантские мальчики из состоятельных семей, проведя за совместными играми все детство, в 17 лет были вынуждены расстаться, став частью еврейского и нееврейского обществ, существовавших на разных орбитах со своими сезонами для дебютанток, танцевальными школами и общепринятым протоколом. Протестантский бизнесмен мог плодотворно работать бок о бок с еврейским коллегой, но он и думать не мог о том, чтобы порекомендовать его в свой клуб. Когда сенатор Барри Голдуоттер решил сыграть в гольф в закрытом клубе «Чеве Чейз», ему напомнили, что клуб закрытый. На что он, по легенде, ответил: «Я еврей всего на половину, может, позвольте пройти хотя бы девять лунок?»

Кроме прочего, протестантская элита откровенно не жаловала интеллектуалов. О «яйцеголовых» и «высоколобых» в этих кругах принято было говорить с вежливым презрением. Собственно, положение WASP'ов, как несколькими десятилетиями ранее обозначил Фрэнсис Скотт Фитцджеральд, зиждилось на «животном обаянии и богатстве». В отличие от сегодняшнего правящего класса, их отношение к собственному богатству не отягощалось сложными вопросами. Они признавали, что расточительство — это дурной тон, и ценили бережливость, однако собственные деньги они не рассматривали, как вызов декларируемым в Америке принципам равенства. Напротив, большинство воспринимали свой высокий статус, как нечто само собой разумеющееся, полагая, что их положение — это часть естественного и правильного мироустройства. Аристократия будет всегда, и людям, которым посчастливилось приобрести этот статус по праву рождения, следовало лишь вместе с привилегиями принимать и некий круг обязанностей. В лучшем случае они придерживались аристократического кодекса. Честь, долг, служба были для них не просто словами. Лучшие из них блюли кодекс природной аристократии,

включенный почитаемым ими Эдмундом Берком¹ в «Обращение новых вигов к старым».

Кодекс Берка имеет смысл процитировать целиком, поскольку в нем содержатся идеалы, на фоне которых особенно интересно рассматривать сегодняшние этические принципы:

«Воспитываться в пристойном месте; в детстве не соприкасаться ни с чем низким или подлым; научиться уважать себя и других; быть готовым к пристальному и придирчивому общественному вниманию; с юных лет прислушиваться к общественному мнению; занимать позицию достаточно возвышенную, чтобы она позволяла охватывать широким взглядом разветвленные и бесконечно разнообразные сплетения людей и ситуаций в большом обществе; оставлять время на чтение, размышления, беседы; уметь привлечь внимание и заслужить уважение людей мудрых и ученых, где бы они ни оказались; на военной службе быть готовым командовать и подчиняться; научиться презирать опасность, когда речь идет о долге и чести; в делах, не допускающих ошибок, когда любая оплошность может привести к самым разрушительным последствиям, всегда оставаться в высшей степени бдительным, предусмотрительным и осторожным; стремиться к сдержанному и упорядоченному поведению, исходя из того, что вы должны служить примером для сограждан в наиболее сложных ситуациях и быть посредником между Богом и человеком; служить блюстителем закона и справедливости, оставаясь, таким образом, среди первых благодетелей рода человеческого; глубоко постичь точные или гуманитарные науки или овладеть истинным искусством; занять место среди богатых купцов, успех которых объясняется острым умом и недюжинной хваткой, а также воспитывать в себе такие достоинства, как усердие, любовь к порядку, постоянство и порядочность, а также культивировать врожденную

¹ Эдмунд Берк (Edmund Burke, 1729–1797) — английский парламентарий, общественный деятель, идейный родоначальник британского консерватизма.

склонность к суду справедливому, но милосердному: таковы должны быть качества людей, которых я отношу к природной аристократии, без которой нет и не может быть государства».

Некоторые пункты этого кодекса едва ли можно назвать актуальными — акцент на военной доблести, идеи о необходимости подавать личный пример согражданам, о возможности посредничества между Богом и человеком. И поскольку упадку протестантской элиты никто не посвятил такой прекрасной элегии, как «Леопард», где Джузеппе Томази ди Лампедуза оплакал упадок сицилийской аристократии, или такой элегантной эпитафии, какой Ивлин Во проводил британскую аристократию в «Возвращении в Брайдсхед», мы по-прежнему смотрим на ушедших WASP'ов с определенной долей восхищения, несмотря на роковые пороки расизма, антисемитизма и кастовости.

Традиции служения обществу, которыми следовали лучшие представители протестантской элиты, остаются непревзойденными. Их устремления не всегда были ясными, зато про долг они отлично всё понимали. Они пестовали хорошие манеры и самоконтроль, и в ретроспективе они кажутся более весомыми, нежели мы, пришедшие им на смену, возможно, потому, что им пришлось большим пожертвовать. Подобно Джорджу Бушу-старшему, молодые джентльмены не задумываясь шли добровольцами на фронт во время Второй мировой. В обеих мировых войнах погибло непропорционально больше отпрысков именно привилегированных протестантских семей. В отличие от последовавших неутомимо бунтовавших поколений, эти юноши были немногословны и сдержанны. Они также были значительно менее склонны к нарциссизму. «Ты слишком много говоришь о себе, Джордж», — посетовала Бушу его мать на пике президентской кампании 1988 года. А главное — это они стояли у руля Америки в ходе самого успешного для этой страны столетия, они же выстроили многие институты, которыми образованная элита охотно пользуется и сегодня.

Англиканские невесты с их предками из ранних поселенцев, воспоминаниями о первом бале и женихами из высшего света блистали на страницах свадебных объявлений в 1959 году, а их мир уже висел на волоске. Потрясшие основы реформы, как и многие другие важнейшие решения, созрели в приемных комиссиях университетов. Без лишней шумихи и привлечения общественного внимания преподаватели положили конец протестантской элите. В истории Гарварда, рассказанной Ричардом Херрнштейном и Чарльзом Мюрреем в первой и наименее противоречивой главе их книги «Кривая колокола», дан краткий пересказ важнейших событий. В 1952 году большинство первокурсников Гарварда были выходцами из тех же бастионов WASP-истеблишмента, что упоминались на свадебных страничках «Нью-Йорк таймс»: частные школы Новой Англии (только Андовер и Эксетер поставляли до 10 процентов курса), манхэттенского Ист-Сайда, главной ветки Филадельфии, Шэйкер-Хайтс в Огайо, Голд-Кост в Чикаго, Гросс-Пойнт в Детройте, Ноб-Хилла в Сан-Франциско и так далее. Две трети таких абитуриентов становились студентами. А у сыновей выпускников Гарварда вероятность поступления составляла 90 процентов. Средний бал в устном тесте на академические способности составлял 583 — показатели неплохие, но не заоблачные. Тот же показатель по университетам Лиги плюща в целом был тогда ближе к 500 баллам.

Потом начались перемены. К 1960 году проходной бал в устном тесте на академические способности достиг 678, а в тесте по математике 695 — это уже больше похоже на заоблачные показатели. Среднестатистический первокурсник 1952 года едва попадал в крайние снизу десять процентов свеженабранного потока 1960 года. Более того, курс 1960-го представлял собой куда более широкий социоэкономический срез. Толковые ребята из Квинса, Айовы или Калифорнии, которые десять лет тому назад и подумать не

смели о подаче документов в Гарвард, теперь сдавали экзамены и поступали. Из колледжа, обслуживающего главным образом элиту северо-восточных штатов, Гарвард стал мощным университетом, собирающим под своей сенью все больше способной молодежи со всей страны. И переход этот был повторен практически всеми престижными вузами. К примеру, в футбольной команде Принстона в 1962 году было 62 юноши, и только десять процентов из них закончили частные школы. Три десятилетиями ранее принстонская команда полностью состояла из выпускников частных школ.

Как это произошло? В своей книге «Большой тест» Николас Леманн дает весьма убедительный ответ. Эта история замечательна тем, что протестантская элита сама себя погубила, причем из наилучших побуждений. После Второй мировой президентом Гарварда стал Джэймс Брайант Конант — представитель верхушки протестантской элиты. Тем не менее Конанта всерьез беспокоила перспектива развития Америки в сторону усиления наследственной аристократии, состоящей из благовоспитанных юношей, подобных тем, которых он обучал в Кембридже. Конант мечтал заменить эту элиту новой, главенствующее положение которой основывалось бы на личных достоинствах. Он не рассчитывал на широкие образованные слои населения, принимающие верные решения демократическим путем. Вместо этого он возлагал надежды на избранный класс хранителей знаний, которые после обучения в элитарных университетах посвятили бы себя беззаветному служению обществу.

Чтобы найти этих хранителей, Конант привлек Генри Чонсея, выпускника Гротона и Гарварда, прихожанина англиканской церкви, потомка первых пуритан. Масштабного видения общества будущего у Чонсея не было, и сфера его интересов имела характер узкоспециальный — он горячо верил в стандартизированные тесты и большие перспективы социологии. Как другие энтузиасты посвящают себя железным дорогам, атомной энергии или интернету, так Чонсей был без ума от тестов. Он был уверен, что это потрясающий

инструмент, который даст экспертам возможность измерять человеческие способности и управлять обществом на более справедливых и рациональных основаниях. В итоге, заняв пост главы Службы образовательных тестов, создавшей базовый тест на академические способности, Чонсей стал одним из немногих социальных инженеров, которым довелось практически полностью воплотить свои идеи в жизнь. Леманн в своей работе заключает, что сегодня мы живем в мире, созданном Конантом и Чонсеем и их инициативой по смене собственной элиты на новую, основанную на личных способностях, во всяком случае, в той мере, насколько тест на академические способности может их выявить.

Когда Конант и Чонсей приступили к своей миссии, интеллектуальное сообщество было чрезвычайно восприимчиво к подобного рода идеям. Американские интеллектуалы, возможно, никогда не были столь уверены в собственных возможностях, ни до, ни после. Социологи, психологи, макроэкономисты были убеждены, что они открыли способы решения личных и социальных проблем. Работы Фрейда, обещавшие раскрыть пружины и механизмы человеческого сознания, были на пике своего влияния. Полемика вокруг маккартизма мобилизовала разрозненные сегменты интеллектуального класса. Запуск спутника подкрепил мнение, что застой в сфере образования угрожает национальным интересам. Наконец, Джон Ф. Кеннеди ввел интеллектуалов в Белый дом, запустив их в социальную стратосферу (так, по крайней мере, полагали многие из них). Как мы увидим в четвертой главе, интеллектуалы стали еще серьезнее к себе относиться, и, как правило, неспроста.

Конант и Чонсей были не единственными представителями академических кругов, активно отстаивавших интеллектуализм вопреки ценностям протестантской элиты. В 1956 году вышла книга Чарльза Райта Миллса «Властвующая элита», содержащая прямые нападки на правящий класс. В 1959 году Жак Барзан опубликовал работу «Дом интеллекта», в 1963-м Ричард Хофстедтер

написал «Антиинтеллектуализм в американской жизни» — пространную отповедь, массивную атаку академической суперзвезды на «практичные» слои как состоятельных, так и бедных сограждан. В 1964-м Дигби Балтцелл написал «Протестантский истеблишмент», книгу, в которой впервые появился термин WASP и были подробно расписаны все интеллектуальные и этические ошибки этого класса. Симпатизируя идеалам протестантской элиты, автор утверждал, что этот слой превратился в замкнутую касту самодовольных дельцов, не желающую освежать свои ряды и допускать новых способных членов. В общем и целом профессура хотела, чтобы университеты стали теплицей для наиболее способных в интеллектуальном плане молодых людей, а не образовательной принадлежностью социальной элиты. Преподаватели требовали от приемных комиссий, чтобы те критически относились к наследственным абитуриентам.

Протестантской элите не раз приходилось давать отпор претендентам на свою культурную гегемонию — они либо просто их не замечали, либо предпринимали контратаку. В первой половине века происходило то, что историк Майкл Нокс Беран назвал «рисорджименто¹ состоятельных». Рузвельты и подобные им семьи восприняли суровую мужскую этику, с тем чтобы элита Восточного побережья восстановила жизнеспособность и уверенность в собственных силах, тем самым сохранив свое главенствующее положение в обществе. В 1920-х, почуяв потенциальную опасность для «характера» своих институций, управляющие университетов Лиги плюща ужесточили официальные и неофициальные квоты для евреев. За два года Николас Мюррей Батлер снизил пропорцию евреев с 40 до 20 процентов во вверенном ему Колумбийском университете. Президент Гарварда Эббот Лоуренс Лоуэлл также диагностировал «еврейский вопрос» в своем университете и снизил квоту для его реше-

1 Risorgimento — исторический термин, обозначающий национально-освободительное движение и объединение Италии.

ния. Однако к концу 1950-х представители протестантской элиты не могли далее оправдывать подобную дискриминацию ни перед другими, ни перед собой. Энджер Биддле Дьюк, начальник протокольной службы Джона Ф. Кеннеди, был вынужден выйти из своего любимого мужского клуба — «Метрополитан» Вашингтона, — потому что это был закрытый клуб.

История, как однажды заметил Парето¹, это кладбище аристократий, и к концу пятидесятых — началу шестидесятых WASP-элита уже не верила в тот кодекс и социальные ограничения, на которых она держалась. Возможно, представители этой элиты просто утратили волю к борьбе за свои привилегии. По теории писателя Дэвида Фрума, к тому моменту последняя эпоха крупных состояний уже полвека как прошла. В великих семействах подрастало уже как минимум третье поколение джентльменов с утонченными манерами, и сил для борьбы, возможно, просто не оставалось. А может, этический ландшафт изменился из-за Холокоста, который дискредитировал расовые предрассудки, на которых и зиждился протестантский истеблишмент.

Так или иначе, но все эти важнейшие тенденции Дигби Балтцелл отследил еще в 1964 году. В «Протестантском истеблишменте» он писал: «Складывается впечатление, что иерархия университетских кампусов, регулируемая ценностями, которыми руководствуются приемные комиссии, постепенно вытесняет классовую иерархию городских общин, которые по-прежнему живут отцовскими представлениями... Как в Средние века основной дорогой для талантливых и амбициозных самовыдвиженцев из низших слоев была церковная иерархия и как предпринимательство XIX века привело к возникновению и реализации мечты о преодолении социальных рамок „из грязи в князи“ (когда мы были преиму-

¹ Вильфредо Парето (Vilfredo Federico Damaso Pareto, 1848–1923) — итальянский инженер, экономист и социолог. Один из основоположников теории элит, автор «закона Парето».

щественно англосаксонской страной), так университетский кампус сегодня стал основным сосредоточием традиционных для нашей культуры идеалов страны больших возможностей».

Двери кампуса теперь распахивались не для белой кости, но для светлых голов, и в течение нескольких лет университетский ландшафт заметно преобразился. Гарвард, как мы видели, из университета для детей из хороших семей со связями стал школой для башковитых и усердных. Другие ведущие университеты отменили квоты для евреев, а потом сняли ограничения и для женщин. Более того, количество образованных американцев возросло в арифметической прогрессии. Процент населения США с высшим образованием увеличивался на протяжении всего XX века, однако между 1955 и 1974 годами эти показатели просто зашкаливали. Среди новых студентов было много женщин. С 1950-го по 1960-й количество студенток увеличилось на 47 процентов. А между 1960-м и 1970-м подскочило еще на 168 процентов. Все последующие десятилетия количество студентов непрерывно росло. В 1960-м в стране было порядка 2000 вузов. К 1980-му их было уже 3200. В 1960-м в Соединенных Штатах работало 235 000 преподавателей, к 1980-му их было уже 685 000.

Иными словами, до этого периода в престижных университетах преобладала WASP-элита, и соответственно ее представители составляли значительный процент обладателей диплома о высшем образовании. К концу же указанного периода отпрыски хороших семейств более не доминировали в престижных университетах и составляли лишь незначительную прослойку образованного класса. При этом престижные университеты сохранили свой статус. Процент выпускников Лиги плюща в справочнике «Кто есть кто в Америке» остается неизменным последние лет 40. Свое главенствующее положение они сохранили, отказавшись от посредственных потомков старой элиты в пользу способных студентов без каких-либо связей.

Быстрому разрастанию образованного класса суждено было оказать на Америку влияние столь же существенное, какое быстрая урбанизация оказала на развитие иных стран в другой исторический период. К середине 1960-х WASP'ы средних лет по-прежнему пользовались в корпоративном мире определенным авторитетом, обладали громадным социальным и политическим влиянием, не говоря уже о финансовом капитале. Но в кампусах их уже подвинули. Теперь представьте себя молодым дарованием, чьи родители работают, скажем, фармацевтом и учительницей начальных классов. На дворе середина 1960-х, и вас принимают в престижный университет. Вы — один из целой когорты парвеню в области образования. В кампусе еще видны некоторые внешние атрибуты WASP-культуры, однако присутствие новичков лишает их привычного блеска. Если посмотреть за пределы университетского кампуса, станет очевидно, что представители последнего поколения старой гвардии, которых мы знаем по свадебным фотографиям из «Нью-Йорк таймс», по-прежнему занимают ключевые посты и пользуются авторитетом в обществе. Они работают на самых престижных и влиятельных должностях, но на те же должности претендуете и вы. Кроме того, эти люди продолжают жить в соответствии с этикой, которую вы считаете предвзятой и удушающе архаичной. Этот основанный на родстве и связях этос, кроме прочего, мешает вашему карьерному росту. Вы и многие ваши ровесники, даже не осмысливая этого, естественным образом постараетесь положить конец отжившему режиму. Вы постараетесь уничтожить то, что осталось от этоса протестантской элиты и заместить его собственным, основанным на личных достижениях.

В более широком смысле вы попытаетесь изменить сам общественный строй. Восхождение меритократов можно понимать как классическую революцию больших ожиданий. Предложенная Токвилем теория революций оказалась верной: чем более осязаемым становится успех возвышающегося слоя, тем менее терпимы

становятся оставшиеся препятствия. Социальная революция конца 1960-х была не чудом и не стихийным бедствием, как иногда ее преподносят и правые, и левые публицисты. Это было логическое продолжение важнейших тенденций, сложившихся между 1955 и 1965 годами. Правила формирования элит должны были измениться. Культура высших слоев Америки входила в революционную стадию.

Шестидесятые

«Как поживает наш титулованный молодой специалист?» — спрашивает персонажа Дастина Хоффмана один из напыщенных взрослых, когда тот спускается в гостиную в первой сцене киноленты «Выпускник». Картина Майка Николса, ставшая хитом проката в 1968 году, повествует о склонном к самоанализу выпускнике Бене, который, вернувшись в богатый белый калифорнийский пригород после успешного окончания одного из университетов Восточного побережья, с ужасом осознает, как глубока культурная пропасть между ним и его родителями. Как и предсказывал Балтцелл, университетские ценности заменили родительские. В знаменитой начальной сцене радушные шумные «взрослые» WASP'ы чествуют Бена как героя и, передавая из рук в руки, сюсюкают, как с младенцем. Лицо Хоффмана выглядит, как оазис спокойствия посреди бушующего добродушия в стиле Дэйла Карнеги. Здесь царит веселье, привычное для коктейльных вечеринок. Мама приносит выпускной альбом и зачитывает записи о его достижениях. Самодовольный делец выводит его к бассейну и, раздувая щеки, сообщает, что будущее за пластиком, — в этой сцене культурный упадок старого порядка демонстрируется без прикрас.

Зарабатывающие миллионы кинематографисты совершенно безжалостно изображают миллионеров из бизнесменов и адвокатов, и в «Выпускнике» лишенный всякого сострадания

взгляд исследует жизнь протестантской элиты: роскошные минибары, клюшки для гольфа с монограммами владельца, золотые часы, белая мебель на фоне белых стен, ограниченность и лицемерие и, на примере миссис Робинсон, подтопленное коктейлями отчаяние. Бен еще не знает, чего он хочет от жизни, но уверен — точно не этого.

В романе, по которому был снят фильм, Бен Брэддок описывается как высокий блондин с голубыми глазами, и Майк Николс сперва думал позвать на роль Роберта Редфорда. В этом случае у зрителей не возникло бы вопросов, почему миссис Робинсон испытывает к Бену такое влечение, однако это не гарантировало бы картине такого шумного успеха. Кому захочется отождествлять себя с тоскливым голубоглазым Адонисом? Вот Хоффман — тонкая натура, не какой-нибудь арийский Дик Дайвер¹. Он стал идеальным воплощением всех стремящихся к успеху нацменов, каких становилось все больше в университетах, и, оказавшись в богатых пригородах, они понимали, что жизнь там скучна, а атмосфера удушлива.

Восстание образованного класса, которое мы называем «шестидесятые», включало в себя множество течений, наиболее важными из которых были движения за права человека и против войны во Вьетнаме. Другие акцентировались на недостойных нашего внимания глупостях, значение третьих, таких, как, например, сексуальная революция, было существенно преувеличено (на самом деле на сексуальное поведение в значительно большей степени повлияли мировые войны, нежели Вудсток). Однако в своей основе культурный радикализм шестидесятых ставил под сомнение сложившиеся представления об успехе. Это было не только политическое движение с целью смещения старой элиты с ключевых позиций. То было культурное усилие поднимающих голову классов по окончательному разрушению престижа, который еще ассоциировался со стилем жизни и моральным кодексом протестант-

¹ Персонаж романа Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна».

ской элиты, и замещению старого порядка новыми общественными нормами, в которых отражались бы свойственные новому классу духовные и интеллектуальные идеалы. Радикалы шестидесятых отказывались от приоритета хороших манер, от желания быть не хуже других, от господствовавшего понятия о респектабельности, от представления о том, что жизненный успех можно измерить доходом, имуществом, умением себя держать. Детям демографического взрыва хотелось низвергнуть всех идолов протестантской элиты. Причиной культурных конфликтов 1960-х были демографические сдвиги 1950-х. Или как предсказывал в «Протестантском истеблишменте» не перестающий удивлять Дигби Балтцелл: «Экономические реформы одного поколения часто приводят к социальным конфликтам в следующем».

Что же именно могло так не нравиться лидерам студенческого движения в свадебной секции «Нью-Йорк таймс» 1959 года? Специфические культурные изменения, предвестником которых стал образованный класс, будут рассматриваться в последующих главах. Однако краткий список не будет здесь лишним, поскольку тип мышления, сложившийся, когда образованный класс находился в радикальной стадии, продолжает влиять на образ мыслей и сегодня, когда он стал господствующим. Так вот студенты-активисты презирали брачующихся со страниц «Таймс» за то, что воспринималось ими как конформизм, формализм, традиционализм, четко расписанные гендерные роли, поклонение предкам, привилегированность, беззастенчивый элитизм, несклонность к рефлексии, самодовольство, сдержанность, богатство, воспринимаемое как нечто само собой разумеющееся, душевная черствость.

Позднее мы подробно поговорим о сопутствующих этим процессам культурных сдвигах, однако в общем и целом можно сказать, что радикалы-шестидесятники предпочитали божественное самовыражение и презирали предшествовавшую им элиту за строгий самоконтроль. Надо отметить, что их усилия по искоренению

норм и обычаев старой элиты обошлись обществу недешево. Старые авторитеты и сдерживающие факторы были упразднены. Для миллионов граждан это было настоящее, зачастую катастрофическое крушение общественных устоев, и силу этого крушения можно оценить по резкому скачку в статистике разводов, преступности, наркомании и внебрачных детей.

Страница свадебных объявлений «Нью-Йорк таймс» конца 1960-х — начала 1970-х отражает контрасты и противоборства этой непростой эпохи. Начнем с того, что раздел стал значительно меньше. Если в июньском выпуске 1959 года рассказывалось о 158 свадьбах, то в конце 1960-х — начале 1970-х в таком же июньском выпуске их было порядка 35. Идущие в ногу со временем молодые не желали сообщать о своем бракосочетании на страницах, считавшихся бастионом элитизма и устаревших ритуалов. Среди тех, кто решался напечатать объявление, наблюдается удивительная двойственность. Одни как будто не замечают бушующих вокруг них перемен. По этим абзацам по-прежнему щедро рассыпаны упоминания о членстве в «Джуниор Лиг», частных школах, знаменитых предках и балах дебютанток. Эти брачующиеся как будто вовсе не отличаются от своих предшественников из 1950-х. Однако несколько столбцов теперь занимают описания свадеб, где все присутствующие были босиком, а сама церемония напоминала ритуал языческого солнцеворота. В другом объявлении говорилось, что, избавившись от традиционных условностей, жених и невеста сами написали свои клятвы верности, а на свадьбе у них играла рок-группа. На самом деле практика написания собственных клятв верности обозначила поворотный пункт. Те, кто клялся по-старому, связывали себя с предшествующими поколениями и занимали свое место в великой цепи традиции. Те же, кто составлял свои клятвы самостоятельно, выражали свою индивидуальность и свое стремление к созданию институций, отвечающих индивидуальным потребностям. Они предпочитали видеть себя скорее создателями, нежели

наследниками традиций. Таким образом, они соблюдали первую заповедь образованного класса: «Создай свою индивидуальность».

Конечно, самая знаменитая свадьба этой эпохи была сыграна в последней сцене «Выпускника». Элейн в исполнении Катарины Росс немного поспешно, однако соблюдая весь положенный церемониал, выходит замуж в современном здании пресвитерианской церкви в Санта-Барбаре за накрахмаленного белокурого доктора, типичного WASP'а. Мы уже поняли, что он ретроград по тому, как он делал ей предложение: «Из нас получится отличная команда», — в этой фразе отразилась и душевная черствость WASP-культуры и свойственный ей состязательный дух. Под конец церемонии в церковь вбегает взъерошенный Бен и, забравшись на хоры, начинает колотиться в стеклянную стену над нефом и звать Элейн. Невеста смотрит на него, потом на злобные лица родителей и жениха и решает убежать с Беном. Мать Элейн, миссис Робинсон шипит: «Слишком поздно», — на что Элейн выкрикивает: «Только не для меня». Бен и Элейн отбиваются от родственников и гостей и запрыгивают в рейсовый автобус. В течение долгой финальной сцены они едут в этом автобусе, сидя бок о бок, Элейн в свадебном платье, и сперва они, конечно, счастливы, но потом эйфория постепенно проходит, и они уже выглядят немного испуганными. Они уже свернули с навязанной им дороги, но каким путем пойдут дальше, они еще не придумали.

На сцену выходят деньги

Самые радикальные из радикалов шестидесятых полагали, что единственно верный путь — полностью отказаться от погони за успехом: оставить эту мышиную возню и жить в небольших коммунах, пестуя истинные ценности и человеческие отношения. Однако такая утопия никогда не пользовалась широкой популярностью среди выпускников университетов. Представители образованного

класса ценят человеческие отношения и социальное равенство, но, подобно многим поколениям американцев до них, выпускники шестидесятых ставили личные достижения во главу своей ценностной шкалы. Большинство студентов и не собиралось бежать от мира, жить в коммунах, нюхать цветы, растить свиней и размышлять о поэзии. Более того, со временем они обнаружили, что все богатства вселенной лежат у их ног.

Когда представители первой волны демографического взрыва по окончании колледжа вышли на работу, диплом не принес им ни существенных финансовых преимуществ, ни значительных изменений в уровне жизни. Еще в 1976 году специалист по экономике труда Ричард Фриман в труде, озаглавленном «Слишком образованный американец», мог утверждать, что высшее образование не окупается на рынке рабочей силы. Но тут подоспела информационная эра, когда преимущества образования становились все более ощутимы. По данным специалиста по рынку труда из Чикагского университета Кевина Мерфи, в 1980 году выпускники колледжей зарабатывали примерно на 35 процентов больше, чем выпускники школ. Однако к середине 1990-х обладатели университетского диплома зарабатывали уже на 70 процентов больше, а получившие научную степень на 90 процентов. За пятнадцать лет положительная зависимость зарплаты от высшего образования увеличилась вдвое.

Вознаграждение за интеллектуальный капитал возросло, тогда как материальный капитал дороже не стал. Это означает, что даже выпускники гуманитарных дисциплин однажды могут оказаться среди высокооплачиваемых специалистов. Преподаватель Йельского университета с полной занятостью, клеймивший капиталистическую погоню за наживой, вдруг обнаруживает, что заработал в 1999 году \$113 100, тогда как его коллега в Ратгерском нажил \$103 700, а суперпопулярные профессора, которых в академической среде перекупают, как дефицитный товар, сегодня могут загребать до \$300 000 в год. Чиновники аппарата президента и Конгресса полу-

чают до \$125 000 (до перехода в частный сектор, где им предлагают сразу в пять раз больше), а достигшие среднего возраста журналисты национальных изданий могут рассчитывать на шестизначную зарплату, не считая гонораров за лекции.

Обладатели дипломов по философии и математике отправляются прямым путем на Уолл-стрит, где на своих количественных моделях они могут заработать десятки миллионов. В Америке всегда было много адвокатов, сегодня средний годовой заработок этой быстрорастущей группы составляет \$72 500, тогда как доход крючкотворов в большом городе может достигать семизначных цифр. Толковые ученики по-прежнему в массовом порядке идут на медицинский — три четверти частнопрактикующих врачей получают более \$100 000. Что говорить о Силиконовой долине, где миллионеров больше, чем простых смертных.

В Голливуде телевизионные сценаристы заколачивают от \$11 000 до \$13 000 в неделю. А редакторы ведущих нью-йоркских журналов, как, например, Анна Винтур из «Вога», зарабатывает миллион в год, что чуть меньше зарплаты главы Фонда Форда. И все эти невероятные заработки обрушились не только на детей демографического взрыва, которые, возможно, по-прежнему не верят своему счастью, но и на все последующие поколения выпускников, большинство из которых никогда и не знали мира без художественных мастерских за 4 миллиона, ультрамодных гостиниц по \$350 за ночь, загородных домиков, построенных авангардными архитекторами, и прочих атрибутов контркультурных плутократов.

Информационный век произвел на свет целый ряд новых специальностей, часть которых могли бы показаться смешными, если бы не оплачивались так хорошо: креативный директор, начальник отдела управления знаниями, координатор командного духа. Появились должности, которых еще в школе никто и представить себе не мог: веб-дизайнер, патентный поверенный, главный сюжетчик, сотрудник программы подготовки к поступлению в универси-

тет, редактор по гостям на ток-шоу и т.д. и т.п. Экономика этого века такова, что чудаки типа Оливера Стоуна становятся влиятельными мультимиллионерами, а неуклюжие лохи типа Билла Гейтса чуть ли не правят миром. Кочующих интеллектуалов, которые перебиваются с хлеба на воду в поисках места преподавателя на полставки и сегодня хватает, как и в писательско-журналистском цеху немало еще малохольных, не глядя отдающих плоды своего труда за неприлично маленькие гонорары. Однако основной упор в информационном веке делается на поощрение образования и увеличение разрыва в доходах между образованными и необразованными.

Более того, верхушка среднего класса из скромного придатка к последнему выросла в отдельную демографическую категорию, состоящую преимущественно из обладателей престижных дипломов. Несмотря на заметный экономический упадок, через несколько лет в Америке будет десять миллионов семей с доходом выше \$100 000, против двух миллионов в 1982 году. Принимая во внимание культурный и финансовый капитал этой обширной группы, общественный вес верхушки среднего класса нельзя недооценивать. При этом мало кто из представителей образованной элиты гонялся за деньгами. Деньги пришли к ним сами. И мало-помалу, часто против их воли, материальные блага заняли важное место в их мировосприятии.

Представителям образованной элиты пришлось прежде всего изменить свое отношение к деньгам как к таковым. В их бытность бедными студентами деньги были твердой материей, кусок которой, выраженный в банковском чеке, поступал ежемесячно. Отщипывая понемногу от этого куска, они оплачивали свои счета. При этом они почти физически ощущали, сколько денег у них на счету, как мы осязаем, сколько мелочи у нас в кармане. По мере роста их благосостояния денежная масса все более разжижалась. Сегодня дензнаки чудесным образом льются на банковский счет, и так же быстро с него утекают. Обладателю денежных средств остается только наблюдать,

слегка ужасаясь, скорости этого неудержимого потока. Он или она может попытаться перекрыть течение с целью накопления средств, но тут возникает вопрос, где именно ставить плотину. Сама способность оставаться на плаву, обходя в бурном денежном потоке все подводные камни и узкие места, становится признаком состоятельности. Это как очередной тест на академические способности. Деньги не приводят к упадку и разложению, но становятся символом превосходства и контроля над ситуацией. Теперь они кажутся чем-то естественным и вполне заслуженным настолько, что даже бывшие студенты-радикалы переиначивают старый коммунистический лозунг так: от каждого по способностям, каждому по способностям.

Представители образованной элиты не только зарабатывают куда больше, чем могли предполагать, они постепенно занимают все более ответственные посты. Сегодня каждый из нас знаком с управленцами, которые из совета «Студентов за демократическое общество»¹ перешли в совет директоров, и с LSD на IPO. И действительно, может сложиться впечатление, что из «Свободы слова»² корпоративных управленцев вышло больше, чем из Гарвардской школы бизнеса.

Бурный рост прибыльных отраслей, где все участники процесса являются членами образованной элиты, поражает не меньше. Всего у 20 процентов взрослого населения США есть диплом о высшем образовании, однако в крупных городах и пригородных офисных комплексах можно ходить от кабинета к кабинету, километр за километром, и у каждого в ящике стола найдутся корочки. Сегодня образованная элита обладает той властью, которая раньше приходилась на долю степенных пожилых WASP'ов с выдающимися подбородками. Экономисты из Международного валютного фонда летают по миру,

1 Марксистская молодежная организация т.н. новых левых.

2 Студенческое протестное движение в университете Беркли в 1964–1965 гг., выступавшее против запрета на политическую деятельность в кампусе, за полную гласность и академические свободы.

формируя макроэкономическую политику. Умники из McKinsey & Company пикируют на офисы корпораций, которыми управляют их же товарищи по университетской футбольной команде, и выписывают рекомендации по слиянию и реструктуризации.

Образованная элита подмяла под себя даже те профессии, которые раньше относили к рабочему классу. Сильно пьющие трудяги-репортеры, к примеру, исчезли как класс. Сегодня если вы придете на пресс-конференцию в Вашингтоне, то в любом ряду Йель будет чередоваться со Стэнфордом, Эмори и Гарвардом. Если раньше политическими партиями управляли наймиты из эмигрантов, сегодня там господствуют информационные аналитики с научной степенью. Пройдитесь по старым пригородам, и вы обнаружите, как богемного вида деятели в футболках с длинным рукавом, затоварившись органическими фруктами, идут домой, где раньше жили биржевые брокеры. Они в буквальном смысле спят в их кроватях. Они заполонили все учреждения ушедшей элиты. Писатель Луис Окинклосс так описывает сложившееся положение: «Старое общество уступило под натиском образованного класса». Недалеких красавцев и красавиц с великими предками сменили умные, амбициозные леваки в стоптанных ботинках.

Тревожное благополучие

Последние 30 лет образованный класс одерживает одну победу за другой. Они дезавуировали культуру старой протестантской элиты, вписались в экономику, щедро оплачивающую их высокие способности, и встали во главе многих учреждений, против которых раньше выступали. Однако все это привело к возникновению некой червоточки. Как убедить себя, что они не стали такими же самодовольными болванами, как пресловутые WASP'ы, которых они по-прежнему столь неистово осуждают?

Доверия образованного класса заслуживает тот, кто справляется с тревогами благополучия и демонстрирует — не в последнюю очередь самому себе, — что, взбираясь по социальной лестнице, он не приобщился к тому, что по-прежнему открыто презирает. Как пройти отмель, отделяющую финансовое благополучие от самоуважения? Как примирить успех с духовностью, элитный статус с идеалами равноправия? Социально просвещенные представители образованной элиты озабочены все увеличивающейся пропастью между богатыми и бедными, и поэтому их собственный доход, превышающий \$80 000, вызывает смешанные чувства. Есть такие, что мечтают о социальной справедливости, а сами закончили колледж, где на плату за один семестр можно год кормить деревню в Руанде. А тот, кто раньше ездил на машине с наклейкой «Сомневайся в начальстве», сегодня возглавляет молодую компанию по производству программного обеспечения, и у него в подчинении 200 человек. В университете они читали труды по социологии, где утверждалось, что потребительство — это болезнь, а теперь вот идут и покупают новый холодильник за \$3000. «Смерть коммивояжера»¹ когда-то произвела на них глубокое впечатление, теперь же они сами руководят продажами. Они смеялись над пластиковой сценой в «Выпускнике», а теперь работают в компании, производящей... пластик. Потом они переезжают в пригородный дом с бассейном и стесняются сказать об этом своим богемным друзьям, которые остались жить в центре. Восхищаясь искусством и интеллектом, они живут мире коммерции или, по крайней мере, в той странной сумеречной зоне, где пересекаются творчество и коммерция. Совокупная длина книжных полок, принадлежащих представителям этого класса, больше чем когда-либо и у кого-либо в истории человечества, и в то же время на полках этих можно

1 Пьеса Артура Миллера (1949) о стареющем коммивояжере-неудачнике, по которой был поставлен одноименный телефильм (1985) с Дастином Хоффманом в главной роли.

обнаружить роскошные издания книг в кожаных переплетах, которые доказывают, что успех и благосостояние — это фикция: «Бэббит», «Великий Гэтсби», «Властвующая элита», «Теория праздного класса». Это элита, воспитанная на противостоянии элите. Они состоятельны, но выступают против меркантилизма. Они всю жизнь могут заниматься продажами, при этом жутко боятся продаться сами. Бунтари по природе, шестым чувством они понимают, что сами стали новой элитой.

Представители этого класса страдают тем типом раздвоения личности, что вызывается длительной и упорной борьбой с противоречиями между реальностью и идеалами. Они мучаются компромиссами между равенством и привилегированным положением («Я верю во всеобщее образование, просто моим детям больше подходит частная школа»), между удобством и ответственным потреблением («Эти одноразовые подгузники скоро заполонят всю планету, но с ними так просто»), между бунтарством и приличиями («Сам я в старших классах мимо наркотиков не проходил, но своим детям я говорю даже не пробовать»).

Однако сильнее всего, говоря поэтическим языком, струна натянута между мирским успехом и духовным миром. Как продвигаться по карьерной лестнице, не иссушая душу амбициями? Как набраться сил для свершений и не стать рабом материальных благ? Как обеспечить своей семье комфорт и стабильность, не погрязнув в опустошающей рутине? Как, будучи на вершине общественной пирамиды, не стать невыносимым снобом?

Примирители

Образованная элита не отчаивается, даже столкнувшись с подобными затруднениями. Они же герои резюме. Это они набирали максимальный балл в экзаменационных тестах и умудрялись

отказаться от merlot на время беременности. Кому же справляться с трудностями, как не им? Столкнувшись с противоречиями в конкурирующих системах ценностей, они поступают, как поступил бы всякий умный, под завязку набитый культурным капиталом, человек привилегированного класса. Они находят способ не отказываться ни от чего. Они сглаживают противоречия и примиряют противоположности.

Важнейшее достижение образованной элиты 1990-х в том, что ее представители создали образ жизни, позволяющий сочетать благополучие и успех с вольностью и бунтарством. Создавая дизайн-бюро, они, оставаясь художниками, могут претендовать на акционерный опцион. Запуская гастрономические марки, они нашли способ быть одновременно экзальтированными хиппи и корпоративными толстосумами. Используя цитаты из Уильяма Берроуза для рекламы кроссовок Nike или встраивая в маркетинговые компании хиты Rolling Stones, они поженили бунтарский стиль с корпоративным императивом. Внимая гуру-управленцам, которые учат наживаться на хаосе и раскрывать свой творческий потенциал, они окончательно примирили творческое воображение с бизнесом. Превратив университетские городки типа Принстона и Пало-Альто в центры предпринимательства, они примирили высокую науку с высокими налоговыми поступлениями. Одеваясь, как Билл Гейтс, который на собрание акционеров может прийти в поношенных слаксах, они поженили студенческую моду с руководящими постами. Занимаясь экстремальным экотуризмом на каникулах, они примирили аристократическую тягу к приключениям с заботой об окружающей среде. Затовариваясь в «Бенеттоне» или Body Shop, они совместили ответственное потребление и контроль за расходами. В среде представителей образованной элиты не понять — то ли ты в мире хиппи, то ли в мире биржевых маклеров. На самом же деле это гибридная среда, где в каждом есть и маклер, и хиппи.

Маркс учил, что классовый конфликт неизбежен, но случается так, что классы смешиваются. Ценности буржуазного мейнстрима и контркультуры 1960-х слились воедино. Культурная война закончилась, во всяком случае в среде образованного класса. А на поле битвы этот класс создал новую, третью культуру, поженив две предшествующие. И произошло это не намеренно, это скорее результат усилий миллионов людей по совмещению несовместимого. Но сегодня такой подход стал культурной доминантой. Разбирая элементы культуры и контркультуры, сложно сказать, кто кого поглотил, потому что богема и буржуазия ассимилировали друг друга и вышли из этого процесса богемной буржуазией или бобо.

Новый истеблишмент

В наши дни свадебный раздел «Нью-Йорк таймс» снова заметно раздался. В начале 1970-х юные бунтари не желали там светиться, но сегодня, когда отучились и женятся их дети, они с удовольствием открывают воскресный выпуск, чтобы полюбоваться на свое потомство. За отдельную плату «Таймс» предлагает репродукцию объявления, его можно повесить в рамочке.

И представители второго поколения бобо очень даже рады запечатлеть свои бракосочетания. Взгляните на молодоженов, чьи искренние улыбки сияют на страницах воскресной «Таймс». Если судить по фото, все они милые и легкие в общении, совсем не такие чопорные и суровые, как некоторые невесты 1950-х. Все изменилось, и в то же время осталось по-прежнему. Возьмем, к примеру, свадебный раздел «Таймс» от 23 мая 1999 года, где сообщается о бракосочетании Стюарта Энтони Кингсли. Мистер Кингсли с отличием закончил Дартмут, защитился в Гарварде, после чего стал партнером в McKinsey & Company. Его отец — член правления Националь-

ного фонда сохранения исторического наследия, а мама — куратор Бостонского симфонического оркестра и член правления Общества за сохранение древностей Новой Англии. Такие рекомендации вызвали бы горячее одобрение матрон старой протестантской элиты 1950-х. Давайте взглянем на невесту мистера Кингсли. Сара Перри, чей отец — координатор научных программ по иудаике в Государственном университете Южного Коннектикута, а мать — директор-распорядитель Еврейской федерации Нью-Хейвена — такую невесту матроны вряд ли одобрили.

Тем не менее сегодня такую пару никак не назовешь мезальянсом. Никто даже ухом не поведет, узнав, что мистер Потомок Первопроходцев Новой Англии женился на мисс Иудаика, потому что всем известно, сколько у них общего: мисс Перри закончила колледж с отличием, как и ее муж (только это был не Дартмут, а Йель); как и он, получила MBA в Гарварде (а кроме того, успела получить еще и степень магистра госуправления). Она так же стала финансовым консультантом (заняв должность первого вице-президента Community Wealth Ventures — организации, которая помогает благотворительным фондам зарабатывать). Совместный опыт восхождения на Олимп при помощи личных достижений преодолел и древнюю классовую и этническую рознь. Церемония бракосочетания состоялась в доме родителей матери мисс Перри, Люсиль и Арнольда Альдерман, и вел ее мэр Нью-Хейвена, Джон де Стефано-младший.

Сегодняшняя элита отличается от прежней своим устройством. Это более не ограниченный круг благовоспитанных граждан, связанных родственными узами или воспоминаниями о совместном обучении в элитных вузах и обладающих мощнейшим влиянием на рычаги власти. Напротив — это обширная, аморфная группа самовыдвиженцев, обладающих общими взглядами и беззастенчиво преобразующих общественные институты в соответствие со своей системой ценностей. Эта группа не ограничивается

выпускниками нескольких учебных заведений Восточного побережья. В 1962 году Ричард Ровер мог написать: «Представители элиты так же мало преуспели в таких областях, как реклама, телевидение, кинематограф». Сегодняшняя элита повсюду. Очень осторожно применяя властные полномочия, они продвигают, прежде всего, концепции и идеи, а значит, оказывают глубокое и повсеместное воздействие.

Однозначных демографических маркеров, характеризующих представителей этой элиты не существует. Они, как правило, учатся в университетах определенного уровня, но далеко не поголовно. Многие из них живут в дорогих пригородах, таких, как Лос-Альтос в Калифорнии, Блумфильд в Мичигане, Линкольн-Парк в Иллинойсе, но далеко не все. Их объединяет всеобщая преданность делу примирения и сглаживания противоречий внутри бобо. Пропуск в высший свет получается по выполнении целого ряда замысловатых культурных задач: нужно стать состоятельным, но не стяжателем; нужно угодить старшим, не ударяясь в конформизм; поднявшись на самый верх, нужно воздержаться от слишком заметных взглядов свысока на тех, кто остался внизу; нужно добиться успеха, при этом не попирая принятых в их обществе идеалов социального равенства; нужно поддерживать стиль жизни преуспевающего человека, избегая старых клише показного статусного потребления (следовать новым стереотипам разрешается).

Разумеется, мы не пытаемся утверждать, что все представители новой бобо-элиты придерживаются взглядов более единообразных, нежели представители любой другой элиты. Среди богемной буржуазии есть те, кто больше похож на буржуа — это биржевые маклеры, которым просто нравятся артистические лофты; другие склоняются ближе к богеме, и это, условно, специалисты по искусству, которые не прочь поиграть на бирже. Однако если взглянуть на ключевые фигуры нового истеблишмента — а это среди прочих

Генри Луис Гейтс, Чарли Роуз, Стивен Джобс, Дорис Кирнс Гудвин, Дэвид Геффен, Тина Браун, Морин Дауд, Джерри Сайнфилд, Стивен Джей Гулд, Лу Рид, Тим Рассерт, Стив Кейс, Кен Бернс, Ал Гор, Билл Брэдли, Джон Маккейн, Джордж Буш-младший, — есть возможность вычленить характерные черты, в которых шестидесятилетнее бунтарство совмещается со свойственной 1980-м нацеленностью на успех. Тот же бобо-характер ощущается и в старых учреждениях и общественных институтах, узурпированных новой элитой: журнал «Нью-Йоркер», Йельский университет, Американская академия литературы и искусств (членами которой сегодня являются такие деятели, как Тони Моррисон, Жюль Файфер и Курт Воннегут), да та же «Нью-Йорк таймс» (где сегодня можно прочесть передовицу, озаглавленную «О пользе контркультуры»). Особенно ярко этот этос улавливается в учреждениях, чья деятельность далека от предпочтений старой элиты: Национальное общественное радио (NPR), DreamWorks, «Майкрософт», AOL, «Старбакс», Yahoo, Barnes & Noble, Amazon, книжная сеть Borders.

Более того, в последние несколько лет новая образованная элита начала принимать на себя важную для истеблишмента роль. Я имею в виду создание системы социальных кодов, последовательно выстраивающих общественный климат в стране. Сегодня в Америке снова есть господствующий класс, представители которого определяют параметры вкуса и достойных уважения взглядов, создают общепринятые мнения, распространяют представления о хороших манерах, устанавливают формирующие общество неофициальные иерархии, исключают нарушителей заведенных приличий, передают свою мораль и представления о приличиях детям, навязывают свою общественную дисциплину другим слоям общества с целью улучшения «качества жизни», как теперь принято говорить.

Стоит отметить, что новая элита приняла на себя эту роль не без колебаний. Она так и не стала тем технократическим исте-

блишментом, следующим высокими идеалами служения обществу, что рисовался в воображении первых поборников меритократии. Представители этой элиты не смогли четко разграничить полномочия, поскольку сами так и не определились со своим отношением к начальству в принципе. Вместо этого свое влияние они транслировали через сотни частных каналов, предпочтя культурное реформирование общества политическому. Их попытки установить порядок редко бывали последовательными и часто выглядели нелепо: все эти условия политкорректности, правила поведения в кампусах, борьба с сексуальными домогательствами на работе. Но постепенно общие для этой группы представления и манеры поведения сложились в общепринятые общественные нормы. Тридцать лет тому назад, когда основной повесткой дня было разрушение сложившейся социальной структуры, корректность не пользовалась особым почтением, особенно в кампусах. Зато сегодня, когда установился новый общественный порядок, слово «корректность» снова вошло в лексикон каждого образованного человека. Кроме того, постепенно восстанавливается и более мягкий общественный климат: многие из показателей, взлетевших в переходный период 1960–1970-х — количество разводов, аборт, непризнанных детей, уровень преступности, подростковой беременности и алкоголизма — начали снижаться.

Большая часть этой книги посвящена описанию новой морали и нового этикета. У того, кто не разделяет этоса бобо, куда меньше шансов получить работу в элитных учреждениях. Или дождаться продвижения. К примеру, в начале этого века любой мог позволить себе быть расистом, антисемитом или гомофобом. Сегодня такие убеждения автоматически закроют вам путь в образованное общество. В начале века успешные самовыдвиженцы выстраивали себе нарядные замки, копируя манеры европейской аристократии. Сегодня вице-президент «Майкрософт» может построить большой дом, но, если он вознамерится отгрохать себе

особняк, как у Джона Пирпонта Моргана, его сочтут напыщенным чудаком. Еще сорок лет назад гранды с удовольствием развешивали по стенам шкуры убитых ими диких зверей. Представители сегодняшнего образованного класса сочли бы это вызовом гуманистическим ценностям.

Сегодняшняя образованная элита не занимается дискриминацией отдельных групп, однако, как и любая верхушка, определяет границы допустимого. В приличное общество не будут допущены те, кто нарочито меркантилен, открыто проповедует снобизм, а также антиинтеллектуализм. По тем или иным причинам в представлении бобо следующие люди и учреждения не могут быть приличными в принципе: Дональд Трамп, Пэт Робертсон, Луис Фаррахан, Боб Гуччионе, Уэйн Ньютон, Нэнси Рейган, Аднан Хашогги, Джесси Хелмс, Джерри Спрингер, Майк Тайсон, Раш Лимбо, Филип Моррис, девелоперы, репортеры желтых изданий, открытки Hallmark, Национальная стрелковая ассоциация, рестораны Hooters.

Новая вертикаль

После крушения протестантской элиты Америка, конечно, не стала заколдованной страной без элит, иерархий, этикета и социальных различий. Впрочем, нечто похожее и происходило в переходный период. В 1970-х и начале 1980-х вычленить вразумительный социальный порядок было затруднительно. Однако неустойчивость не может длиться вечно, что, наверное, и к лучшему. Государству необходимо прилагать усилия к достижению нового общественного баланса, что и произошло с Америкой. Новые нормы отличаются от старых, однако выполняют во многом те же социальные функции упорядочивания жизни.

Американское общество сегодня не менее, а возможно, и более иерархично. Иерархии, державшиеся на связях, рухнули, и в соответ-

ствии с нормами меритократов человека следует судить по занимаемой им должности. От вашей позиции зависят приглашения на Ренессанс-уик-энды, семинары Аспен-института, технологические конференции Эстер Дайсон и эксклюзивные частные вечеринки. Имея престижную работу, о положении в обществе вы можете не беспокоиться. Регулярно подтверждать это положение следует, окружив себя людьми такими же или же даже более успешными, чем вы, и тогда вы начнете ценить радость встреч в верхах, если можно так выразиться. Если же престижной работы у вас нет, ваша социальная жизнь будет омрачаться неизбежным вопросом соседа по столу на званом ужине: «А чем вы занимаетесь?»

Профессора из Йельского университета, прибывшего в провинциальный колледж с лекцией, поведут ужинать в лучший ресторан городка. А вот преподаватель из Колгейта, приехавший с циклом лекций, ограничится домашним ужином с принимающим семейством и детьми. Замминистра юстиции будет основным докладчиком на конференциях любых адвокатских ассоциаций; если же он продолжит карьеру в какой-нибудь прибыльной юридической фирме, то в этом качестве, дай бог, станет участником какого-нибудь круглого стола под конец заседаний. В одной из статей «Нью-Йорк обсервера» утверждалось, что бывший главный редактор «Нью-Йоркера» Тина Браун, устраивая вечеринку, ведущих журналистов и редакторов приглашала к 8 вечера, а журналистам и редакторам рангом пониже предлагалось прийти к 9.30.

Однако это вовсе не означает, что занимаемая должность прямо пропорциональна статусу. Ваша карьера должна отражать изменчивые запросы бобо-этики. В 1950-х считалось, что деньги лучше всего получать по наследству. В среде сегодняшней бобо-элиты считается, что лучше всего разбогатеть по стечению обстоятельств. Деньги просто случилось заработать на пути к реализации творческой задачи. Это значит, что наиболее престижные профессии совмещают в себе артистическое самовыражение с высоким

доходом. Писатель, зарабатывающий миллион долларов в год, куда престижнее банкира, получающего пятьдесят. Программист с опционом на акции стоимостью в несколько миллионов престижнее девелопера, чей пакет оценивается в десятки миллионов. На звонок газетного колумниста с доходом в \$150 000 ответят быстрее, нежели на вызов адвоката, зарабатывающего в шесть раз больше. Ресторатор с одним популярным заведением получит куда больше приглашений на коктейли и вечеринки, нежели владелец полудюжины крупных торговых центров.

Началась эпоха разборчивости в доходах, когда люди могут отказаться от возможности заработать в пользу более насыщенной, богатой жизни. Человек, никогда не отказывавшийся от выгоды, не может достичь наивысшего статуса, вне зависимости от суммы на его банковском счету. Преподаватель, которого приглашали стать ведущим телепрограммы, но он отказался, вызывает больше восхищения, нежели профессор, у которого такой возможности никогда не было. Режиссер, снявший заведомо некоммерческое независимое кино, собравшее 100 миллионов, пользуется куда большим уважением, чем режиссер, заработавший 150 миллионов на студийном блокбастере. Рок-звезда, чья задушевная акустическая пластинка стала платиновой, вызывает больше восхищения, нежели звезда, чей очередной забойный альбом стал дважды платиновым. Свадебная церемония медийных персонажей, наподобие Кристианы Аманпур и Джеймса Рубин, будет освещаться на главной странице соответствующего раздела «Нью-Йорк таймс», тогда как бракосочетание рядовых финансовых аналитиков удостоится лишь абзаца в нижней части. Парня, бросившего Гарвард ради создания собственной софтверной компании, пригласят выступить на важном мероприятии, а рядом с ним будет сидеть потомок Вандербильтов и ловить каждое слово, а потом еще и заплатит за ужин.

Для вычисления статуса необходимо личное состояние помножить на немеркантильные жесты. Нули в столбцах означа-

ют полное отсутствие престижа, с большими же цифрами в обоих вы станете царем горы. Таким образом, чтобы заслужить в этом мире благорасположение, нужно не только зарабатывать как следует, важно еще регулярно демонстрировать, как мало для вас значит мирской успех. Не менее важно быть одетым чуть менее парадно, чем все вокруг. Возможно, вам захочется набить татуировку, или ездить на грузовичке, или каким-либо иным способом демонстрировать допустимые в обществе антистатусные отклонения. В разговоре вы станете шутить на счет собственного успеха, так чтобы одним махом и напомнить о своих достижениях, и продемонстрировать свою ироническую отстраненность. Вы без устали будете гнать на яппи, тем самым доказывая, что не стали одним из них. О своей нянечке вы будете вспоминать, как о лучшем друге, а то, что вам повеселилось жить в особняке в Санта-Монике за \$900 000, а ей приходилось ездить два часа на автобусе от работы до своего района, опускается как досадное недоразумение. Обладатели еще более утонченных манер не только не станут выпячивать, но будут даже слегка приуменьшать значение своих альма-матер. На вопрос «Что вы заканчивали?» вам ответят «Гарвард?», едва заметно повысив тон на последнем слове, как будто подразумевая: «Слыхали о таком?» Услышав: «Когда я был в Англии по программе...», — можно предположить, что речь идет о проведенном в Оксфорде семестре по стипендии Родса¹. Однажды в Вашингтоне я спросил одного переселившегося туда англичанина, где он учился, на что тот ответил: «В небольшой школе возле Слау». Слау это скромная деревенька к западу от Лондона. Следующая станция называется Итон.

1 Стипендия Родса (Rhodes Scholarship) — международная стипендия для обучения в Оксфордском университете, основанная для студентов из Британской империи, США и Германии Сесилем Родсом в 1902 году. Присуждается в качестве премии за высокие академические способности, спортивные достижения, наличие лидерских качеств; независимо от расы, этнического происхождения, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации, семейного статуса и социального происхождения.

Неверно было бы предположить, что в результате крушения кодекса старой протестантской элиты Америка оказалась в моральном вакууме. Оплакивать потери, которые повлекло падение привилегированного класса WASP, готовы многие: нет уже того благородства, того чувства долга и служения обществу, нет тех авторитетов и чинопочитания, той сдержанности и стремления держаться в тени, той целомудренности или благопристойности, нет ни леди, ни джентльменов, ни чести, ни достоинства. Многие смотрят на утратившие силу правила и делают поспешное заключение, что мы вступили в век нигилизма.

В действительности наша мораль, как и манеры, развивается по тому же кругу, и после упадка следует возрождение. Когда старая протестантская элита растворилась вместе со своей этической системой, был недолгий период анархии. А затем новый образованный класс установил свои порядки, и, как мы увидим в пятой главе, далеко не сразу понятно, особенно на первый взгляд, чьи морально-этические рамки теснее — бобо или WASP.

Подобные вопросы мы рассмотрим ниже. Достаточно сказать, что это одна из наименее уверенных в себе элит за всю историю. И неуверенность эта возникла не оттого, что за воротами наших особняков поджидает разъяренная толпа, готовая отправить нас на гильотину. Нет той толпы. Причина наших тревог кроется в раздирающем нас противоречии между желанием преуспеть и страхом продаться. Еще мы беспокоимся из-за того, что у нас не принято приберегать себе синекуру по званию. Предшествующие нам элиты выстраивали целые социальные институты, обеспечивавшие безбедное существование их представителям. В первой половине XX века, уж коли семья добралась до высших эшелонов, то оставаться там не представляло особого труда. Связи гарантировали участие в правильных предприятиях и мероприятиях. Детей практически

автоматом зачисляли в правильные школы и подыскивали подходящую пару. Акцент в тех кругах ставился не на профессии, а на имени. Как только ваша фамилия, будь то Биддл, Оченкосс или Вандерлип, становилась известной в определенных кругах, путь перед вами был открыт. А вот представители сегодняшней образованной элиты не бывают до конца уверены в своем будущем. В любой момент их может поджидать крах карьеры. Здесь даже светское общение — бесконечная череда тестов на соответствие; всем нам положено без устали следить за подвижными правилами приличия, уходящими вдаль культурными маяками и поступать соответственно. Репутация может быть испорчена неудачным высказыванием, сексуальными скандалом, нападками прессы или провальным выступлением на саммите в Давосе.

И что еще более важно, представители образованного класса не могут обеспечить достойное будущее своим детям. У детишек есть некоторые домашние и образовательные преимущества — все эти репетиторы и обучающие игрушки — но им все равно придется учиться в школе, а потом показывать наилучшие результаты в тестах только ради того, чтобы достичь того же положения в обществе, как у родителей. Если сравнивать с предшествующими элитами — никаких гарантий.

Однако отсутствие стабильности лишь усиливает образованный класс. Его представители и их дети всегда должны быть начеку, им постоянно приходится работать и добиваться всего самим. Более того, образованной элите не грозит стать самодостаточной кастой. Чтобы стать ее частью, достаточно правильного диплома, работы и культурной базы. Еще Маркс предупреждал: «...чем более высока способность господствующего класса ассимилировать лучших мужчин (или женщин) угнетаемых классов, тем более устойчиво и опасно его правление». И действительно, представить себе закат правления меритократов довольно сложно. В 1960-е протестантская элита сдала позиции легко, почти без еди-

ного выстрела. Однако выросший на собственных достижениях класс бобо силен духом самокритичности. Он гибок и аморфен настолько, чтобы вобрать в себя то, что не удалось подчинить. Не так-то просто будет свергнуть меритократию бобо, даже если представить, что появится некая социальная группа, которая решит, что пора пришла. Давайте же приступим к изучению нравов и обычаев сегодняшнего господствующего класса.

2.

потребление

Городок Уэйн, что в Пенсильвании, был когда-то гнездом консерватизма. Расположенный в 13 милях по Главной ветке к западу от Филадельфии, Уэйн, в отличие от Брин-Мор или Хэйверфорда, где наряду с высокой концентрацией уважаемых членов кантри-клубов присутствовал все-таки некий флер космополитизма, был стопроцентно белым. Когда несколько лет назад вышла экранизация «Мэри Поппинс», в местном кинотеатре ее крутили все лето. На главной торговой улице рядом стояли пыльные аптеки, где пожилые вдовы Главной ветки — владелицы особняков в южной части города затоваривались лекарствами. Здесь разворачивались события «Филадельфийской истории», городок мог бы послужить отличной декорацией и для «Справочника выпускника частной школы»¹. Из всех почтовых отделений США Уэйн был на восьмом месте по количеству жителей упомянутых в светском календаре (а местная епископальная церковь Святого Давида в 1950-х регулярно упоминалась в свадебном разделе «Нью-Йорк таймс»). Женщины давали друг другу принятые в среде WASP, но оттого не менее странные прозвища типа Скимми и Бинки² и конкурировали за наиболее престижные волонтерские программы на ежегодном Девонском конноспортивном празднике. Около шести вечера с железнодорожной станции выходили мужчины в приснопамятных костюмах. Кто-то мог щегольнуть в галстук со стаей уток или же, собираясь на ужин в «Мерион Крикет Клуб», забрести по дороге в магазин мужской одежды Tiger Shop за парой зеленых штанов для гольфа. Долгие десятилетия местная газета, находчиво названная «Пригородный житель», убеждала степенных пассажиров, что в Уэйне ничего не происходит и вряд ли что произойдет.

¹ «Филадельфийская история» — романтическая комедия 1940 года. The Official Preppy Handbook — сатирический путеводитель по частным школам и элитарным университетам 1980 года.

² Skim — молочная пенка, Binky — соска-пустышка.

Однако за последние лет шесть все изменилось. В город пробралась новая культура, потеснив магазины Paisley, «Лигу соседей» и прочие традиционные для Главной ветки заведения. В городке, где нельзя было найти и чашки эспрессо, сегодня уже шесть первоклассных кофеен. «Грифон» пользуется популярностью среди утонченных юношей с воспаленными глазами, здесь проходят поэтические чтения. В расположенном напротив вокзала кафе «Прокопио» воскресным утром посиживают симпатичные парочки средних лет и, обмениваясь страницами газет, перекидываются через стол комментариями относительно перспектив их горячо любимых детишек на поступление в тот или иной колледж. Подобные великосветские места сегодня на удивление логоцентричны — даже на картонной чашечке для кофе напечатан текст, из которого мы узнаем, что кафе «Прокопио» названо так в честь парижского левобережного кафе, которое, открывшись в 1689 году, стало «местом, где в течение многих веков интеллектуалы и художники собирались за чашкой хорошего кофе. В нашем “Прокопио” мы поддерживаем традицию кафе, как естественного места встреч и общения, обладающего своим неповторимым духом». Интеллектуалов и художников в Уэйне по-прежнему не так чтоб много, зато появилось немало людей, которые желают подобно им пить кофе.

На месте старой аптеки расположился «Читательский форум» — независимый книжный с потрясающим ассортиментом (на главной витрине здесь расставлены литературные биографии), а рядом гигантский сетевой Borders, куда можно пойти, коря себя, что не поддержал независимых книготорговцев. Для склонных к самодеятельному искусству открылся «Твоими руками» — лавка из тех, где, заплатив вшестеро, можно самому раскрасить кружки и тарелки, а также «Студия Б», грандиозный бутик подарков, где так же можно устроить день рождения для детей, обладающих чувством собственного достоинства, чтоб они еще больше в нем утвердились. Появилось и несколько продовольственных лавок: в «Сладком

папе» продаются гастрономические жевательные конфеты, сорбет из яблочного сидра со специями и целая линейка мороженого, среди которой есть, к примеру, со вкусом Zuppa Inglese. Два магазина продают весьма разборчивые наборы для пикников, если вы пожелаете отужинать на свежем воздухе сырными палочками с помидорами, высушенными под солнцем, и «Лучшим соусом из черных калифорнийских бобов с нулевым содержанием жира». На ланч «Ваша гурмэ-кухня» предлагает панини с крабом и цыплячьи грудки гриль на травах с ароматным хлебом из пророщенной пшеницы, а по воскресеньям здесь устраивают омлетный бар. Расположенный ближе к центру новый ресторан «У Терезы», в стиле заведений Лос-Анджелеса, по вечерам полон веселых посетителей — эдакий анклав калифорнийской движухи посреди филадельфийских пригородов.

В старом Уэйне ничего подобного не было. И рестораны называли не обыденно, как «У Терезы», а по-французски «L'Auberge», например. Однако сегодня приспособливаться приходится как раз роскошным французским заведениям. Ресторан, который назывался «La Fourchette», сегодня носит менее претенциозное имя «Fourchette no» и сменил французскую haute cuisine на кухню попроще. Меню выглядит так, будто его составлял добродушный Жерар Депардьё, а не властный и чопорный Шарль Де Голль.

В городе также открылась франшиза хлебной компании «Большой урожай» — это такие дорогие булочные, где кусочек теста с абрикосом и миндалем или шпинатом и фетой продается за \$4.75. Здешним филиалом владеют Эд и Лори Керпиус. В 1987 году Эд получил MBA и переехал в Чикаго, где занялся валютными операциями. Затем, как будто повинувшись неотвратимому ветру перемен, он отрекся от промысла Алчного десятилетия, чтобы проводить больше времени с семьей и окружающими его людьми. Так они с женой и открыли булочную.

Они приветствуют каждого посетителя и предлагают кусочек на пробу (я выбрал саваннский укроп). Далее следует краткая

лекция про исключительно натуральные ингредиенты и традиционный способ хлебопечения, который, собственно, и осуществляется прямо здесь перед вашими очами. Посетителей немного, так что заподозрить хозяев в излишнем уповании на искусство показывать товар лицом не получается. Зато повсюду плюшевые мишки и книги для детей, и кофе-старбакс для взрослых. Семья Керпиус поддерживают юных художников — каждому, кто пришлет свой рисунок в булочную, полагается бесплатный кусок, так что стены увешаны гуашами и акварелями, наряду с вымпелами, знаменующими деятельное участие булочной в местной лиге европейского футбола. Если попросить их нарезать хлеб, на вас посмотрят сочувственно, как на человека, еще недостаточно высоко поднявшегося в осознании самоценности хлеба, и выдадут памятку для тех, кому понадобится нарезать хлеб, когда он достигнет более подходящей для этого температуры (резать хлеб следует непременно «елочкой»). В наставлении говорится, что целостность хлеба не нарушается при заморозке и подогреве («Во время лыжных походов мы заворачиваем хлеб в фольгу и кладем на двигатель»).

В западной части города расположен Zany Brainy — это один из тех магазинов игрушек, что претворяются образовательными центрами. Там продаются фигурки исчезающих животных, сделанные с мельчайшими подробностями, а кроме того, Zany Brainy выдал с рынка старый магазин Toytown, который не торговал развивающими игрушками и не выдержал конкуренции. Дальше за Ланкастер-Пайк теперь супермаркет Fresh Fields. Когда покупатели вкатывают свои тележки через главный вход, они оказываются в эпицентре хипстеризма дорогого пригорода, столь характерного для сегодняшнего Уэйна и столь же чуждого Уэйну старому. Покупатель упирается в огромное табло с надписью «Сегодня в продаже органических продуктов: 130». Это как барометр добродетели. В день, когда органических продуктов бывает всего 60, покупатель чувствует себя обделенным. Зато когда на табло трехзначная цифра,

он бродит меж полок с чувством морального удовлетворения и взирает на бесконечное разнообразие капусты: тут и брокколи, и китайская, и такая, о которой наследники старых семейств Главной ветки и слыхом не слыхивали.

Как и многое в этой новой культурной волне, Fresh Fields взяли на вооружение калифорнийский этос 1960-х и, выборочно его усовершенствовав, отбросили то, что было весело и интересно юношеству, например — свободную любовь, и сохранили все, что могло бы заинтересовать повзрослевших ипохондриков, например цельнозерновые продукты, чтобы в информационный век жители дорогого пригорода могли прогуливаться меж прилавков со свежей ботвой редиса, черным рисом и басмати, емкостями с перемолотым корнем горца многоцветкового, Майанским грибным мылом, 100% натуральной краской для волос «Белая скала», ополаскивателем для рта с тремя маслами и вегетарианскими бисквитами для собак и купаться в отраженном этим изобилием свете своей многогранной натуры.

Наконец, в Уэйне появилась целая грядка новых магазинов мебели и аксессуаров. Буквально на отрезке в несколько сот футов на Ланкастер-Пайк три магазина торгуют состаренной мебелью, а в еще одном магазине-мастерской из старогохлама делают новую мебель. Где-то посередине они встречаются, чтобы предложить своим покупателям секонд-хенд, которым еще никто не пользовался.

Магазины конкурируют между собой за самый потрепанный вид. И подходят они к этому с таким энтузиазмом, что иногда мебель даже не выглядит потрепанной. Она просто разлагается, ободранные ящики вываливаются, краска осыпается на пол. В ассортименте магазина под вывеской «Раскрашенное прошлое» раскрашенные вручную шкафы для телевизоров, толстые ароматические свечи и помятый металлический туалетный столик на колесиках. В лавке «Место жительства» продают раскрашенные вручную шкафы для телевизоров, толстые ароматические свечи и прованский дуршлаг.

В быстро закрывшейся «Коллекции Сомоджи» давали раскрашенные вручную шкафы для телевизоров, не было ароматических свечей, зато было полно исцарапанных столовых буфетов из мелко порубленных дорогих сортов дерева.

Апофеозом этого празднества стала компания «Антропология», выставочный зал которой расположился в павильоне, где раньше продавали автомобили. Для Уэйна магазин, названный в честь академической дисциплины, — явление из ряда вон выходящее. Старожилов насторожила бы такая высоколобость (не говоря уже о французском написании самого слова). Однако среди представителей авангарда новой культуры вполне естественно воспринимать жизнь, как вечную аспирантуру. Интерьер магазина вызвал бы у отпрысков членов конных клубов настоящее потрясение. Кроме прочего здесь устроили кофейню, видимо, в рамках реализации программы, по которой между заведениями, предлагающими чашку капучино или французский журнал, не должно быть более 50 метров. В колонках вместо чего-нибудь изысканного вроде Баха здесь непрерывно играет «Этот чудесный мир» Луи Армстронга. Более того, внутри ни стульев Хепплайт, ни кушеток с орлиными когтями на ножках (Джорджу Вашингтону было б неуютно), ни мебели в стиле Луи XIV, ни времен Второй империи. В вопросах интерьера старый Уэйн оглядывался на европейскую аристократию. А вот новый, если судить по «Антропологии» и ее конкурентам, равняется на европейское крестьянство. Интерьер магазина — огромного пространства с открытыми балками — выполнен в приглушенных тонах синего, коричневого, черного и зеленого, или в «гамме бланша», как говорят модники. Дощатый пол с заметными щелями и необработанные балки перекрытий. В одном отделе продают предметы интерьера из Прованса, в другом — из Тосканы. Здесь представлено все экваториальное крестьянство: уголок марокканских рукоделов, перуанские ткани, индийские сундуки. Для столовой здесь есть целый ряд рубленых столов — истертых, нелакированных.

На деревенском столе для разделывания свиных туш выставлены тончайшие равиоли с начинкой в глиняном кувшине за \$25.

Картинки, репродукции, узоры на ткани теперь тоже совсем другие. В старом Уэйне предпочитали изображения охотничьих собак, лошадей и диких животных — оленей, уток. Уэйнский потребитель новой волны предпочитает безобидных или смешных животных типа пингвинов, коров, кошечек или лягушек. Старорежимные уэйнские матроны отдавали должное цветочным узорам, и, когда они выходили целой компанией, можно было подумать, что по улице расхаживают кусты гортензий. В «Антропологии» же продаются монохромные блузки и джемперы приглушенных тонов. В общем и целом ощущение от магазина можно обозначить как «Год в Провансе»¹, тогда как цены говорят — шесть лет успешной медицинской практики, и это будет вам это по карману.

Новая элита в старых интерьерах

Все это — модная булочная, кофейни с художественной программой и мебельные магазины с деревенской утварью — может показаться явлением вторичным и поверхностным. Однако в них проявляется не только своеволие моды — в прошлом году носили мини, в следующем, наверное, будут макси. Процессы, которые мы наблюдали в Уэйне и в других зажиточных городках Америки, отражают существенные культурные сдвиги. Демографические изменения, описанные в предыдущей главе, докатились до Уэйна. Самовыдвиженцы из образованного класса заняли городки филадельфийской Главной ветки, как когда-то заняли престижные университеты и страницы свадебного раздела «Нью-Йорк таймс». Девелоперы раздробили поместья и понастроили для специали-

¹ Популярный автобиографический роман английского писателя Питера Мейла 1989 года.

стов с несколькими дипломами дома по \$600 000. Даже адвокаты, покупающие викторианские особняки с пятью спальнями в 1990-х, заметно отличаются от адвокатов, покупавших такие же в начале 1960-х. Даже отпрыски старинных WASP-семейств приноровились к новым порядкам.

На улицах Уэйна стали преобладать представители околотворческой интеллигенции: врачи, разъезжающие по винодельческим хозяйствам, адвокаты-романисты, профессора-садовники, необычайно начитанные риэлторы, психологи в бижутерии ар-нуво и прочие представители буржуазии информационного века. Устремления этих людей заметно отличаются от взглядов, царивших в среде членов кантри-клубов и прочего пригородного общества. Вполне естественно, что они хотят, чтобы их представления отражались в том, что они покупают и как выглядят сами. Шопинг, возможно, не самое интеллектуальное занятие на свете, зато в нем наиболее наглядно проявляются культурные тенденции. Так вырисовывается важная для современной эпохи антиномия постулату Маркса о том, что класс определяется средствами производства. Сегодня можно сказать, что классы определяют себя средствами потребления, что будет верно, по крайней мере, для информационного века.

Исторические корни культуры бобо

История образованного класса берет свое начало в первой четверти XVIII века. Такая глубокая ретроспектива важна, поскольку даже если демографически образованный класс стал релевантной социальной группой лишь в последние несколько десятилетий, ценности, которые он несет, являются орудием культурной борьбы, начавшейся с первыми проблесками индустриального века. Необходимо вспомнить о рождении буржуазного этоса и выявить наиболее существенные составляющие этого образа жизни. После чего

важно пройти по истории первых бунтарских проявлений ранней богемы и выявить присущие ей идеалы. Только совершив экскурс в историю этих противоборствующих культур, мы сможем понять, как несоприкасающиеся нити буржуазных и богемных мировоззрений были переплетены в цехах пожевывающих кантуччини бобо.

Первый расцвет буржуазной эстетики в Америке приходится на 20-е годы XVIII века. То было время, когда значительное количество состоятельных американцев открыли для себя благородный образ жизни. После нескольких десятилетий борьбы за выживание многие колонисты могли позволить себе условия комфортабельнее тех, к которым привыкли суровые пионеры. Американское общество устоялось, и успешным купцам захотелось, чтоб их дома отражали их эстетические и культурные интересы. Началось строительство новых и ремонт старых домов, потолки в гостиных стали выше, а балки исчезли за перегородками. Изящный паркет сменил грубые дощатые полы. Появились карнизы, штукатурка, лепнина и прочий декор для создания атмосферы изысканного изящества. Кухню и прочие служебные помещения перенесли ближе к заднему двору, подальше от глаз посетителей. Створ каминов стал меньше, и то, что раньше походило на средневековый открытый очаг, стало местом, где можно элегантно погреться.

Но главное, появились залы для приемов. Гостиная (или салон) оказалась отделена от функционала остального жилища. Она использовалась для развлечения важных гостей, а также таких благородных времяпрепровождений, как чтение, вышивание или музицирование. В гостиных стояла самая дорогая мебель и хранились семейные драгоценности: медные подставки для дров в камине, позолоченные зеркала и часы, самые ворсистые ковры, вишневые стулья с прямой спинкой и когтистыми ножками. Целая армия ремесленников трудилась над созданием фарфоровых фигурок, изящных чайных сервизов и прочих безделушек, которые состоятельные колонисты выставляли в своих салонах. Все это делалось

ради создания возвышенной атмосферы, где люди могли бы культивировать восприимчивость к изящному и высокому. Кроме того, это было место, где можно было продемонстрировать благородные манеры и высокое положение. «Посетители салонов полагали, что живут более возвышенной жизнью, нежели грубое простонародье, и утверждали свое не только внешнее, но и внутреннее превосходство», — пишет историк из Колумбийского университета Ричард Бушман в книге «Изящная Америка» — превосходном исследовании этого культурно-исторического сдвига. Большая часть населения Америки, уточняет Бушман, жила просто, не сказать скудно, «лишь несколько привилегированных мест могли соответствовать вкусам приглашенных франтов, которые знали, как вести себя с благородством, простотой и грацией». Новая верхушка среднего класса выстраивала иерархию, чтобы отделить себя от грубых народных масс. В салонном обществе преклонялись перед крошечными женскими ручками и изящными ножками и восхищались их порхающей походкой. Мужчинам XVIII века полагалось носить добротные камзолы, которые затрудняли движение и держали осанку. В то время как большинство обедало за столом из грубых досок, сидя на срубленных топором табуретах, салонные эстеты восхищались всем гладким и лакированным. Основные принципы этой эстетики позднее выразил Эдмунд Берк: «Я не припомню ни одного красивого предмета, который не был бы гладким... возьмите красивый предмет и огрубите его поверхность, тогда, какой бы идеальной формой он ни обладал, удовольствия он более не доставит».

Представители американской элиты ориентировались на европейские манеры и моды, не являясь европейскими аристократами. Как и их собратья из второго сословия по другую сторону Атлантики, они были купцами, а не лордами. Когда книги по изысканным манерам получили широкое распространение среди купцов, потуги на аристократизм уступили место более благоразумным и естественным манерам. В итоге наиболее яркое выражение

общественная этика торгового класса получила в трудах Бенджамина Франклина.

Франклин пропагандировал здоровые амбиции. Его основная мысль заключалась в том, что основная цель жизни — это самосовершенствование и, как следствие, улучшение своего положения в этом мире. Франклин популяризировал типично буржуазные добродетели: бережливость, честность, порядок, умеренность, благоразумие, трудолюбие, настойчивость, сдержанность, целомудрие, чистоту, спокойствие, пунктуальность и смирение. Это не героические добродетели. Они не возбуждают воображение и не разжигают страстей, как присущие аристократам понятия о чести. Не назвать эти добродетели и достоинствами, высокими духом. Зато они практичны и доступны всем. При определенной трудовой дисциплине их может практиковать каждый. «Как мало влияет происхождение на счастье, добродетель или величие», — отмечал Франклин.

Франклин не поощряет интеллектуальную эквилибристику: «Хитрость происходит от недостатка способностей». В его это-се нет места глубокому самоанализу или длительным метафизическим раздумьям: «Со своей стороны я не вижу ничего дурного в том, чтобы время от времени развлечь себя поэзией — это может обогатить язык, но не более того», — писал он. В своих религиозных представлениях Франклин был склонен увязывать божественное с повседневным. «Бог помогает тому, кто сам себе помогает», — проповедовал он, сглаживая пуританскую доктрину о том, что у каждого человека два связанных между собой призвания — одно в этой жизни, другое — в лучшей. Сложно даже представить, чтобы Франклин отказался от мирских устремлений, дабы удалиться в монастырь и размышлять о вечном. Напротив, ему удалось поместить мирские амбиции в рамки непритязательной, но действенной морали. Будь честен. Трудись в поте лица. Не юли. Сосредоточься на конкретных неотложных задачах, не отвлекаясь на абстрактные, утопические идеи. Это он задал тот прямолинейный тон, что харак-

терен для американской народной мудрости: «Рыбу и гостей больше трех дней не держат». Это одно из характерных его выражений, как и многие другие фразы, уже давно стало общим местом.

И хотя сам Франклин был куда более ярким персонажем, нежели любая социальная группа, в его работах в полной мере отражены буржуазные ценности салонного общества. То были люди, верившие в окультуривание и самосовершенствование до тех пор, пока это оправдано успехами в обществе или торговле. Витиеватому барокко они предпочитали чистые линии классицизма. Пышности или изысканным манерам они предпочитали сдержанную благовоспитанность. Они хорошо соображали, но интеллектуализм не был их приоритетом. Их наряды были изрядно пошиты, но оттенки они предпочитали скромные. Они самоотверженно зарабатывали деньги, но богатство побуждало их не к сибаритству, а к самосовершенствованию. Они ценили изящество, но шик и широкие жесты вызывали у них отвращение. Им хотелось быть утонченнее пролетариата, но не ударяться в роскошество подобно аморальным кутилам, какими они считали европейских аристократов. Не зря их называли средним классом — они ненавидели крайности и ценили благоразумную умеренность.

Восстание богемы

Уже спустя полвека после кончины Франклина в 1790 году писатели, художники, интеллектуалы и радикалы открыто выступили против растущего господства буржуазии и буржуазных вкусов. Восставшие сосредоточились в Париже — городе, который всего за несколько десятилетий до этого покорила Франклин. В мире, где главенствующую роль играло торговое сословие, у художников не осталось меценатов из аристократии, к которым можно было подольститься. В результате, освободившись от многих не самых приятных

условностей, они оказались перед необходимостью самостоятельно добывать себе пропитание в условиях рынка, что зачастую приводило к серьезным потрясениям. Чтобы добиться успеха, писателям и художникам приходилось отныне обращаться к обезличенной аудитории, и многих творческих деятелей раздражала их зависимость от этих развоплощенных патронов из среднего сословия, которые никогда не отдавали должное таланту, будучи просто неспособны его оценить. Все более отмежевываясь от общества, писатели и художники принялись создавать героические образы, дабы подтвердить свою несиюминутную значимость.

Артистическое восстание против торгового сословия весьма точно запечатлел Сесар Гранья в своей книге 1964 года «Богема против буржуа». К 1830-м, отмечает Гранья, болезненное отвращение к буржуазии стало официальной позицией большинства писателей и интеллектуалов. Флобер, будучи отъявленным бунтарем, нередко подписывал свои письма «буржуафоб» и последовательно выступал против «тупых зеленщиков и им подобных». Ненависть к буржуазии он считал «началом всякой добродетели». Стендаль развенчал «филадельфийского ремесленника» Бенджамина Франклина, объявив его ханжой и занудой. Поэт и драматург Альфред де Мюссе обрушился с нападка на самые святыне установления салонной публики: «Черт бы побрал семью и общество. Домашний очаг и весь город — к дьяволу. Проклятье на всю нашу родину».

За что же так возненавидели среднее сословие французские литераторы? Если одним словом, то за меркантилизм. Буржуазное представление об успехе ограничивалось доходностью и производительностью. Художники же, напротив, восхищались творчеством, воображением, возвышенным духом. Поэтому интеллектуалы и считали среднее сословие сборищем достойных жалости болванов. Они клеймили буржуа за неумение радоваться, бедное воображение, тоску и приспособленчество. А хуже всего было то, что среди буржуа не было героев. Аристократы прошлого, по крайней мере, стре-

мились к величию. В крестьянах чувствовалось благочестие Божьих детей. А вот в среднем сословии не было даже намека на божественное. Одна проза и посредственность. Ничто в них неспособно было зажечь воображение: ни практичность, ни пунктуальность, ни денежные заботы, ни ежедневная рутина, ни механизмы, ни мещанство. Стендаль описывал буржуа, как «дотошного обывателя, который движется по своим заранее намеченным маршрутикам». От них ему хотелось «одновременно и тошнить, и плакать». Флобер видел в них лишь «усидчивость и корыстолюбие». «Французский буржуа слишком лавочник, слишком заплывший жиром», — позднее добавит к этому образу Золя.

Но больше всего их бесила именно ограниченность буржуазии, которая и привела этот класс к большим успехам. Торгашеская мелочность и деловитость позволяла выстраивать успешные компании и приумножать богатства. Хладнокровная расчетливость помогала всецело отдаваться собственному делу. Страсть ко всему механическому привела к созданию машин и фабрик, заменивших кустарей и ремесленников. Меркантилизм открыл дорогу к власти и политическому влиянию. Сегодня мы привыкли к ситуации, когда человек, посвятивший себя, скажем, продаже мыла или обуви, наживает состояние, живет в большом доме и становится объектом для светских льстецов, но в 1830-м году все это было относительно вновь и многих шокировало. Именно заурядность буржуа привела их к могуществу.

Интеллектуалы своим кругом решили послать всех к черту и создать собственную альтернативную вселенную, и пусть она будет экономически отсталой, зато в вопросах духовности и воображения ей не будет равных. Они пришли к выводу, пишет Гранья, что лучше быть отверженным буревестником, чем зажиточным червем. Так и родился богемный образ жизни. Строго говоря, богема — это социальное проявление духа романтизма. Но поскольку понятие «романтизм» стало столь растяжимым, во

избежание неясности я буду употреблять преимущественно слово «богема» и в отношении соответствующего духа, и в отношении нравов и обычаев им обусловленных.

Именно французские интеллектуалы придумали образ жизни, знакомый сегодня всем. Тонкие натуры стекались в дешевые районы, где создавали художественные сообщества и движения. Поэт и художник ценились здесь выше банкира или президента. Богеме нечего было противопоставить растущему могуществу буржуа, зато они могли их шокировать. Закончив «Саламбо» — роман о Карфагене, — Флобер предсказывал, что он: «1) вызовет раздражение у буржуа; 2) шокирует чувствительных читателей; 3) разозлит археологов; 4) останется непонятным для дам; 5) принесет мне репутацию педераста и каннибала. Что ж, будем надеяться». Так появился клич: *Erat les bourgeois!*¹ — война между богемой и буржуазией была объявлена.

Деятели богемы носили бороды, отращивали длинные волосы и усвоили такую манеру одеваться, что их было видно за версту — красные сорочки, испанские плащи. Они ценили подростковую культуру и всегда готовы были вписаться в какую-нибудь провокацию, эпатажную выходку или грубую шутку. Художник Эмиль Пеллетье завел себе шакала. Поэт Жерар де Нерваль прогуливался по садам Тюильри с омаром на поводке. «Он не гавкает и знает тайны глубин», — говорил он. Они воспевали разрушительную любовь к мистике и прочей чертовщине. Они часто писали о самоубийствах, а иногда и сами сводили счеты с жизнью. Они обожали новизну и нередко аплодировали экспериментам ради того только, чтобы показать свое презрение к консервативному среднему сословию.

Деятели богемы отождествляли себя с другими жертвами буржуазных порядков: бедняками, преступниками, этническими и расовыми меньшинствами. Они восхищались экзотическими куль-

1 Эпатируй буржуа! (фр.)

турами, не тронутыми буржуазными нравами. Многие парижане идеализировали Испанию, которая, как им казалось, жила еще по законам Средневековья. Флобер восхищался простыми нравами и обычаями Бретани. Они идеализировали тех, кого называли благородными дикарями, и украшали свои спальни необычными артефактами из Африки. Они мечтали о Китае и других далеких странах, чьи общества казались им духовно более чистыми. Они возвели секс в ранг искусства (впрочем, искусство они видели во всех жизненных проявлениях) и насмехались над буржуазным ханжеством. Чем больше читаешь о парижской богеме, тем более убеждаешься, что они успели подумать обо всем. В последующие 150 лет бунтарям, интеллектуалам и хиппи оставалось лишь использовать предложенные стандарты протеста.

Само собой разумеется, что разногласия между богемой и буржуазией в действительности никогда не были столь непримиримыми, как это может показаться из приведенных примеров. Вопреки представлениям Флобера и его соратников среди буржуа были куда более развитые личности. Искушенные немцы даже разделяли владетельную буржуазию — *Besitzbuerger*, и образованную буржуазию — *Bildungsbuerger*. Бунтари, в свою очередь, не были столь бескорыстны, как им хотелось думать. Тем не менее это культурное противостояние породило представления, которые еще долго господствовали в общественном сознании. Буржуа высоко ценили деловые качества, порядок, постоянство, обычаи, рациональное мышление, самодисциплину и производительность. Богема пропагандировала творчество, бунтарство, новизну, самовыражение, нестяжательство и широкий жизненный опыт. Буржуа верили в естественный порядок вещей и ценность правил и традиций. Деятели богемы считали, что во Вселенной нет внятной согласованности, а действительность можно постичь только фрагментарно через видения и откровения. Поэтому превыше всего ценили протест и новизну.

Мир буржуа был миром коммерции и предпринимательства. Богема жила в мире искусства. Буржуа размышляли логически, оперируя цифрами и количествами. Богема предпочитала интуитивный, органический способ мышления. Буржуа нравились всякого рода организации. Богема ценила независимость и считала буржуа стадом приспособленцев. Буржуа обожали машины; богема предпочитала вещи доиндустриальной эпохи, когда ремесленник вкладывал в них частицу себя. В вопросах этикета и потребления буржуа ценили уравновешенность и лоск. Богему же — за исключением денди, появившихся и ушедших в небытие в XIX веке, — восхищала подлинность и естественность. Буржуа боготворили успех; богема выстроила свою систему ценностей вокруг пренебрежения успехом. Буржуазия стремилась к осязаемому совершенствованию. Великой целью богемы было раздвинуть рамки собственной личности. Как формулирует Гранья, «романтическая литература прославляла сильные страсти, исключительные чувства, незаурядные поступки и с презрением относилась к обыденности, предусмотрительности, заботе о повседневных нуждах и заинтересованности в достижимых целях; повседневным примером всего этого и было среднее сословие».

Трансцендентализм

Парижское противостояние между правым и левым берегами отозвалось в Америке довольно скоро. Однако до торжества гринвильджской богемы — когда вызывающе наряженный художник, прогуливающийся по парку с омаром, не вызывал бы обмороков — оставалось еще бо лет. В XIX веке американским художникам и интеллектуалам, подвергавшим критике буржуазную индустриализацию, не хватало мятежного юмора и бунтарской распушенности их европейских собратьев. Американские нестяжатели не стремились к созданию городской протестной контркультуры. Аль-

тернативу индустриальной экономике они искали на лоне природы, в простой жизни. В их художественных взглядах натурализм преобладал над эстетизмом.

Ричард Хофстадтер называл трансценденталистов «интеллектуалами из пуритан», поскольку они имели чрезвычайное влияние на образованные классы. Эти мыслители, писатели и реформаторы происходили по большей части из Новой Англии — Ральф Уолдо Эмерсон, Генри Дэвид Торо, Амос Бронсон Олкотт и Маргарет Фуллер. Название течения произошло от их стремления переступить границы рациональности и меркантилизма и таким образом добраться до духовного начала, скрытого в каждом человеке. Они начали с провозглашенной Уильямом Чаннингом идеи, что «в каждом есть нечто более величественное, нежели во всем рукотворном мире и во всех мирах, постижимых зрением и слухом; поэтому совершенствование внутреннего мира имеет самостоятельную ценность и значение».

Вывод, что жизнь слишком ценная штука, чтобы посвятить ее деньгам и вещам, был вполне естественным, а значит, материальные обстоятельства важны лишь как средство для достижения духовного роста. Трансценденталисты не отрицали мир полностью. Эмерсон выдвинул идею о «градационной этике», суть которой в том, что, начав с материальных нужд, люди должны «постоянно тянуться к высокому». В «Молодом американце» он писал: «Любое ремесло — занятие временное, оно должно уступить место занятию нравственно более высокому, приметы которого уже озаряют небеса». Торо занимался торговлей, но предпочитал жизнь «простую и мудрую». «Я хотел жить глубокой жизнью, впитывая все ее соки; я хотел жить в спартанских условиях, отсеивая все, что жизнью не является».

Трансценденталисты появились, когда буржуазная культура была одурманена технологическими возможностями и «совершенствованиями», как тогда было модно выражаться, которые нес с собой прогресс. Паровой двигатель, железная дорога, фабрики, научно

обоснованный процесс управления — все это должно было сократить расстояния, облегчить торговые связи и приумножить богатства. Человек стоял на грани покорения природы, он вознамерился заставить необузданную стихию работать на себя.

В своей книге 1964 года «Машина в саду» литературный критик Лео Маркс цитирует журналиста 1840-х годов Джорджа Рипли в качестве примера феномена, который он назвал «технологическая возвышенность»:

«Век, который соединит Атлантическое и Тихоокеанское побережья железной дорогой, тем самым воздвигнув вещественный монумент единению нации, узрит и общественное устройство, явившееся результатом моральных и духовных усилий, возвышенный и благотворный характер которого затмит даже славу тех колоссальных достижений, что позволяют посылать огненные машины через горы и ущелья, соединяя океаны лентой из железа и гранита».

Такого рода воодушевлением поначалу заразился даже Эмерсон. Однако со временем трансценденталисты пришли к заключению, что, несмотря на все материальные выгоды, технологический прогресс может стать угрозой природе и духовному единению человека и природы. «Предметы в седле, человек под седлом», — сетовал Эмерсон. «Не мы едем по железной дороге, железная дорога едет по нам», — отозвался Торо. Машины, деньги и прочие богатства встают между человеком и по-настоящему важными переживаниями, более того, большинство американцев так много работает, что труд их становится рабским. Они хорошо считают и взвешивают, но не успевают чувствовать и мыслить. Соседи трансценденталистов из среднего сословия слишком заботились о качестве жизни, забывая о ее смысле.

Наиболее глубокие и яркие переживания трансценденталисты испытывали в лесу. Торо ненадолго удалился на берега Уолденского пруда, где жил «на грани» между городской цивилизацией на востоке и первозданной природой на западе. «Земля, — писал

Эмерсон, — вот средство от всего фальшивого и неестественного, что есть в нашей культуре. Континент, который мы населяем, есть лекарство и пища как для нашего разума, так и для тела. Земля с ее исцеляющим и успокаивающим воздействием способна исправить ошибки традиционного схоластического образования и установить правильный баланс между людьми и машинами». Особо подчеркивая противоположность своего тезиса утонченной культуре салонного общества, Торо добавлял: «Жизнь — стихия необузданная, и тем глубже, чем необузданней». Цивилизация, воздвигающая стены между человеком и природой, несет лишь отчуждение и несчастье.

Доказательством громадного влияния трансценденталистов может послужить тот факт, что риторические фанфары, которыми в XIX веке встречали технологический прогресс его поклонники, сегодня кажутся нелепостью, тогда как мысли лесных отщепенцев представляются глубокими и достойными внимания. Они оставили неизгладимый след во всей американской культуре. Во многом благодаря их влиянию американская богема всегда больше тяготела к природе и простой жизни и меньше европейской была склонна к нигилизму.

Культурная война

Культурная война между богемой и буржуазией бушевала весь индустриальный век. Принимая различные формы, она перемещалась с одного поля битвы на другое, однако причины противостояния оставались теми же. Американская буржуазия исповедовала материализм, рациональность, технологический прогресс и стремилась к изысканным вкусам и благородным манерам. Богема — артистический круг возвышенных нестяжателей — восхищалась подлинными вещами, рискованными авантюрами и естественными манерами.

К примеру, во времена позолоченного века ребенок в буржуазной семье читал буквари Мак-Гаффея, в которых печатались поучительные истории, побуждавшие к здоровой конкуренции и достижению успеха, или же романы Горацио Алджера «Трудись и преуспеешь», «Отвага и удача», «Тише едешь — дальше будешь», «Богатство и слава». В этих книгах содержался все тот же свод советов Бенджамина Франклина, лишь немного откорректированный в соответствие со временем: трудись в поте лица своего, будь прилежным, не упускай возможностей, будь честен, но не слишком умничай, угождай окружающим, не транжирь и не будешь нуждаться. Такой ребенок при удачном стечении обстоятельств мог вырасти и поселиться в солидном доме, может, даже на холме, возвышающемся над городом, или же в одном из бурно растущих пригородов с железнодорожным сообщением. Там он переключился бы на работы Эндрю Карнеги, прочитал бы сверхпопулярное эссе «Богатство», откуда почерпнул бы советы, как зарабатывать, тратить, сколько отдавать.

В то же время в другом конце страны жил писатель Джон Мьюр, отрицавший капиталистическое «рвачество». Или мебельщик Густав Стикли¹, который мечтал сделать жизнь удобной и красивой, отрицая при этом пошлый материализм господствовавшего вкуса. Сильное влияние на Стикли оказало британское движение «Искусства и ремесла», пропагандировавшее, под руководством Джона Рескина и Уильяма Морриса, простые добродетели, воплощением которых служили доиндустриальные ремесленные гильдии.

Стикли организовал журнал «Ремесленник», ставший главным рупором его идей. «Нам необходимо выровнять стандарты, привести их в порядок и избавиться от кучи мусора, который скопился вместе с ростом благосостояния и коммерческих приори-

¹ Густав Стикли (Gustav Stickley, 1858–1942) — американский дизайнер, разработавший собственный стиль мебели. Проводник идей британского движения «Искусства и ремесла» в Новом Свете.

тетов. Дело не в том, что мы слишком энергичны, но в том, что мы часто неправильно используем свою энергию, как мы неправильно использовали или потратили впустую наши замечательные природные ресурсы», — писал Стикли. Поэтому мебель и интерьеры, которые проектировал Стикли, были непохожи на мини-дворцы, которые так нравились буржуа. Напротив, они побуждали к простому и естественному образу жизни, предлагая «уход» от «машины коммерческой тирании» к более сбалансированной духовной жизни. Стикли хотел, чтобы развиваемые им направления дизайна «Искусство и ремесло» и «Миссия» стали здоровой альтернативой напыщенному стилю торговой аристократии. Однако буржуазия со свойственной ей прытью проглотила новую наживку. Рокфеллеры и Асторы заказывали у Стикли интерьеры своих загородных усадеб. Генри Форд обставил свою квартиру на Манхэттене мебелью «Миссия».

В 1920-х противостояние богемы и буржуазии приняло новые формы. С одной стороны, страной руководили классические буржуазные президенты Гардинг, Кулидж, Гувер. Продолжалось масштабное строительство привилегированных пригородов, на филадельфийской Главной ветке и в нью-йоркском Вестчестере особняки росли как грибы. Ширился и класс мелкой буржуазии, представители которой выгораживали салоны в своих домиках возле Чикаго, Лос-Анджелеса, по всей стране. Эти новобранцы среднего класса редко их использовали, да и дома их не были рассчитаны на такие излишества. Салоны тем не менее выгораживались, будучи символом недавно заработанного статуса, пусть и немного устаревшим. Миллионы стремящихся примкнуть к буржуазии покупали такие книги, как «Человек, которого никто не знает» Брюса Бартона. Бартон утверждал, что Иисуса на самом деле лучше понимать, как великого руководителя и организатор успешной сети. «Ханжа?! Да он был в Иерусалиме нарасхват — каждый хотел пригласить его на ужин!» — восклицал Бартон. «Неудачник?! Из низших деловых кругов он набрал 12 человек и создал организацию, которая завоевала

весь мир!» В 1926 году «Человек, которого никто не знает» стала самой продаваемой публицистической книгой.

С другой — буржуазные ценности подвергались литературным нападкам, а в Гринвич-Виллидж и других местах расцвела пышным цветом богема. Писатели Синклер Льюис, Торстейн Веблен, Джон О'Хара, Джон Дос Пассос, Эрнест Хемингуэй и Гертруда Стайн, отрицая буржуазные ценности, отправлялись в Париж или Москву, участвовали в радикальных политических движениях и всячески выражали протест против подъема провинциального мещанства. Малькольм Коули, сам обитатель Гринвич-Виллидж, а также писатель и журналист, сформулировал основные ориентиры богемы начала XX века в своей книге «Возвращение изгнанника». Богема, писал он, выдвигала следующие концепции: «спасение детей» — каждый из нас рождается с индивидуальными способностями, которые общество постепенно подавляет; «приоритет самовыражения» — цель жизни в том и состоит, чтобы полностью выразить свою внутреннюю индивидуальность; «переосмысление язычества» — тело есть храм, поэтому ни в наготу, ни в сексе нет ничего нечистого; «необходимость жить сегодняшним днем»; «неограниченная свобода» — законы и устои необходимо расширять; «равноправие женщин»; «психологическая адаптация» — люди несчастны, потому что их подавляют и не дают приспособиться; «концепция перемены мест» — правду можно отыскать в дороге или по переезде в новое оживленное место.

Потом настали 1950-е, казалось бы — эра наивысшего расцвета буржуазии, но в то же время начало ее конца. То была эпоха президента Эйзенхауэра, книги «Человек организации», клубов «Джунior Лиг» и первого популярного ситкома «Предоставьте это Бобру». С другой стороны, ватаги мятежной богемы шатались по стране и курили траву. Как и их богемные предшественники, битники любили спонтанность и сильные ощущения. Им нравилось эпатировать буржуа. Они отказывались от денег и комфорта ради

свободы и самовыражения. Кроме того, они презирали то, что Аллен Гинзберг назвал «Молох, чей разум — чистая машинерия».

Писатели и интеллектуалы видели в битниках буревестников социальной революции. В своей книге 1960 года «Взрослеть нелепо» Пол Гудман так высказался о битниках: «Основная тема — это система, с которой они отказываются сотрудничать. Они объяснят вам, что „приличная“ работа — это всегда мошенничество или продажи; что невозможно выносить, когда твой внешний вид определяется начальством, что только дурак станет работать ради выплаты кредита за дурацкий холодильник для жены», и так далее. Основной мишенью Гудмана и битников была как раз «организация», громадная сочлененная система бюрократии и коммерческих структур, которая, по их мнению, душила индивидуальность и творческое начало. Поэтому общество необходимо возмутить и перебалансировать. Однако Гудману хватило прозорливости заметить одну немаловажную деталь: будучи диссидентами и отрицая богатство и все такое, битники жили очень даже неплохо. Вкус к красивой жизни делал их весьма привлекательными персонажами.

В книге есть отрывок, где на удивление точно предсказывается сегодняшнее потребительское поведение бобо: «Субкультура битников — это не только реакция на средний класс или организованную систему. Это естественное движение. Тяготее к непривилегированным классам, битники от этого вовсе не проигрывают. Их квартиры часто более пригодны для жилья, чем дома представителей среднего класса; они часто лучше питаются; у них хорошие пластинки и пр. Свойственная им непунктуальность, неряшливость, привычка жить коммуной, сексуальная раскрепощенность и беспечность в отношении собственной репутации идут вразрез с природой среднего класса, однако вызваны скорее здравым смыслом, нежели протестом и негодованием: это, возможно, наиболее естественная манера поведения, которую предпочел бы каждый, если бы прислушался к себе повнимательней». Это был новый взгляд: богемный

образ жизни предпочел бы каждый, прислушайся он к себе повнимательней. Если б, вооружившись этой идеей в 1960-м, вы занялись инвестициями, сегодня вы бы уже были миллиардером.

В шестидесятые богемная субкультура стала массовой, ее представители замелькали на обложках журналов Life и Look. Нападки хиппи на буржуазный стиль жизни настолько хорошо известны, что приводить их здесь не представляется целесообразным. Но, оставив за скобками движения за права человека и против войны во Вьетнаме, а также запутанные политические коллизии того десятилетия, приведем несколько примеров тогдашней контркультуры: в области акционизма — Эбби Хоффман разбрасывает долларовые купюры на брокеров в зале Нью-Йоркской биржи; «Диггерз» — группа художников-акционистов из Сан-Франциско — объявляют о «смерти денег и рождении халявы». В области литературы Норман Мейлер исследует вопрос, что значит быть хипстером. В его сборнике эссе «Самореклама»¹, изданном на манер глянцевого журнала, содержится список того, что круто, а что лажа, и список этот отражает устоявшиеся различия между богемой и буржуазией.

Ночь, пишет Мейлер, это круто, день — соответственно лажа. Аферисты — круто, полицейские, конечно, лажа. Тело — круто, душа — лажа. Вопросы — круто, ответы — лажа. Индуктивная логика, интуитивное мышление — круто, дедукция, рациональное мышление — лажа. Хроникер мятежных шестидесятых Теодор Рошак так сформулировал критику среднего класса в своей книге «Создание контркультуры»: «Буржуазия одержима стяжательством, их пресная сексуальная жизнь отравлена ханжеством, их семейные ценности девальвировались, их рабское следование внешним приличиям унижает человеческое достоинство, торгашеский уклад их жизни делает ее невыносимой». На буржуазное благосостояние студенческие лидеры ответили отрицанием меркантилиз-

¹ Имеется в виду эссе «White negro» из сборника «Advertisements for Myself». NY., 1959.

ма. На восхищение хорошими манерами, элегантностью и внешним лоском — презрением этих условностей. На буржуазный порядок в делах — бессистемностью. На короткие прически — длинными патлами. Буржуа любили технологии, студенческие лидеры — природу.

Буржуа выбирали карьеру, студенты — разнообразный жизненный опыт. Если буржуа притворялись целомудренными, студенты притворялись сексуально распущенными. На демонстративное потребление они отвечали демонстративным отказом от потребления. На приоритет труда — приоритетом удовольствий. Буржуа ели мясо и полуфабрикаты, студенческие лидеры ели соевые бобы и органическую еду. В 1960-х миллионы осознали, что, опустившись в плане внешнего вида, в глазах своих сверстников ты только поднимаешься. Все больше набирая обороты, контркультура в итоге затмила буржуазный мейнстрим. Спустя более чем столетие после того, как Флобер и его парижские соратники подняли знамя «*Ecrater les bourgeois*», богема из клики выросла до полчищ. Казалось, еще немного, и богемная идеология не оставит от сформулированного Бенджамином Франклином буржуазного этоса и камня на камне.

Буржуазия наносит ответный удар

В 1970-е и 1980-е сложилась интересная ситуация. Буржуазия начала контратаку. В течение целого века спор между богемой и буржуазией был односторонним. На недвусмысленные нападки богемы буржуазия отвечала с невозмутимостью диванных подушек: благосостояние лучшая месть. Они просто жили своей жизнью, как будто не замечая контркультурных атак. Буржуа могли позубоскалить на счет радикалов или высоколобых, однако обстоятельной и четко сформулированной критики богемной идеологии не выдавали. После событий шестидесятых буржуазия более не могла

делать вид, что не замечает богему. Контркультура была повсюду. Личные предпочтения стали политически значимы. Буржуазия должна была сделать ответный ход.

Среди тех, кто формулировал этот ответ, были неоконсерваторы. Писатели и ученые Ирвинг Кристал, Джэймс Уилсон, Гертруда Химмельфарб, Норман Подгорец и Мидж Дектер, которые в 1970-х по-прежнему тяготели к положениям Нового курса и программы «Великое общество»¹. Ключевую роль в зарождающемся неоконсерватизме играли ученые-социологи. В 1965 году Ирвинг Кристал и Дэниэл Белл основали журнал *Public Interest*, где публиковались аналитические статьи по вопросам государственной политики. Идея была в том, что, поскольку великие идеологические войны остались позади, политические диспуты будут улаживаться на основе трезвых социологических исследований. В первом номере было напечатано эссе Дэниэля Патрика Мойнихана «Профессионализация реформ», ставшее манифестом, призывом к правлению интеллектуалов: «Люди учатся управлять промышленностью и экономикой... Куда более впечатляющее развитие получили возможности по предвиденью хода событий, нежели по управлению ими». Но, подобно многим успешным журналам, *Public Interest*, как и сходное с ним по духу неоконсервативное издание *Commentary*, оказались втянуты в проект, цели которого были прямо противоположны тем, ради которых эти издания затевались. Неоконсерваторов, большинство которых составляли выходцы из низов среднего класса, возмущал антибуржуазный пафос контркультурных интеллектуалов и лидеров радикального студенчества. Поэтому в историю этого противостояния они привнесли нечто совершенно новое — внятную защиту буржуазной и обоснованную критику богемной идеологии.

1 Имеются в виду протекционистские программы президентов Рузвельта, а затем Кеннеди и Джонсона, направленные на выход из экономической рецессии и построения общества, в котором не будет бедности.

Обоснование своей позиции неоконсерваторы начали с целого ряда признаний. Они согласились, что буржуазный образ жизни не является героическим и не вызывает воодушевления. «Буржуазное общество — наиболее прозаичное из всех возможных... Это общество, созданное для удобства обычных мужчин и женщин», — писал Ирвинг Кристол в своем эссе «Культура непримиримых интеллектуалов». Соответственно буржуазное общество стремится к улучшению материальных условий, не расходуя много энергии на возвышенное, на классические добродетели, на духовный рост и преобразования. Буржуазные общества не создают великих или бессмертных цивилизаций, зато стимулируют развитие успешных и счастливых. Далее Кристол пишет, что любому буржуазному обществу присуще «доброжелательное мещанство». Высокое искусство не пользуется особым уважением, зато процветает массовая культура (и у каждого фильма счастливый конец). Буржуазные общества, как правило, свободны, но не всегда справедливы. Часто узколобый грубиян добивается богатства и успеха, а по-настоящему мудрый человек прозябает в безвестности.

С другой стороны, отмечали неоконсерваторы, буржуазная культура обладает исторически неоспоримым аргументом в свою пользу — она обеспечивает развитию капитализма эффективный нравственный контекст. Акцентируя такие качества, как благоразумие, бережливость, пунктуальность, усердие, благочестие, добрососедство, ответственность и трудолюбие, эта культура сдерживает часть стяжательных инстинктов, способных превратить рыночную экономику в варварский разбой. Более того, почитание таких институтов, как семья, организованная религия, этикет, церемониал, и таких сообществ, как бизнес-клубы Ротари¹ и родительские коми-

¹ Всемирная сеть благотворительных неполитических организаций. Первый Ротари-клуб был основан в 1905 году в Чикаго. Название происходит от англ. прилагательного *rotary*, ротационный, так как участники первых клубов собирались все время в разных местах.

теты, буржуазное общество создает препятствия, не позволяющие свободному обществу скатиться к безнравственности. Более того, напоминали неоконсерваторы, не следует недооценивать значение материального прогресса. Способность буржуазии к материальному созиданию увеличила продолжительность и качество жизни миллиардов людей по всему миру. Технологии привнесли небывалый прогресс в жизнь каждого. Предпринимательская суета едва ли покажется достойной восхищения, однако коммерция — это двигатель прогресса. Небывалую социальную мобильность также можно считать одним из достижений капитализма.

Богема, может, и стремится к духовному величию, продолжали неоконсерваторы, однако приходит зачастую лишь к оппортунистическому нигилизму и потворству собственным прихотям. Неоконсерваторы осмеивали неугомонное бунтарство контркультуры. Их оскорблял снобизм новых левых, их презрение к среднему американцу. Отрицание обычаев и авторитетов приводит не к освобождению, но к саморазрушению. Романтически настроенные искатели развенчали обывательскую мораль, однако их антиномианизм подрывает и мораль, и механизмы общественного сдерживания. Основной движущей силой становятся самодовольство и самомнение. И вот уже отцы уходят из семей, потому что союз двух родителей уже ни для кого не является святым. Дети, воспитанные в отсутствие ясных моральных ориентиров, скатываются до преступности и наркомании. Популярная культура становится еще более вульгарной. Люди приучаются видеть себя жертвами общества и в таком качестве уже не несут за себя никакой ответственности.

Неоконсерватор Гертруда Химмельфарб отмечала, что в период между 1860 и 1970 годами, то есть на протяжении индустриального века со всеми его ужасами, процент разводов в Британии и Америке сохранялся на прежнем уровне. Зато, начиная с 1970 года, когда богемность стала массовым явлением, а буржуазная культура

оказалась в загоне, уровень разводов подскочил до небес, значительно вырос процент детей, рожденных вне брака, как и уровень преступности, наркомания и прочие социальные недуги. Разрушение буржуазных ценностей стало социальной катастрофой, утверждали неоконсерваторы, считая своей задачей восстановление престижа и влияния этих ценностей.

Мечты о примирении

Необходимо отметить, что мечта об улаживании конфликта между богемой и буржуазией сохранялась даже в моменты его максимальной эскалации. В своей книге «Взросление Америки» 1915 года Ван Вин Брукс сетовал на социальное разделение между «машинерией самосохранения и тайной жизни». «У нас в Америке, — писал Брукс, — два общества — образованное и деловое, теоретики и практики, публика, читающая Метерлинка, и другая — аккумулирующая средства: в первой больше женского начала, во второй — мужского». Брукс хотел привести эти два менталитета к «компромиссу, выгодному для всех», «совместить идеи и вещи», сделать так, чтобы доброта и наживание добра стали совместимы. И хотя некоторые мыслители и писатели стремились к примирению, мир, по крайней мере в ходе индустриального века, был к ним не готов. А вот в информационный век орбиты идей и предпринимательства начали сближаться, и началось долгожданное примирение буржуазии и богемы.

Возьмем небольшие города, населенные верхушкой среднего класса, к примеру Уэйн в Пенсильвании. В таком городе, безусловно, есть своя доля буржуазности. В конце концов, это благополучный пригород. Такие традиционные буржуазные ценности, как религия и семья, пользуются здесь очевидным почтением. Однако новые жители Уэйна усвоили богемный стиль со всеми его эспрессо, цельно-

зерновыми крупами и свободными манерами. В книге 1954 года «Законодатели вкуса» Рассел Лайнз писал о Густаве Стикли: «Сегодня его имя и работы практически забыты». Однако сегодня в Уэйне и подобных городках вы не пройдете и десяти метров, чтобы не наткнуться на мебель, вдохновленную идеями этого ремесленника-антиматериалиста.

На самом деле довольно интересно наблюдать, как потребители из образованного класса перелицовывают старые фасоны салонного общества на новый лад. Салонные заседатели любили, чтоб все было полированное да гладкое, мы же, представители сегодняшнего образованного сословия, хотим, чтоб все было фактурным и шероховатым. Они прятали перекрытия и балки, мы их открываем. Они штукатурили и красили свои каминны, мы восхищаемся сложенными из крупных камней очагами. Они обожали наборный паркет, нам нравятся простые широкие доски. Они предпочитали мрамор, мы — сланцевые плиты. Они развешивали по дому репродукции высокого искусства, нам больше нравятся оригинальные предметы ручной работы. Их мебель была обита шелком, у нас на диван наброшен колумбийский коврик грубой работы из шерсти давно почившего ослика.

В общем, им нравился лоск и цивилизованность. Мы предпочитаем духовность и естественность. Они ценили утонченные манеры, как проявление самообладания, нам нравятся свободные манеры, как проявление открытости. Они из каждого мероприятия делали спектакль, подготовка к которому осуществлялась слугами где-то в тускло освещенных недрах дома. Мы приглашаем гостей за сцену, на кухню, и даем им нарезать салат. Прежние благородные манеры опирались на убеждение, что человечество постепенно восходит от грубого варварства к утонченной цивилизованности. Представители сегодняшней элиты с подозрением относятся и к утонченности, и к благородным манерам. Они пренебрегают словами, которые в среде старой элиты считались удачным компли-

ментом: изысканный, изящный, уважаемый, красочный, пышный, роскошный, элегантный, величественный, превосходный, экстравагантный. Вместо этого они используют понятия, в которых отражается их настроение и дух: аутентичный, натуральный, теплый, деревенский, простой, честный, органический, удобный, ручной работы, уникальный, здоровый, настоящий.

Бобо переехали в буржуазные пространства и наполнили их богемными аксессуарами, в то же время смягчая богемные установки, чтоб не подорвать окончательно буржуазные институты. Поэтому в футболке «День гнева»¹ сегодня может выступать какой-нибудь заботящийся о сердце любитель аэробики. А откровенная фотография Роберта Мэпплторпа может висеть в ванной для гостей, чтобы они могли полюбоваться ею, нежась в нечеловеческих размеров джакузи. (И, как мы увидим в следующей главе, с богемными пространствами бобо поступили аналогично, наполнив их сдержанной буржуазностью.) Разделить пространство любого города по фронту привычных культурных войн сегодня практически невозможно. Оказавшись в таких традиционных центрах богемы, как Беркли или Гринвич-Виллидж, вы обнаружите мебельные комиссии, где устраиваются мастер-классы по столярному искусству и реставрации, те же независимые музыкальные магазины со стопками местного еженедельника альтернативной музыки и анонсами занятий по йоге на доске бесплатных объявлений. Но такие же заведения вы найдете и в Уэйне, Пенсильвания, и в Виннетке, Иллинойс, и прочих центрах буржуазной элиты. Эти пространства завоевал образованный класс, насадив специфическую бобо-культуру во всех благополучных городах от моря до моря. Теперь воротила лев может оказаться за одним столом с ягненком битником в «Старбаксе», встретится в музейной лавке, магазине товаров для дома Pottery Barn или универмаге мебели для загородного дома Smith & Hawken

¹ Дни гнева — студенческие волнения 8–11 октября 1969 года в Чикаго.

или любом другом нагруженном духом времени заведении, обслуживающем образованных и состоятельных. Культурная война, по крайней мере среди обеспеченных, кончилась, многовековой конфликт улажен.

Правила финансовой корректности

На поле битвы выросла новая культура. Мало-помалу стал формироваться новый свод правил светских и потребительских, замещаая конкурирующие принципы богемы и буржуазии. Этот новый свод правил определяет потребительское поведение образованного класса, поощряет те траты, которые считаются добродетельными, и порицает те, что отдают дурным вкусом и фанаберией. Под влиянием этих правил создается новый образ культурного человека.

В общем и целом свод этих правил не оставляет сомнений в том, что эпоха, описанная Торстейном Вебленом, канула в Лету. Может, где-то в Вегасе попадаются еще разбогатевшие крестьяне, по-прежнему практикующие показное потребление; вероятно, они все еще покупают лимузины, огромные катера и спортивные клубы, складывая в кучу свое имущество, чтобы показать, сколько у них всего. Однако типичный бобо отрицает накопительство и провозглашает окультуривание. В своем потребительском поведении он должен демонстрировать сознательность и хороший вкус. Новые правила финансовой корректности позволяют бобо тратить деньги, не уподобляясь безвкусным яппи, которых они так презируют. Этот кодекс призван помочь им конвертировать свое благосостояние в высоко духовные и интеллектуальные переживания. Человек, следующий этим правилам, может ежегодно тратить до четырех-пяти миллионов долларов так, что всем будет понятно, насколько мало его заботят собственно материальные ценности.

Правило первое.

Тратить крупные суммы на предметы роскоши — дурной вкус. Культурные люди ограничивают крупные покупки предметами первой необходимости.

Различие между потребностями — такими жизненно важными вещами, как крыша над головой, еда, одежда и прочие предметы первой необходимости — и прихотями — предметами, которые мы желаем иметь, чтобы чувствовать свое превосходство над окружающими, — выявил еще Аристотель. Бобо ухватились за эту идею, чтобы отмежеваться от прошлых и конкурирующих элит. Так, представители элиты образованного класса могут со спокойным сердцем тратить баснословные суммы на то, что определяется как потребность, а вот на очевидные прихоти тратиться не положено. К примеру, выложить 25 000 долларов за ванную комнату — позволительно, а заплатить 15 000 за акустическую систему или широкоэкранный телевизор — дурной вкус. 10 000 за джакузи во дворе — полнейшее упадничество, но если вы не потратили вдвое больше за неприличных размеров кабинку для душа из сланца, это может означать, что вы, вероятно, не научились еще ценить естественное биение жизни.

Похожим образом потратить несколько сотен долларов на самую дорогую модель походных ботинок вполне позволительно, а вот покупать дорогущую модель кожаных туфель под костюм за ту же сумму неприлично. Отдать \$4400 за дорожный велосипед Merlin XLM можно, ведь всем нужны физические нагрузки, а вот покупка большого, бросающегося в глаза катера воспринимается уже как жалкое пижонство. Только поверхностный человек готов потратить сотни долларов на икру, напротив, отслюнявить столько же за первоклассный грунт для сада способен только человек глубокий.

Неограниченные суммы можно тратить на любой предмет, подходящий под категорию «рабочий инструмент», напри-

мер на «рейндж ровер» с огромным багажником за \$65 000, однако предметы, в эту категорию не вписывающиеся, как, например, винтажный «корвет» за \$60 000, покупать стыдно. (Я даже подумывал написать сценарий под названием «Бунтарь без седана», о психосоциальных травмах, которые пришлось перенести профессору истории, осмелившемуся купить «порш».) Сама формулировка SUV — спортивно-утилитарный автомобиль — демонстрирует, что бобо подразумевают под рабочим инструментом. Еще не так давно спорт был противоположностью утилитарности: ты либо работаешь, либо играешь. Однако кавалеры клавиатуры информационного века, маневрирующие день напролет меж концепций и образов, любят на досуге поразмяться, поэтому перемещение экипировки в мегакрузере на громадных колесах уже стало чем-то вроде спорта.

Когда же речь заходит о таком утилитарном пространстве как кухня, снимаются всякие ограничения. До появления бобо кухня считалась ущербной частью дома. Архитектор XIX века Калверт Вокс, к примеру, ужасался людям, принимающим пищу на кухне. «Такие манеры свидетельствуют о низком уровне развития», — считал он. В книге 1972 года «Текущий статус, или Как стать оплотом верхушки среднего класса» Чарльз Мерилл Смит отмечал: «Дамы, принадлежащие к высшему свету, никогда не заходят на кухню... Женщины из верхушки среднего класса заглядывают туда по необходимости, но стараются произвести впечатление, что не бывают там вовсе. Получается, что жилище представителей верхушки среднего класса имеет мало общего с расхожими представлениями о домашнем уюте». В то же время на противоположном конце культурного спектра Бетти Фридан и ее соратницы-феминистки призывали своих сестер забыть про кухню, хоть и на совершенно других основаниях. В домах сегодняшнего образованного класса кухня стала настоящим символом семейного счастья, каким для буржуазии когда-то был очаг.

Поэтому, когда вы заходите в недавно отремонтированный дом милых, заботливых хозяев, кухня, скорее всего, будет больше похожа на авиационный ангар со всеми коммуникациями. Периметр старой кухни стерт, новая поглотила несколько прилегающих комнат, как старый Советский Союз поступал со своими соседями. Понять, где кончаются сегодняшние мегакухни, бывает непросто. Вам кажется, что там, вдали, мерцает стена большой комнаты, глядь, а это оказывается мираж, созданный километровой столешницей из искусственного камня. Заглянув в кладовую для продуктов, вы обнаружите, что она больше, чем квартира, в которой жил хозяин в студенческие годы.

Такого размера кухня требует стратегических решений. Архитекторы хвастаются, как ловко им удалось спроектировать в своих кухнях «рабочий треугольник», чтобы минимизировать количество шагов между, скажем, плитой, посудомоечной машиной и раковиной. В старой кухне рабочие треугольники были не нужны, поскольку вышагивать там не приходилось. Просто повернувшись, можно было сделать все, что нужно. В сегодняшних уходящих за горизонт кухнях есть обеденные зоны, барные стулья, встроенные телевизоры, книжные полки, компьютерные уголки и, возможно, небольшие карты с указателями «Вы здесь» для гостей, затерявшихся по дороге к бару.

Что касается кухонного оборудования, сегодняшняя бобо-кухня — это кулинарный парк аттракционов, где владельцев ожидает целый ряд незабываемых переживаний. Первое, что бросается глаза, — это многометровое нечто, похожее на никелированную стену ядерного реактора. На самом деле это плита. Никто уже не готовит в консервных банках на бунзеновской горелке, сегодняшним бобо-гурманам подавай 48-дюймовую с шестью двойными конфорками по 20 000 BTU каждая. Включенные на полную мощность, они напоминают сопла космических ракет-носителей. Понадобятся также навороченные приамбасы типа гриля с вулкани-

ческими камнями, встроенная супермощная горелка для вока, и медные зажигалки для плиты (алюминиевые — такое мещанство), и стальной противень в дюйм толщиной. Духовка должна быть объемом 8 футов минимум, просто чтоб было понятно — если надо, мы и бизона зажарим. Вся эта крутизна должна быть покрыта металлом с таким содержанием никеля, что магниты не пристанут. Вот тогда всем будет понятно, что вы закупились всем необходимым в хозяйстве оборудованием, которого достойна ваша семья. Подходящая плита с газовыми и электрическими конфорками производства La Corue обойдется примерно в 23 000 долларов. Запатентованная в 1922 году 59-дюймовая плита AGA имеет вид настолько непритязательный и капитальный, что можно предположить, что когда-то в ней из лошадей варили клей. Тем не менее в ней есть такие удобства, как шкаф для разогрева, отделение для тушения, хлебопечка, духовка и бесконечный запас конфорок. Прямой огонь в ней не используется, только теплоизлучающие поверхности, что отражает философию спокойной жизни. И стоит всего 10 000 долларов.

Над кухонной машинерией возвышается холодильный комплекс. Эта секция обустраивается исходя из того, что просто заморозить — мало. Техника должна быть способна доводить температуру до абсолютного нуля, когда прекращается всякое движение молекул. Сам холодильник должен быть размером с поставленный на попа микроавтобус. В нем должно быть как минимум две двери — одна, собственно, для холодильной камеры, другая — на случай, если вы решите сдать часть холодильника под жилье. Кроме того, в дверь должна быть встроена система подачи охлажденной воды (с угольным фильтром) и льда (колотого, кубиками или в виде букв, чтобы детишки лучше усваивали алфавит) и, возможно, нескольких видов компотов. Внутри должны быть вместительные отделения на дверце, полки с защитой от протечек, герметичные отделения для сухих закусок, полностью выдвигающиеся ящики; в дверце нецарапающееся стекло, а снаружи холодильник должен быть покрыт

не белой эмалью, как в обычном супермаркете, но нержавеющей сталью, ставшей новой приметой кулинарного мачизма.

Просторная кухня с добротной начинкой — свидетельство того, что хозяин самостоятельно выполняет ежедневную работу по дому, следуя заветам Ганди и Карла Маркса. При этом оборудование на кухне может быть мощнее, чем весь арсенал НАТО. И, бросив рыбные палочки в духовку, вы можете быть уверены в равномерной обжарке, а если включить эту штуку на полную катушку, то вода для макарон закипит за восемь секунд. Это значит, что свои покупательные способности вы сосредоточили на самом необходимом, на предметах повседневного пользования. Показные траты и статусные покупки — это зло, а вкладывать состояние туда, где раньше обитали слуги, — вполне демократично.

Правило второе.

Приобретение «профессиональных» вещей оправдывает любые траты, даже если к вашей профессии они не имеют никакого отношения.

Профессиональных альпинистов, проводников, способных довести команду до вершины Эвереста, надо признать, совсем немного. Однако это не значит, что сверхлегкие ботинки Alpenglöw с тремя слоями гортекса нам не пригодятся. И пусть булочной-кондитерской вы не обзавелись, это не повод ограничивать себя шатким тостером за 29 долларов, когда за 300 можно приобрести промышленную установку, которая будет поджаривать хлеб к завтраку еще лет двести. То же и с тяпками — садовник вы, конечно, по совместительству, но зачем покупать тяпку за 6 долларов, когда в садоводческом бутике можно взять за 55. Ведь образованные люди никогда не станут оценивать друг друга по стоимости драгоценностей, зато стоимость «упаковки» в расчет принимается. Покупая вещи личного пользования, вы должны продемонстрировать свою зрелость

и способность оценить долговечность и качество, а кроме того, показать, что вы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи.

Чтобы соответствовать этой тенденции, дорогие магазины прибегают к хитрым уловкам. Зарабатывая на самых обыденных и скучных вещах, они делают вид, что продают что-то супернавороченное. Магазин товаров для активного отдыха рекламирует ледорубы, справедливо полагая, что, проходя мимо них в гардеробной, вы будете чувствовать себя человеком. Универмаг товаров для дома Restoration Hardware прославляет свои скобяные товары и оборудование, но основной доход имеет с продажи стульев и диванов. Компания Lands' End продает носки, но на каталоге будет красоваться покоряющий Эверест скалолаз.

Тенденция эта, в частности, привела к тому, что пропасть между представителями образованного класса и принадлежащими им вещами все расширяется. Вещи, которые они покупают, были созданы для куда более опасного и увлекательного времяпрепровождения. Поэтому спроектированные с мыслью об Андах ботинки большую часть времени проходят по фермерским рынкам, а последние модели флисовых курток — в отделе замороженных продуктов супермаркета. Максимум, что потребуется от внедорожника, — это проехать по ухабистой дороге в слякоть. Но как в благородный век лицемерие было пороком, склоняющимся перед добродетелью, сегодняшнее обмундирование бобо — это комфорт, преклоняющийся перед активным отдыхом и приключениями.

Правило третье.

Проявляйте перфекционизм в мелочах.

Строить себе огромный особняк посреди наманикюренного поместья — дурной вкус. Однако никто не обвинит вас в излишнем раздувании щек за пристальное внимание к таким небольшим предметам домашней обстановки, как тщательно подобранный, тот

самый дуршлаг, особенная дверная ручка или штопор оригинального дизайна. Хлебницу можно выложить терракотой — мелочь, зато улучшает воздухообмен. Можно часами созерцать кафельную плитку, направив всю мощь своего зрительного аппарата на распознавание той самой, практичной и ненавязчивой. После долгих зимних вечеров можно стать специалистом по изоляционным материалам. В каталогах металлопродукции можно рыться до тех пор, пока вы не обнаружите кран KWC швейцарского производства с распылительной головкой, которую многие считают лучшей на земле. Все эти усилия предпринимаются, в частности, для того, чтобы продемонстрировать обширность своих интеллектуальных ресурсов, которых хватает даже на тщательно продуманный водосток.

Мыслительные мощности, которые когда-то расходовались на курсовые по органической химии и работы по метафизике, теперь можно расточать на встроенную технику (главное, чтоб были жалюзийные дверцы). Бобо не нужны броские статусные явно дорогие вещи, им не хочется, чтобы вы подумали, что они хотят произвести на вас впечатление. Им нужны редкие гаджеты, не освоенные еще широкими массами, спроектированные специально, чтобы жизнь была более удобной и оригинальной. Если ваша посудомоечная машина встроена так, чтоб не приходилось нагибаться, это значит, что вы овладели искусством жить. Если в ванной у вас есть прозрачные контейнеры для медикаментов с защитой от детей, это значит, что вы как следует о них заботитесь. Открывая консервную банку особенной открывалкой, человек с повышенной восприимчивостью получает заряд жизнеутверждающей энергии. Если вы украсили рождественскую елку винтажной гирляндой 1933 года, только лампочки вкрутили чуть побольше, ваши гости оценят ваш вкус к старым добротным вещам. Бриллиантовое ожерелье — неподходящая тема для застольной беседы, а вот начать ужин с обсуждения салатных вилок с африканскими мотивами вполне уместно. Чем меньше предмет, тем большей похвалы достойны глубокие размышления при его покупке.

Правило четвертое.

Шероховатость уместна всегда.

Лоск и полировка были по душе Эдмунду Берку, да еще цепким, всеми силами стремящимся к успеху яппи 1980-х, которые окружали себя гладкими поверхностями. Им нравилась черная матовая мебель, лакированные полы, гладкие стены искусственного мрамора. Дабы продемонстрировать превосходство над такими людьми, представители образованной элиты предпочитают окружать себя естественными неровностями. Шероховатость у бобо ассоциируется с подлинностью и добродетелью.

Поэтому представители образованной элиты обожают текстуру. Блестящим коврам во всю стену они предпочитают грубые половики, связанные из непонятных волокон; гладким пластмассовым игрушкам — бугристые деревянные; а гладким тюльпанам — пестрое своеобразие полевых цветов. Сложный палимпсест предпочтений диктует образованному классу, что наслаждение следует искать в битых временах антикварных дверных ручках, покрытых лишайником каменных стенах, обшарпанных провинциальных комодах, грубо обтесанных балках, выдавшем виды шифере, грубых тибетских тканях и землебитных интерьерах. По-настоящему богатые бобо нанимают целые бригады вооруженных фигурными молотками рабочих, чтоб они сделали их дощатые полы еще более подлинно деревенскими. Они могут привезти команду ремесленников из Умбрии, чтоб на штукатурке в фойе они изобразили как будто осыпавшиеся фрески. Фундамент такого дома будет выстроен из валунов, способных выдержать прямое попадание из катапульты, а внутренние балки будут из стволов, которые мог срубить разве что Пол Баньян¹.

Какой-нибудь валютный брокер выбирает одежду, руководствуясь лишь фасоном, а вот чтобы подобрать гардероб со сме-

¹ Пол Баньян — гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

шанной текстурой, нужно обладать повышенной восприимчивостью. Поэтому бобо носят не шелковые рубашки, а фланелевые. Мы не носим накрахмаленные воротники стоечкой, только свободные и сгибающиеся. К нашим льняным слаксам отлично подойдет сорочка из меланжевого хлопка, свитер из флиса с принтом из сальвадорского фольклора, бейсболка из конопли и, как только появится в продаже, белье из лубяного волокна. Встретив группу бобо, вы поразитесь этой симфонии различных тканей и текстур и подумаете: «Какая разношерстная компания, они-то, наверное, знают, где здесь можно купить свежей стручковой фасоли».

Принцип текстуры действует и для съестных продуктов. Какой бы напиток образованный человек не употреблял, будь то дрожжевое пиво, нефilterованный фруктовый сок или органический кофе, после него всегда остается осадок на дне стакана. Нарезанный толстыми кусками зерновой хлеб бобо куда больше похож на крестьянский, нежели тонкие пшеничные ломтики пригородной буржуазии. На удивление грубыми будут даже наши специи и приправы — колотые куски нерафинированного сахара многие считают верхом рафинированности.

Правило пятое.

Упрощение как обязательное упражнение для образованной элиты.

Образованных людей возмущает необходимость быть не хуже других. Сложно представить что-то более позорное, нежели соперничество с соседями в максимально достоверном копировании образа жизни социального класса следующей ступени. Представители образованного класса предпочитают отказаться от статусных символов, с тем чтобы повысить свое положение среди равных себе просвещенных. В человеке все должно быть на волосок менее пафосно, чем у соседей. Мебель должна чуть более походить

на крестьянскую. Сама жизнь должна быть окутана чуть более плотной патиной простоты. Поэтому на вашей посуде не должно быть вензелей, как в Букенгемском дворце. Лучше купить простые белые тарелки, как в Pottery Barn. Роскошные туфли на высоком каблуке тоже не годятся, лучше обуться в простые, но недешевые мокасины «Прада». Рисоваться неприлично, зато все простое и без прикрас воспринимается как свидетельство искренности. Важно научиться быть чуть проще, чем соседи.

Просвещенные первыми ввели в обиход эту форму статусной инверсии еще в 1960-х, когда некий безвестный гений обнаружил, что потертые джинсы можно продать дороже, чем новые. Внезапно нарисовался целый класс потребителей, готовых отвергнуть культ новых вещей, до тех пор являвшийся основным стимулом потребительского спроса. Сегодня мода на искусственное состаривание распространилась на рынок дорогих товаров. В приличных мебельных магазинах продаются дорожные сундуки — новые, но состаренные и заляпанные, как вековые, с оборванными наклейками с обозначением пункта назначения по бокам. По всем развивающимся странам заводские рабочие измываются над только что произведенными ими же товарами, лишь бы угодить американскому потребителю. Остается только догадываться, что они о нас думают. Для нас же эффект очевиден: мебель запятнана, зато совесть чиста.

В 1950–1960-х продвинутая часть населения однозначно выбирала все современное. В рекламе мебельной компании «Непобедимые» 1958 года фигурируют «Модерновые столы, модернистские тумбочки и стулья шик-модерн». Сегодня все это опять модно именно потому, что стало архаичным. Быть по-настоящему современным стало немодно. Вместо этого в ресторанах разбрызгивают по полу краску и царапают столы — все ради ощущения обжитого пространства. Продажи старомодных механических газонокосилок с каждым годом растут на 20–30 процентов, и покупают их поклонники ретрошика, которые легко могут позволить себе газонокосилку

с мотором. Тем временем набирает силу движение за возрождение четырехколесных роликов и отказ от современных коньковых.

Статусная инверсия движется как обратно — в сторону ретро, так и вниз по социальной лестнице. Просто старых вещей уже не достаточно. Не менее важно приобретать предметы, когда-то принадлежавшие куда менее состоятельным гражданам. Задача в том, чтобы окружить себя вещами, не содержащими никакой статусной нагрузки, поскольку когда-то ими пользовались люди настолько простые и добродетельные, что им даже в голову не приходило, насколько они модные. Чем богаче бобо, тем больше его быт напоминает уклад секты шейкеров¹. Не случайно во многих домах бобо вы обнаружите стереосистемы и рабочие столы в соответствующем стиле. Из типографской наборной кассы получается уютная полка для мелочей. Двери в стенной шкаф со старой колбасной фабрики. Дверцы на лестницу из крольчатника XIX века. По стенам в качестве декоративных элементов развешен древний сельскохозяйственный инвентарь. Обеденный стол украшен объектами искусства из ассортимента обычного универсама — жестянки из-под мазей, коробки из-под печенья, кухонные принадлежности, помятые баночки для специй. В противоположность старорежимным представлениям мы предпочитаем приуменьшать стоимость всего этого хозяйства.

Мы почитаем старые вещи, ценность которых доказана временем: столярные инструменты начала прошлого века, китобойные орудия, маслобойки, наборные кассы, газовые лампы, ручные кофемолки. Стоимость круглых корзин из ротанга с дубовым донышком с острова Нантакет сегодня варьируется от тысячи до 23 000 долларов. Так высоко мы ценим врожденную мудрость безграмотных моряков и созданные ими предметы. Однако в том, что моряк вос-

¹ Шейкеры (англ. shakers) — протестантская религиозная секта в США, образовалась под влиянием квакеров в 1747 году. Шейкеры создали особый стиль мебели, простой, строгой, но функциональной, которая получила название шейкерская мебель.

принимал как предмет повседневного обихода, мы видим произведение искусства.

Другой важный момент опрошения — это поглощение культур завоеванных народов. Если старая элита равнялась на европейских аристократов или владельцев колониальных поместий, то бобо предпочитают жертв колонизации. И действительно, в доме сверхтонченных хозяев вы обнаружите причудливую смесь из артефактов, единственным общим критерием которых будет принадлежность их создателей к претерпевшим притеснения народам. Рядом с африканской маской будет инкская скульптура, установленная на столе, покрытом скатертью из Самоа, Бразилии, Марокко или Тибета. Даже некоторые европейские культуры удовлетворяют требованиям упрощенных, например кельты — их достаточно притесняли, чтобы, наслаждаясь красотой их стиля, образованный человек мог испытать благодать. Иногда в домах просвещенных выставлены предметы культа притесняемых народов: фигурки из Амазонии, индейские тотемы, египетские божества, артефакты анимистических культур или статуэтки синтоистов. В доме образованного человека допускается выставлять предметы культа, только если ни хозяин, ни кто-либо из его гостей не исповедует представленные религии.

Мы, представители образованной элиты, окружаем себя предметами, напоминающими о жизни, которую мы отвергли. Вечно занятые меритократы, мы предпочитаем товары, излучающие спокойствие эпохи, когда не нужно было гоняться за достижениями. Мы уверенно движемся в будущее, сжимая в руках мобильные телефоны и планшеты, но окружаем себя предметами традиционных культур, архаичных и не терпящих перемен. Мы стыдливо признаем свое привилегированное положение, при этом пользуясь утварью социальных низов. И дело тут не в лицемерии. Мы просто ищем равновесия. Мы не хотим, чтобы наша обеспеченность становилась почвой для меркантилизма, а занятость затмевала вечные ценности. Вот мы и носимся в поисках доспехов спокойствия. Мы

мечтаем построить дом, где можно наконец сесть и расслабиться, о месте, где можно было бы укрыться от собственных амбиций.

Следуя этой тенденции, иногда мы даже добавляем в наш культурный винегрет детали старого WASP-стиля. Пусть WASP'ы были склонны к расизму и элитизму. Пусть они составляли господствующий класс, который мы, бобо, низвергли. Но по крайней мере, они не были снедаемы амбициями. И, смотря на эти красивые лица с рекламы «Ральф Лорана», нам сложно отделаться от ощущения, что они обладали тем, к чему мы только стремимся. Поэтому в мультикультурном оформлении нашего дома может оказаться предмет другой прямой из Нью-Йоркского яхт-клуба — истертое кожаное кресло или потемневший рабочий стол из цельного дерева. Старая протестантская элита ушла, но адская ирония состоит в том, что канув в Лету, она стала восприниматься как одна из тех культур, что вымерли под натиском технологии и прогресса.

Правило шестое.

Просвещенные тратят огромные деньги на то, что когда-то было более чем доступно.

В рамках усилий по освобождению от растлевающей власти денег мы, представители просвещенной элиты, стараемся дистанцироваться от элиты финансовой, представители которой богаче нас, но менее образованны. Денежные мешки закачивают свои финансовые ресурсы в яхты, драгоценности и прочие предметы роскоши. Они любят деликатесы, которые менее обеспеченные граждане не могут себе позволить — фуа-гра, икру, трюфели. Мы же, просвещенные, предпочитаем продукты, на которые финансовые воротилы даже не посмотрят. Мы покупаем как будто бы те же позиции, что и пролетарии, только по цене, которая показалась бы тем абсурдной. Мы, как и все, покупаем куриные ноги, но ноги эти принадлежали курицам, что паслись на воле, и при жизни их обслуживали лучше, чем Элизабет

Тэйлор в оздоровительном спа. Мы покупаем картофель, но не сорт «айдахо», а какие-нибудь особенные миниатюрные клубни, которые произрастают только в определенной почве на севере Франции. Если нам нужен салат, то мы выберем из тех ломких листов, которые берут только ценители и которые совсем не подходят для сэндвичей. Прелесть такого поведения в том, что оно позволяет нам быть претенциозными, оставаясь поборниками равноправия.

В результате мы покупаем по сильно завышенным ценам все, что раньше стоило копейки: кофе по 3,75 за чашку, воду по 5 долларов за бутылку, конопляные сабо за 59 долларов от Smith & Hawken, кусок мыла за 12, итальянское печенье по 1,5 доллара штука, упаковку лапши за 9,95, бутылку сока за 1,75 и лемонграсс за несколько долларов пучок. Даже наши белые футболки стоят долларов по 50. Мы тратим немалые деньги на улучшенные образцы совершенно базовых продуктов и способны воспитать в себе еще более тонкий вкус к еще более простым вещам.

Правило седьмое.

Представители просвещенной элиты предпочитают магазины, которые предлагают неохватно широкий выбор, но не заостряют внимание покупателя на таких банальностях, как цены.

Представителей образованного класса отличает не только то, что они покупают, но и то, как они это делают. Давно замечено, что, к примеру, в дорогих кофейнях почти никто не заказывает просто кофе. Один закажет двойной эспрессо мокка пополам с декафом, и чтоб осталось еще место для молока. Другой возьмет миндальный фрапучино из ангольской смеси с нерафинированным сахаром и щепоткой корицы. Просто пиво мы тоже не пьем. Нам приходится выбирать из продукции 16 000 мини-пивоварен и заказывать зимний эль, бельгийский лагер или нефильтрованный купаж. Благодаря

нашему влиянию на рынок все, что когда-то было двух-трех сортов, сегодня предлагается как минимум в десяти вариантах: рис, молоко, помидоры, грибы, горячие соусы, хлеб, бобы и даже айс ти (Snapple предлагает более 50 разных вкусов).

Все оттого, что просвещенные люди не желают быть пешками в обществе массового потребления. Пусть другие покупают штампованные товары, живут в одинаковых пригородных домах или покупают безвкусные копии не менее безвкусных особняков, пусть они едят обычные яблоки. Представители образованной элиты отвергают вторичность, даже если это касается покупательского поведения. Подражание претит нам даже в покупках. Для нас шопинг — это не просто поход в магазин. Стараясь выбрать самые правильные тарелки для спагетти, образованный человек развивает свой вкус. В мире бобо каждый становится куратором выставки собственных приобретений. Вы, например, можете стать специалистом по высокому каминостроению и применять свой изысканный вкус в области украшения гостиной. Подсвечники и рамки для фотографий тоже богатая почва для изысканий, не говоря о статуэтках и часах, которые могут быть смелыми и непринужденными, и в то же время составлять четкое смысловое единство. Вы можете раздвинуть границы каминного дискурса, экспериментируя с подставками для поленьев и дровообразованием. Самом собой разумеется, что каждый выставленный вами предмет — это уникальная «находка». Вы обнаружили его в одном из новомодных магазинов, устроенных наподобие блошиного рынка. Тысячи менее просвещенных покупателей прошли мимо, даже не взглянув, потому что им не хватило прозорливости остановиться и оценить ироническую компоненту. И вот оно предстало миру — неувядающее свидетельство вашего вкуса и легкой эксцентричности. Если бы Томас С. Элиот был сегодня жив и в своем уме, он открыл бы сеть магазинов для дома под названием «Объективная корреляция», где каждый предмет был бы физическим выражением метафизического настроения.

Мало просто купить нечто подходящее — вы должны уметь поддержать на этот счет содержательную беседу. Вот почему в каталоге, к примеру, Lands' End изображения нарядного твидового пиджака не достаточно. Вокруг него будет размещен текст, в котором нам расскажут про кельтское происхождение твида, изложат соответствующую легенду XIV века, объяснят, почему лучшую шерсть получают от ягнят в первые 6 месяцев их жизни, и не упустят тот факт, что пиджак этот сшит прелестными стариками с морщинистыми лицами. Свой каталог Lands' End может предварить душеполезной статьей писателя Гаррисона Кейлора, чтобы показать нам — то, что мы держим в руках, это не просто каталог, а издание, больше похожее на убыточный высоколобый журнал.

Наряду с этим компании, услугами которых мы пользуемся, разработали еще миллиард других аккуратных и четко выверенных маркетинговых ходов для людей, презирующих маркетинг. Многие из них базируются на псевдоакадемическом подходе: мы не просто выбираем зубную пасту, мы записываемся на курсы зубнопасталогии. Изучаем всевозможные варианты: отбеливание (немного тщеславно, поэтому стыдно), защита десен (вот это ответственный подход), пекарная сода (в этом слышится органика и старинная добродетель, хотя для эмали жестковато). Потом мы изучаем названия марок, выбирая между крупными корпорациями типа Crest и Colgate и такими очаровательными социально ответственными брендами, как Tom's of Maine, которые вроде бы держат люди милые и непретенциозные. И, только оказавшись в аэропортовом магазине, когда нам просто лень выбирать, мы хватаем пасту в самой нарядной упаковке.

Компании, привлекающие образованных потребителей, не только рассказывают нам о своей продукции, но и помещают ее в некий философский контекст. «Старбакс» украшает стены своих кофеен точными максимами Эмерсона и ироничными замечаниями Наполеона. Овощные лавки печатают брошюры, отображающие

социальные принципы компании. Сегодня даже производители мороженого разрабатывают собственные внешнеполитические доктрины. Акцент на утилитарный расчет — типа какую выгодную покупку мы совершаем — оскорбляет наши чувства, зато апеллируя к нашим идеалистическим устремлениям, у магазина есть все шансы заслужить нашу покупательскую преданность. «Вольво» рекламирует себя как «машина, которая способна спасти не только вашу жизнь, но и душу». «Тойота» рекламирует свою линейку пикапов следующим слоганом: «Подвези цемент. Докупи досок. Спаси мир». «В безвкусном и неискреннем мире мы полная ему противоположность», — объявляет виски «Джонни Уокер». Нью-йоркский магазин ABC Carpet & Home на углу 19-й улицы и Бродвея использует афоризм Китса: «Я уверен лишь в святости сердечных привязанностей и правдивости воображения». Не знаю, что это значит, но звучит возвышенно.

Компании «Ровента» мало убедить нас в том, что ее утюги действительно делают мягкое глаженным, она рассылает мини-каталоги, которые называются «Фен-шуй глажки», где сообщается следующее: «В системе фен-шуй морщинки на ткани означают „напряжение“. Разглаживание морщинок устраняет напряжение и повышает проходимость энергии ци». Также и просвещенная компания Williams-Sonoma не пытается загнать нам этические нейтральные сосиски. В каталоге компании сообщается, что рецепт этих сосисок восходит к тем временам, когда коренные американцы Вирджинии научили первых европейских поселенцев своим секретам врачевания (упоминания коренных американцев автоматически повышает кредит доверия примерно вдвое). «Сосиски приготовлены из натуральной свинины и специй по семейному рецепту, передающемуся из поколения в поколение». Это вам не какой-нибудь подпольный цех, разоблаченный Эптоном Синклером, а поколения и поколения благородных сосисочников, и мы, представители образованной элиты, с удовольствием заплатим 29,50 за 24 крохотных сосисочки, чтобы прикоснуться к этому наследию. Шопинг, как и все осталь-

ное, стал средством самопознания и самовыражения. Как писал Уоллес Стивенс: «В приобретении счастье».

Во время похода по магазинам мы думаем не только о собственных шкурных интересах. Мы хотим, чтобы, покупая вещи, мы получали возможность участвовать в социальных преобразованиях. Одежду мы выбираем из каталогов со скромными моделями в платьях свободного покроя. Выбирая ту самую сорочку из органического волокна (при производстве которого не пострадало ни одно животное) цвета чернозема, мы осуществляем наши покупательские полномочия по бескорыстному преобразованию мира. Мы едим в ресторанах, которые поддерживают экофермы, и ходим в магазины, одобренные активистами движение за равноправие размеров. Поставив наши кредитки на службу природоохранным организациям, мы создали искупительный консюмеризм. Среди представителей просвещенной элиты есть такие, что могут классифицировать своих друзей по основаниям, на которых они присоединились к бойкоту тунца. Для нас, представителей образованной элиты, экологичность еды имеет большее духовное значение, нежели пять из десяти заповедей. Поэтому мы и настаиваем на натуральных ингредиентах, произведенных отвергающими пестициды фермерами, которые думают глобально, а действуют локально.

Мидас наоборот

Буржуа вульгаризируют любые идеалы, писал Маркс. Бобо, напротив, способны идеализировать любую вульгарность. Вполне приземленные занятия мы превращаем в возвышенные практики. Так, самое буржуазное времяпрепровождение — шопинг — мы наполнили богемными смыслами: искусством, философией, общественным активизмом. Бобо — это царь Мидас наоборот: к чему бы ни прикоснулись, все обретает душу.

3.

деловая ЖИЗНЬ

Я задерживаю движение. Прогуливаясь по улицам Берлингтона, штат Вермонт, я подхожу к углу и, увидев машину, останавливаюсь. Машина тоже притормаживает. Я тем временем отвлекаюсь на группу хиппанов, играющих в парке во фрисби, и еще секунд пятнадцать–двадцать витаю в облаках. Водитель ждет. В обычных городах машины в таких ситуациях просто катятся мимо: можно ехать — жми на газ. Но мы сейчас в Берлингтоне — одном из самых просвещенных городов Америки, где водители понимают, что страна погрязла в технократии, помешалась на автомобилях, давно ставших серьезной угрозой естественному ритму пешего движения и личному общению в рамках местного сообщества, в то время как сжигание ископаемого топлива загрязняет воздух и вытесняет возобновляемые источники энергии, на которых тысячелетиями основывалось передвижение людей. Этот водитель знает, что сейчас, сидя за рулем, он морально ниже любого прохожего и, в частности, меня. И чтобы показать приверженность верным социальным ориентирам, он сделает все, чтобы соблюсти мои права пешехода, и не важно, сколько времени это займет.

В итоге водитель вежливо сигнализирует, и я, очнувшись, перехожу наконец улицу. К следующему углу я подхожу снова в глубокой задумчивости и, увидев машину, снова останавливаюсь. Водитель притормаживает. И ждет. Так происходит раз десять, и всякий раз повторяется этот приводящий меня в замешательство ритуал, пока я наконец не усваиваю местный обычай плестись через перекресток, не оглядываясь и не торопясь. В Берлингтоне мир принадлежит нам, пешеходам. Общественное просвещение рулит.

Берлингтон — латте-городок.

Латте-городок — это населенный состоятельными либералами пункт, часто расположенный в красивейших ландшафтах, нередко выросший вокруг университета, ставший важнейшим центром зарождения и становления нового американского просвещения. Именно в таких местах чаще всего открываются правильные

торговые сети, булочные, магазины мебели ручной сборки, органических продуктов и прочих недешевых товаров, составляющих материальную культуру бобо. В качестве примеров латте-городков можно привести Боулдер в Колорадо, Мэдисон в Висконсине, Нортхэмптон в Массачусетсе, Миссулу в Монтане, Уилмингтон в Северной Каролине. По всей Америке насчитываются сотни латте-городков, и в каждом крупном мегаполисе есть свой латте-район. Распознать латте-городок не сложно: это когда велосипедная дорожка приводит вас к букинистическому магазину, где полки завалены марксистской литературой, от которой хозяину уже не избавиться, после чего вы идете пить кофе в местечко с остроумным названием, а оттуда уже в лавку африканских тамтамов или феминистский магазин белья.

В идеальном латте-городке муниципалитет, как в Швеции, пешеходные торговые улицы, как в Германии, викторианские дома, повсюду рукодельные сувениры коренных американцев, итальянский кофе, кружки правозащитников, как в Беркли, и средний доход, как в Беверли-Хиллз. В черте города должны располагаться заброшенные промышленные здания, которые можно переделать в лофты, офисы разработчиков компьютерного обеспечения и пекарни органических кексов. В утопическом латте-городке есть еще виды на Скалистые горы на западе, лес с секвойями прямо в городе, а рядом новоанглийское озеро и крупный город с бурной альтернативной сценой в паре часов езды.

На протяжении почти всего столетия литераторы изображали маленькие города удушливыми оплотами скудоумия и реакции, зато сегодня эти населенные пункты воспринимаются, как живительные оазисы посреди пустыни обезличенных мегаполисов и потенциальные центры локального активизма. Пройдемся, к примеру, по пешеходной улице Берлингтона. Заглянем в бистро «У Ленига» с чудесным двориком, где каждое утро за завтраком собираются местные предприниматели в «тимберлендах» без носков, футболках и джинсах. Топ-менеджер с седой шевелюрой

будет мило беседовать с коллегой с бородой, как у Джери Гарсия, и оба поставят лежащие в холщовых сумках телефоны на вибровывоз. В витрине магазина сандалий Birkenstock за углом висит напоминание, что сандалии — отличный корпоративный подарок.

Прогуливаясь по улице, вы увидите молодых родителей, толкающих детскую коляску с большими колесами, способными ездить по пересеченной местности. Филиал ультрамодной сети Ann Taylor, расположенный бок о бок с лавкой «Мир и справедливость», наглядно демонстрирует, что высокая мода сегодня легко может позволить себе соседство с эклектичной хиппанской комиссионкой. Торговая улица усыпана лавками с органическими конфетами, кексами и мороженым. Здесь бесчисленное количество магазинов с игривыми названиями типа «Безумный шляпник» или «Мадди Уотерс»¹. Ироничные аллюзии и навязчивая игра слов — ключевые составляющие ауры латте-городка, жители которого не стесняются демонстрировать культурную эрудицию (на возвышающемся над Берлингтоном холме расположен кампус Вермонтского университета с видом на озеро Шамплейн).

В Берлингтоне есть, конечно, и несколько хороших книжных. Журнала New Republic или чего поправее вы там не найдете, зато можно полистать Curve — весьма удачно названное лесбийское издание, или практически любой французский гламурный журнал, а заодно прослушать в наушниках свежий диск этники или нью-эйджа. Здесь есть и книги по политологии, но раздел актуальных проблем задвинут куда-то на задворки. На самом видном месте выставлены издания про секс, а также разделы психологии, кулинарии, этики (здесь в основном книги про женщин) и альтернативного стиля жизни (на 80 процентов состоящий из гей-изданий). Эта выборка, надо полагать, экономически обусловлена и весьма точно отображает местные приоритеты.

¹ «Мадди Уотерс» — дословно «мутные воды», псевдоним великого американского блюзмена Мак-Кинли Морганфилда.

Центральная площадь Берлингтона славится своей феноменальной оживленностью. Здесь тебе и фестиваль воздушных змеев, и праздник йоги, и кулинарный карнавал. Здесь заседает совет по искусству, проходят программы профессиональной ориентации для школьников, собираются природоохранные и градозащитные организации, группы поддержки местных фермеров, и инициативные группы по случаю. В результате получается занятный микс из либеральных общественных начинаний и старомодного охранительства, основная цель которого отразить атаку посягающего на старину архитектурного модернизма, а главное, не допустить нового строительства. Центральная площадь — одно из общепризнанных мест силы таких латте-городков, притягивающее сюда людей, которые, по-видимому, склонны меньше времени проводить в замкнутом пространстве своих домов или во дворе площадью в один акр и больше — в общественных пространствах.

Если старорежимные городки наподобие Уэйна были типичными буржуазными пригородами, латте-городки типа Берлингтона и Беркли всегда были эпицентрами богемной культуры. Когда-то они были культурными антиподами, однако ситуация изменилась коренным образом и в Берлингтоне, и в Уэйне. В латте-городках больше всего поражает сочетание идеальных условий для всего «альтернативного» — альтернативной музыки, альтернативных медиа, альтернативного стиля жизни — и для успешной предпринимательской деятельности. Напа — центр виноделия; в Сохо и Санта-Монике развиты культура и промышленность. В университетских городках есть все — от биотехнологий до столярных мастерских, и Берлингтон не исключение — это бурно развивающийся коммерческий центр. Самая знаменитая компания города, производящая мороженое Ben&Jerry's, не входит даже в двадцатку крупнейших работодателей. Жители Берлингтона, при всем нонконформизме, судя по всему, не отказываются от работы в таких компаниях, как IBM, у которой здесь крупное предприятие. Свои отделения

и предприятия здесь есть у General Dynamic, GE, Bank of Vermont и Blodgett Holdings. В городе выходит четыре периодических издания о бизнесе, в которых иногда удастся даже прочесть два-три предложения, прежде чем наткнешься на высказывание какого-нибудь топ-менеджера о необходимости бизнеса делать социально ответственные инвестиции.

В книжных Берлингтона успешно продается томик «Деловые семьи», где рассказывается о десяти парах, которые отказались от карьеры где-нибудь в Нью-Йорке или Бостоне и переехали в Вермонт, чтобы наладить производство и продажу чего-нибудь не менее важного, чем «Позитивный персиковый соус», уксус «Летнее великолепие» или «Патни паста». Истории, как правило, начинаются с рассказа о том, как высокообразованные супруги разочаровались в похожей на бесконечную гонку жизни большого города. И вот у них появляется мечта — печь лучший хлеб с жасмином на планете, — поэтому они переезжают в Зеленые горы и упорно трудятся, совершенствуя свой рецепт. Затем они проходят все сложности, связанные с выводом своей продукции на рынок, но после пяти лет трудов и лишений выручка их компании составляет пять миллионов в год, и теперь они могут позволить себе отдохнуть на веранде своей отреставрированной викторианской виллы, наслаждаясь сменой времен года со своими прелестными детишками Диланом и Джоуплин.

Поскольку даже Джордж Макговерн¹, уйдя из политики, купил пансион в Новой Англии, смена серого официального костюма на издававшие виды слаксы и сабо кажется здесь вполне естественной. Основатели империи мороженого Бен и Джерри — это типичные представители латте-капитализма, и куда бы вы ни пошли, в Берлингтоне они будут взирать на вас чуть не с каждой стенки, эдакими нечесаными большими братьями.

¹ Джордж Макговерн (George McGovern, 1922–2012) — американский общественный деятель и политик, кандидат в президенты от Демократической партии, проигравший в 1972 году Ричарду Никсону.

Однажды я сидел на террасе «Ленига» и, поглощая ланч, считал, сколько у моей официантки серег в ушах, носу, губах и пупке (насчитал, по-моему, 19). Я пытался сосредоточиться на «Уолдене» Торо (с волками жить...), но меня постоянно отвлекал престарелый хиппи, который, ни на секунду не замолкая, грузил юную энтузиастку Вудстока в бабушкиных очках и деревенском платьишке. Помахивая седым не слишком ухоженным хвостом, он втолковывал ей про бюджетирование с нулевой базой и разницу между простыми и привилегированными акциями как заправский профессор Гарвардской бизнес-школы. Она делала записи в школьную тетрадь. Время от времени они отвлекались, и речь заходила о способах учета и управленческих методах, которые они могли бы применить в собственной компании. Должен признаться, престарелый хиппи знал, о чем говорит; его описание фондовых рынков было точным, ясным и компетентным.

Пока мое внимание перескакивало с Торо на этот разговор и обратно, мне подумалось, что «Уолден» это, по-своему, книга про бизнес. Торо постоянно подсчитывает расходы, и, когда бережливость приносит ему дивиденды, он не стесняется похвастаться своими достижениями. Так, может, и нет ничего удивительного в том, что бунтари 1960-х, когда-то населявшие коммуны, которые нередко назывались «Уолден», обнаружили, что занятия бизнесом вполне можно совместить с духовным ростом. Тем не менее философ из Уолдена безусловно поразился бы тому, с какой готовностью ребята, еще недавно обнимавшие деревья, взялись за предпринимательство.

Сегодняшний магнат латте-городка помнит, что главное в бизнесе не денег нажить, а найти занятие по душе. Профессия должна быть искренним увлечением. Более того, профессия, когда-то считавшаяся душегубительной, на самом деле способна наполнить жизнь высоким смыслом, если воспринимать ее как искусство. Можно, например, взять в качестве исходного натурального про-

дукта яблоки и, используя дедовские традиционные технологии, сделать из них такой полезный продукт, как сидр. В оформлении продукта вы можете применить свои высокие эстетические представления, использовать ультрасовременный дизайн для придания продукту актуальности. Владельцы ресторана, гостиницы или кафе могут использовать свой бизнес для создания ячейки гражданского общества, места встречи жителей близлежащих домов с книгами, журналами, игрушками для детей. Так предпринимательство питает не только тело, но и душу.

Да и весь мир.

Самой замечательной чертой такого рода просвещенного капитализма, который не нуждается в подробном описании, поскольку встречается повсеместно, безусловно, является его способность извлекать доход из прогрессивных идей. Спасать амазонские джунгли, препятствовать глобальному потеплению, охранять наследие коренных американцев, поддерживать семейные фермы, бороться за мир и снижать экономическое неравенство — все это можно делать, не выходя из супермаркета. Раньше считалось, что погоня за прибылью неизбежно ведет к отказу от моральных ценностей. Однако сегодня для многих компаний стало очевидно, что правильные принципы помогают извлекать еще больше прибыли — если доля просвещенного населения, готового слегка приплатить за социальный прогресс, достаточно велика. «Невозможно разделить: вот это мой бизнес, а это — мои социальные устремления», — утверждает Джуди Викс, основательница филадельфийского кафе «Белая собака», где собирается публика левого толка. Все любят посмеяться над капиталистическим прекраснодушием — все эти зубные пасты из пророщенной пшеницы, которые не убивают бактерии, а вежливо просят их покинуть ротовую полость — и тем не менее большинство образованных потребителей предпочитают компании, разделяющие их взгляды. Социальный маркетинг может зачастую показаться профанацией — сегодня

некоторые садоводческие компании призывают на борьбу с компостным кризисом, — но вреда от него немного, а иногда бывает и польза. В любом случае — это замечательный пример того, как американская массовая культура впитала в себя этику активистов 1960-х. И не только впитала, но и трансформировала: если раньше считалось, что настоящая картина, поэма или протестный марш могут радикально изменить общество, то сегодня находятся люди, как, например, Фил Найт из Nike, которые в тех же категориях рассказывают нам о кроссовках.

«Чувственное удовольствие от прекрасных овощей и фруктов прямо из сада приносит и моральное удовлетворение от того, что вы не грешите ни против себя, ни против матери-земли», — недавно заявила «Нью-Йоркеру» бывшая активистка радикальных студенческих организаций, а ныне преуспевающий ресторатор Элис Уотерс. Ее новый ресторан в Париже, призналась она, в общем даже не бизнес, а скорее, как указано в миссии компании, «витрина, платформа, учебный класс, теплица, лаборатория и сад. Это в своем роде ресторан-инсталляция, отображающая чувственность еды... Ресторан должен быть человечным и наряду с духом фермы, терруара, особенностями местного рынка, отражать человеческую сущность строителей, поваров и всех, кто там работает».

Контркультурные капиталисты

По иронии судьбы, революционный жаргон 1960-х лучше всего сохранился именно в бизнес-среде. И в этом смысле берлингтонские магнаты — это еще цветочки. Чтобы обнаружить настоящих радикалов «Эпохи Водолея»¹, придется забраться вверх по корпоративной лестнице в кабинеты руководителей компаний из

¹ «Age of Aquarius» — песня группы 5th Dimention, ставшей одним из гимнов 1960-х.

списка Нью-Йоркской биржи. Через тридцать лет после Вудстока и маршей мира плевать на статус-кво и крушить истеблишмент призывают именно управленческие гуру и топ-менеджеры корпораций. Именно руководители крупных уважаемых предприятий по-прежнему орут во всю глотку «революция», как это делают выжившие (и превратившиеся в миллиардеров) Эбби Хофмансы. Это «Бургер Кинг» учит Америку, что: «Иногда надо нарушать правила». Это Apple Computers носится как с писаной торбой со своими фанатами, величая их: «Безумцы. Неудачники. Бунтари. Смутьяны». Это Lucent Technologies взяли на вооружение слоган: «Born to be wild». Это Nike в качестве корпоративных символов использует строчку из битника Уильяма Берроуза и песню «Битлз» «Revolution». Это журнал Wired и их рекламодатели из Силиконовой долины используют цветовую палитру, позаимствованную из афиш группы Jefferson Airplane.

Подобные выражение встречаются не только в рекламе компаний, которым важно показать, какие они модные. Не менее привычным квазиреволюционный волапук стал в деловых журналах и каналах для управленцев, в бизнес-классе авиакомпаний, да и повсюду, где поддерживается деловая культура Америки. Вице-президент компании Home Depot призывает своих коллег: «...мыслить революционно, а не эволюционно». Управленческий гуру Том Питерс, выступая перед тысячной аудиторией американской бизнес-элиты, провозглашает: «Разрушение — это круто!» Компании — разработчики программного обеспечения открывают отделения в Голландии, чтобы привлечь специалистов, для которых декриминализация марихуаны — важное преимущество. Боб Дилан и Кросби, Стилс и Джонни Нэш выступают на корпоративных мероприятиях финансовой корпорации Nomura Securities. Сегодня практически любая компания позиционирует себя как общественное движение с воинственными целями (повергнуть основных конкурентов), важной социальной миссией (компьютер в каждый дом) и револю-

ционной субкультурой (авиакомпания Southwest Airlines величает себя «Символом свободы»). Самое неприличное слово в корпоративном лексиконе — это «мейнстрим», такое впечатление, что все американские компании — это протестные предприятия, расшатывающие режим.

А объясняется все довольно просто. Наводнившие деловой мир бобо принесли с собой контркультурный образ мысли в переговорные комнаты старой буржуазии. Не случайно именно район Сан-Франциско, эпицентр Лета любви, стал базой для несоразмерного количества торговых сетей, пользующихся популярностью у образованного класса. Это и Gap, и Restoration Hardware, и Williams-Sonoma. Даже суровые республиканцы, и близко к хиппи не подходившие, и те приняли радикализм 1960-х в качестве корпоративной философии. Пример тому гибридная культура Силиконовой долины, в которой антиправительственный пафос смешивается с типично республиканским принципом неограниченной свободы предпринимательства.

В областях бизнеса, где господствуют представители элиты информационного века — высокие технологии, медиа, реклама, дизайн, Голливуд, — официально принятая и насаждаемая руководством идеология сильно похожа на принципы богемы и радикалов: максимальная свобода, постоянные изменения, юношеский энтузиазм, радикальные эксперименты, отрицание устоявшихся норм, страсть ко всему новому. Нужно выйти за рамки — вот новое клише. Нужно быть на гребне волны. Нужно выйти за рамки и встать на гребень. А коли не оседлаешь гребень, втолковывают нам руководители, можешь отправляться на свалку истории. «Опыт — это не актуально. Актуально — неопытность», — утверждает основатель и главный редактор нового делового журнала Fast Company. «Меня интересуют исключительно самые молодые, самые толковые и очень, очень талантливые», — заявляет Бернард Арнолт, председатель совета директоров компании LVMH Moët Hennessy Louis Vuitton.

Сегодняшние контркультурные капиталисты живут или, во всяком случае, думают, что живут, ради новых идей, нового мышления, новых способов восприятия действительности. Изменились даже их речевые модели. Они используют короткие предложения. Существительные вместо глаголов. Исчезли всякие намеки на беллетризацию, они говорят как 15-летние подростки с компьютерной зависимостью. Снижение стоимости на следующий год? Дико круто. Линейка продуктов? Супермега. Че с IPO? Лажа. Конференция в Сан-Хосе? Суходрочка. Вынул мозг. Заманал в офлайне. В их речи и в особенности переписке по электронной почте преобладает стиль Керуака. Спонтанность прежде всего, советовал битник. Скорость и свобода. Отбрось литературные, грамматические и синтаксические формальности. Чтобы оставаться честным, нужно сохранить первозданность. «То, что ты чувствуешь, найдет способ проявиться», — утверждал Керуак. Был бы жив, читал бы лекции восторженным вице-президентам на корпоративных семинарах в Аспене. Да что там, даже мертвый он выступает в рекламе штанов Gap.

Я не бизнесмен,
я творец, оказавшийся на поле предпринимательства

В 1949 году Лео Ловенталь написал вызвавшее широкую дискуссию эссе, в котором прослеживалась эволюция пресс-портретов в популярных журналах, как, например, *Saturday Evening Post*. Автор отмечал, что в начале века прославлялись «герои производства», люди, которые строили мосты и плотины, создавали компании. Но затем все больше изданий стали смещать свое внимание в сторону «героев потребления», какими были киноактеры и знаменитые спортсмены — суперзвезды мира развлечений. Даже составляя портрет политиков, журналисты заостряли внимание не

на должностных успехах или деловом характере, но на увлечениях и личных качествах.

Сегодня мы снова наблюдаем переосмысление медийного героизма. В комплиментарном портрете в деловом журнале вы не увидите крупного строителя, инженера, чьи инновации позволили вдвое повысить производительность, или дальновидного управленца. Всем важнее предстать энергичными, дерзкими, продвинутыми, олицетворением перемен. Центр тяжести американского бизнеса сместился на запад и заметно помолодел. Формализм сменился бравадой. Корпоративная культура стала куда расслабленней. Директора «Майкрософт» снимаются на обложку журнала Fortune в ермолках с пропеллером. Другие предстают в образе рок-звезды на пенсии в дорогой льняной сорочке без воротника, цветастом свитере и шерстяных носках под прикольными, но тоже недешевыми сандалиями. Нередко их запечатлевают гордо стоящими в джинсах посреди огромного бревенчатого дома где-нибудь в районе Скалистых гор. В софтверной компании вы не встретите и двух служащих в синих костюмах, белых рубашках и красных галстуках. Эти вольные стрелки носят огромные ботинки, рваные джинсы, расползающиеся футболки с эмблемами университетов и крошечные, европейского фасона, очки, сквозь которые видно, как через подзорную трубу.

Когда 1950-х Business Week печатал портреты деловых людей, тогдашние руководители представляли перед читателем в интерьерах кабинетов из красного дерева и меди или же прямо на производстве, где, засучив рукава, давали ценные указания. Сегодня основной реквизит подобных съемок составляет всякая эксцентричная амуниция. Джеффри Катцнерберга запечатлели с мощным водяным пистолетом. Случались бизнесмены с игрушечными автоматами и лазерными указками, были и такие, что смеялись на камеру, указывая на выставленную на рабочем столе коллекцию каких-нибудь гномиков или машинок. Ричард Соул Вурман, устроитель

конференций для контркультурных капиталистов, за которые те, ради участия в слиянии разумов, платят немалые бабки, коллекционирует пепельницы (каковые отсутствуют в современном офисе как класс). Другие позируют под подвешенным к потолку сноубродом. В Силиконовой долине на стене кабинета может красоваться часть коллекции комиксов, обложка детского научно-популярного журнала или портрет Ганди. Невероятное количество топ-менеджеров предстает перед нами с домашними птицами, например какаду, восседающими на плечах или голове, а также страшненькими дворнягами, лежащими, высунув язык, на коленях. Мэрилин Карлсон Нельсон, директор группы туристических компаний Carlson Cos., позирует на роликах. Сооснователя софтверной компании Intuit Скота Кука запечатлели для Wall Street Journal в его любимой забегаловке Taso Bell. Подобные изображения переворачивают сложившийся деловой стиль с ног на голову. Если раньше представители деловой элиты хотели, чтобы в их фотопортретах отображались добродетели, завещанные еще Бенджаминем Франклином: бережливость, трудолюбие, надежность, то нынешние бизнес-лидеры видят себя веселыми беззаботными людьми широких взглядов.

В 1963 году в своем эссе «Антиинтеллектуализм в американской жизни» Ричард Хофstadтер описал предрассудки делового сообщества, которые они питали по отношению к «яйцеголовым». Тогдашние магнаты смотрели на интеллектуалов, как на витающих в облаках девчонок. Сегодня бизнес-лидер сделает все возможное, чтобы показать, что он (или она) — настоящий интеллектуальный герой. Типичному персонажу журнала Forbes уже недостаточно создать успешный бизнес, он или она играет на флейте, рисует, путешествует, играет в рок-группе с названием, иронично обыгрывающим возраст участников, что-нибудь типа Prostate Pretenders. «Сэнди Лернер вместе со своим мужем Леном Босаком основала компанию Cisco, — пишет Forbes, — сегодня она увлекается рыцарским боем, катается на „харлеях“, поддерживает борцов за права животных и

занимается изучением британских писательниц. Муж финансирует нестандартные научные исследования».

Управляющий фонда взаимных инвестиций описывается как интеллектуальная суперзвезда: он помнит статистику по бейсболу, совершенствует фортепьянную технику, летает на турниры по бриджу и симпозиумы по философии. В наши дни корпоративные отчеты пересыпаются цитатами из Эмиля Золя и Тони Моррисона. Топ-менеджеры «применяют» провидческие откровения мыслителей прошлого в стратегии продаж на следующий квартал, их можно увидеть углубленными в томик «Аристотель об управлении», «Шекспир о стратегии» или «Инвестиционные секреты Плиния Младшего». Высокопоставленная сотрудница крупной рекламной компании Розмари Робертс сообщает читателям журнала *Fast Company*, что главные книги в ее жизни — это «За закрытыми дверями» Жан-Поля Сартра («В ней содержится основополагающая для меня жизненная философия: как аукнется, так и откликнется — это неизбежно») и «Государь» Макиавелли («Целеустремленность и еще раз целеустремленность»). Новые бизнесмены приправляют свою речь фразочками типа: «У вас весьма занятный эвристический подход» или «У этого решения мало шансов в постгутенберговскую эру». Или: «Из известных мне вице-президентов он самый блестящий феноменолог». Они снисходительно улыбнутся, услышав вышедший в тираж мем, что не мешает им то и дело выдавать изречения типа: «Расстояний больше нет», «Прогресс вышел из-под контроля», «Время исказилось».

Когда-то речь бизнесмена была степенной и обстоятельной, отчего он производил впечатление человека спокойного и осматрительного. Сегодня деловые люди говорят, как визионеры, зрящие в корень социальных изменений. Нынешний руководитель компании должен быть носителем таких возвышенных и дерзких теорий, что за ним необходим присмотр целой команды подхалимов, ради того только, чтоб они могли вовремя удержать его в тенетах реаль-

ности. Если же вы собрались стать консультантом или пуще того корпоративным гуру, то сознание придется расширять еще дальше, вплоть до космических масштабов. Эти люди должны предугадать, где будет следующий прорыв, и ради этого они вынуждены эксплуатировать свое воображение как старатели участок во время золотой лихорадки.

Каши нужно съесть немало, чтоб поспевать за визионерскими откровениями сегодняшних бизнес-лидеров. «Мы находимся во временной точке, когда в небытие уходит четырехсотлетняя эпоха и в муках рождается новая», — объявил миру Ди Уард Хок, человек, который, придумав карточки Visa, стал бизнес-гуру. «На наших глазах жизнь меняется полностью, окончательно и бесповоротно, и с бешеной скоростью, — констатирует бизнес-консультант Уоттс Уэкер. — Поэтому я изучаю не просто перемены. Я отслеживаю, как меняются перемены — это дельта дельты». Бизнес-гуру Гари Хэмел пишет в журнале Fortune: «Мы живем в быстро меняющемся мире, где цифровые технологии, децентрализация и глобализация коренным образом меняют производственный ландшафт. Мы наблюдаем, как возникают и множатся новые формы экономической жизни: виртуальные организации, всемирные концерны, сетевые продажи и так далее и тому подобное... В поисках новых способов обогащения мы пришли к концу эпохи инкрементализма... Наступает переломный момент, когда потребность в дивергенции оборачивается потребностью в конвергенции и появляется новая коллективная точка зрения».

Сегодня фраза: «В прошлом осталась эпоха, когда...» не сходит с уст. В конечном счете мы переходим от общества силы к обществу знания, от линейности к нелинейности, от иерархического общества к сетевому, от густых сливок к двухпроцентному молоку. Поэтому всем приходится выдвигать гипотезы и делать прогнозы. Джеральду Левину из Time Warner, Самнеру Редстоуну из Viacom, Джону Малоун из TCI, как и прочим магнатам, не важно, что их

предсказания окажутся ложными. Не важно даже акционерам! Главное, это предсказывать дерзко и по-крупному. Титаны информационного века меряются своими прогнозами. Имея на вооружении солидную историческую парадигму, они хозяева в любом пространстве. Бил Гейтс назвал свою первую книгу «Дорога вперед». Когда-то футурология в Америке была уделом мрачных писателей-фантастов. Но ситуация изменилась. Будущее снова видится прекрасным, а его оракулами стали деловые люди с высокими интеллектуальными устремлениями.

Радикализм и утопические воззрения нынешних магнатов, конечно, не совсем те же, что у студенческих лидеров 1960-х. Деловой элите нравится сама возможность быть радикалами. В действительности они не слишком заинтересованы в конкретных идеях, способных коренным образом перевернуть социальное устройство. Освещению ляпсусов таких хиппи-капиталистов посвящен целый журнал — *Baffler* («Глушитель»), главный редактор которого — Томас Франк — высмеивает ложное бунтарство представителей корпоративного класса с их общественно приемлемыми отклонениями. Франк считает, что все это в итоге не более чем очередная ипостась консервативного традиционализма. Тем не менее мы не можем согласиться с «Глушителем», что все это не более чем лицемерие, а капиталисты попросту присваивают себе контркультурные идеалы. Процесс далеко не так однозначен. Топ-менеджеры-нонконформисты существуют, совмещая в себе корпоративную этику с контркультурными устремлениями. Просто культурные соперники, сцепившись воедино, поглотили друг друга.

Интеллектуальное происхождение классных капиталистов

Обратите внимание, насколько безоговорочно лидеры американского бизнеса принимают все критические замечания в адрес

американского бизнеса. В течение века писатели и богемы посочили делового человека. Этому были посвящены такие произведения, как «Джунгли», «Бэббит», «Великий Гэтсби», «Позолоченный век», «Смерть комивояжера», «Что-то случилось» (роман Джозефа Хеллера о бизнесмене), и тысячах других романов, пьес, фильмов и телесериалов (вспомнить хотя бы Джей Ар Юинга из «Далласа»). Везде предприниматель выводился неинтеллигентным, бездушным конформистом, носителем мещанских ценностей. Это подавленный человек, задушивший в себе способности к творчеству и соперничеству ради того, чтобы вскарабкаться на промасленный шест и скопить как можно больше денег. На работе у него царит сухая бюрократия и снуют жалкие прожекторы. Взирая на этот портрет, сегодняшние культуртрегеры от бизнеса готовы согласиться и признать все обвинения. Отталкиваясь от этого, они и постарались создать новый образ делового человека, который больше бы соответствовал богемным ценностям.

В 1956 году Уильям Уайт написал книгу «Человек организации». Социологи спорят о том, насколько реалистичным был этот «Человек», однако сомневаться в том, что этот образ по-прежнему занимает важное место в картине мира образованного класса, не приходится. Даже те, кто не читал произведение Уайта — а таких сегодня подавляющее большинство, — отлично представляют этого «Человека организации» и уж точно не хотят быть на него похожи. Человек организации готов стать шестеренкой в огромной социальной машине. Ему кажется, что в одиночку ему не справиться, что он слишком слаб и неспособен управлять собственной жизнью, поэтому он встраивается в крупные учреждения и подчиняет им свою волю. Он уверен, что организация предоставляет ему одновременно и защищенность, и широкие возможности, и одно никак не ограничивает другое. «Молодые люди относятся к „системе“ без всякого цинизма и практически без скепсиса, — писал Уайт, — они не видят причин ей сопротивляться, напротив, они готовы с ней всячески

сотрудничать». Более того, Уайт утверждал, что в рамках «социальной этики», которой они руководствуются, творческие способности и воображение ценятся меньше, нежели мягкий нрав и готовность угодить. Человек организации «ничем особо не выделяется, во всем придерживается середины». Уайт предвосхитил полемику, обострившуюся в 1960-е. Особенно убедительно он описал влияние крупных организаций на психическое состояние работников. Раньше начальнику нужен был только твой труд, писал Уайт, сегодня он хочет забрать «твою душу».

Книга Уайта — блестящая отповедь господствовавшим тогда управленческим теориям. Уайт критикует компании, где с помощью личностных тестов отсеиваются сотрудники, у которых могут возникнуть сложности с адаптацией в коллективе. Он пишет о научных лабораториях, руководство которых ради стабильности готово избавиться от талантливых, но эксцентричных или неуживчивых ученых. На описываемые Уайтом предприятия требовались не визионеры-индивидуалисты, но легко вписывающиеся в коллектив приспособленцы. К примеру, в фильме, который показывали перед поступлением на работу в химическую компанию Monsato, ученым сообщалось: «Гениям здесь не место, у нас рука об руку трудятся обычные американцы». Нефтедобывающая компания Socony-Vacuum распространяла буклет, где черным по белому значилось:

«Виртуозов не держим.

За исключением редких исследовательских задач, специалисты крупных компаний почти никогда не работают поодиночке. Виртуозам тут точно не развернуться. Предприятие, даже вне технических аспектов, механизм настолько сложный, что овладеть им в одиночку не под силу никому; поэтому чтобы выполнять свои обязанности, сотрудник должен сработаться с коллегами».

Уайт жестко критиковал «человека организации», считая, что в американских корпорациях нарушен баланс личного и коллективного, нужды организации переоценивались, а индивидуальные потребности не ставились ни в грош. Уайт не призывал людей бросать свои предприятия, скорее он предлагал наладить более здоровые взаимоотношения. Он советовал «человеку организации» бороться с организацией, избегая при этом саморазрушения. «Каждый может послать начальника к черту, — писал Уайт, — но на следующей работе будет новый начальник, и, в отличие от литературных героев, современный человек едва ли может найти тихое убежище в деревне и стать ближе к земле». Уайт стремился к миру, где люди продолжали бы работать в корпорациях, но как отдельные уверенные в собственных силах личности, которые ставили бы собственные потребности, по крайней мере, не ниже коллективных и не были бы преданы чему-то одному. Он мечтал об организациях, где эксцентричные и полные творческой энергии таланты ценились бы по достоинству, а не изгонялись из-за неспособности вписаться в некие бюрократические рамки.

Технократия

Десятью годами позднее аргументация Уайта была частично принята на вооружение автором куда более радикальной книги, оказавшей на сегодняшних капиталистов и их представления о деловой жизни влияние настолько глубокое, что он, автор, и в мечтах представить себе не мог. «Создание контркультуры» Теодора Рожака была опубликована в 1969 году и стала самым внятным высказыванием, осветившим на тот момент еще актуальную тему ниспровержения истеблишмента. Как и Уайт, Рожак видит Америку страной, управляемой крупными корпорациями. Как и Уайт, он анализирует психологические травмы, полученные в результате

жизнедеятельности внутри этих бюрократических систем, которые он предпочитает называть технократиями. Своими жертвами они управляют с помощью мягкой вкрадчивой тирании, опресняя их сравнительно комфортабельное существование, путем подавления всякой индивидуальности, творческой активности и воображения. Как и Уайт, Рожак не приемлет общественный порядок, при котором основной упор в социальных отношениях делается на покладистость и инерцию.

Существенное же различие между двумя авторами состояло в том, что Уайт был репортером журнала Fortune, а Рожак — радикальным представителем контркультуры. Если отношение Уайта к буржуазным ценностям было неоднозначным, то Рожак подвергал организацию уже куда более жесткой и системной критике. Он утверждал, что проблема общества состоит не в той или иной теории управления или практике приема на работу. Корпоративные наросты — это симптомы куда более глубокой культурной болезни. Основная проблема, по Рожаку, кроется в самом рационалистическом мировосприятии, которое он называл объективным самосознанием.

«Если проанализировать технократию с целью вычлениить, что именно дает ей такую власть над нами, — писал Рожак, — мы неминуемо придем к мифу об объективном самосознании. Постичь реальность — гласит миф — возможно лишь путем дистилляции сознания, исключения всякого субъективного искажения, любой личной сопричастности. Знанием может считаться информация, полученная исключительно в таком состоянии сознания. Это краеугольный камень, фундамент всех естественных наук, подпав под влияние которых, все области знания стремятся стать научными». Рожак описывает бухгалтера, который воспринимает мир, как грессбух, холодного ученого, расчетливого предпринимателя, бездушного бюрократа, узколобого инженера. Высшим проявлением объективного сознания, по Рожаку,

является машина. Машина — «это стандарт, эталон, мерило всех вещей». В представлении технократа компании университеты, даже целые народы должны бесперебойно функционировать подобно хорошо смазанной машине.

Неудивительно, что люди становятся машиноподобными шестеренками организаций. Дабы как следует разъяснить свою мысль, Рожак цитирует французского философа Жака Эллюля: «Техника должна быть предсказуема, и прогнозы эти должны быть максимально точными. Более того, техника должна господствовать над человеком. Для техники это вопрос жизни и смерти. Технике необходимо низвести человека до обслуживающего технику животного и стать королем рабов техники. Человеческие прихоти падают ниц перед технической необходимостью; человеческая автономия невозможна, поскольку техника сама стремится к автономии, здесь либо одно, либо другое. При таком положении техника формирует человека... так, чтобы стереть кляксы личных устремлений с идеального чертежа организации».

Это одно из базовых положений богемной критической мысли. Достаточно отвлечься от изучения окружающего мира, чтобы начать воспринимать его правду и красоту, вместо этого мы покоряемся искусственным богам. Мы отягощаем себя жесткими общественными структурами и сковываем нечеловеческим образом мысли. Еще со времен Флобера сотоварищи богема отвергала излишне рациональное мышление. Подобно философам-трансценденталистам они искали более эстетически ориентированный, мифотворческий, интуитивный способ восприятия. Спустя столетие Рожак, как и первая богема, ставил самовыражение выше самоконтроля. Цель жизни он видел в расширении собственного «я». «Самое важное, — писал он, — это чтобы каждый из нас стал человеком, законченной, цельной личностью, в которой ощущался бы непосредственный опыт познания разносторонней человеческой

природы и чувствовалось, что личность эта научилась жить в невероятном многообразии действительности».

Решение, которое Рожак предлагал проблеме технократии, тоже было сугубо божественного толка. «Расширение собственного „я“ достигается не с помощью специальной подготовки, но через простодушную открытость разнообразным опытам». Он считал, что людям, живущим в индустриальных капиталистических обществах, необходимо заново открыть для себя более естественные, более непосредственные способы восприятия. «Мы должны быть готовы принять за аксиому, что расширение собственного „я“ приводит к созданию более творческой, красивой и гуманной личности, нежели приверженность к объективному сознанию». Рожак считал, что, если мы будем воспринимать жизнь больше как игру, это может изменить окружающую нас реальность: «Вот наш основной контркультурный проект: объявить и небеса, и новую землю столь необъятной и удивительной, что технократия с ее чрезмерными притязаниями в присутствии такого великолепия вынуждена будет отступить на второстепенные позиции в жизни людей. Создать и как можно шире распространить идею о том, что такое жизненное самосознание подразумевает готовность к визионерским опытам и раскрытию творческого воображения со всеми вытекающими из этого последствиями».

Ничего такого, как известно, не произошло. Если у проблемы, которую Уайт и Рожак связывали с организационной структурой американского общества, и существовало решение, оно едва ли состояло в развитии космического самосознания, а также низвержении и подчинении ему рационалистического мышления. Тут Рожак понастроил воздушных замков. Но это не означает, что они с Уайтом ошиблись в своей критике технократии или порожденной ею конформистской искусственной морали. Просто для практического переосмысления организационных и социальных структур нужен был более приземленный, практический взгляд.

Джейн Джэйкобс — как протобобо

На самом деле семена этого переосмысления стали пробиваться еще до того, как Рожак написал свой труд. В 1961 году Джейн Джэйкобс опубликовала «Смерть и жизнь больших американских городов». По сей день эта книга остается самой влиятельной работой, отражающей взгляды бобо на общественные и организационные структуры.

Джейн Джэйкобс родилась в Скрэнтоне, Пенсильвания в 1916 году, отец был врачом, мама — учительницей. Закончив школу, Джейн устроилась репортером в газету Scranton Tribune. Продержавшись год, она отправилась искать счастья в Нью-Йорк, где сменила несколько работ от стенографистки до внештатного корреспондента, пока не получила скромное место в редакции журнала Architectural Forum. В 1956-м, выступая в Гарварде, она скептически оценила господствовавшую тогда модернистскую стратегию городского развития, в результате которой с карты исчезали целые районы, и на их месте возникали ряды симметричных многоквартирных домов, окруженных продуваемыми всеми ветрами и, как правило, безлюдными парками. Уильям Уайт предложил Джейн сделать из этого выступления материал для Fortune, который, после некоторых трений с руководством Time Inc., был напечатан под заголовком «Оставьте центр для людей». Затем Джэйкобс развила эту тему, и получилась книга «Смерть и жизнь больших американских городов», посвященная главным образом городскому планированию, но не только. Выходя за рамки вопросов проектирования, Джэйкобс создает описание хорошей жизни, и с каждым годом ее представления о том, какой она должна быть, обретали все больше верных последователей как в левом богемном, так и в буржуазном правом лагере.

На первый взгляд Джэйкобс — типичная представительница богемы. Журналистка, живущая в Гринвич-Виллидж — мекке

богемного мира. Имеет смелость выступать против рационалистов, крупных девелоперов, планирующих снести целые кварталы и построить на их месте аккуратные спальные районы, парки и высокотехнологичную транспортную инфраструктуру. Ей претит монотонность, единообразие и стандартизация. Монументальные вкусы правящих слоев вызывают у нее отвращение. В то же время она воспекает интуицию и непроизвольную прозорливость. У нее есть свойственный богеме вкус ко всякого рода экзотике — будь то африканская скульптура или румынская беседка. Типичная нонконформистка, Джэйкобс одевается в стиле поздних посетительниц городских кофеен, что успело уже войти в моду. Ее оппоненты, проектировщики тех лет, воспринимали ее как чуждую им богемную штучку и презирали ее «ехидство и ядовитую болтовню».

Но давайте присмотримся к героям идеального городского сообщества, описанным в «Смерти и жизни больших американских городов». Самые сильные и красивые строки Джэйкобс посвятила жизни своего квартала на Гудзон-стрит в Гринвич-Виллидж (с. 65–71 в издании Modern Library). За особую атмосферу на этой улице отвечали лавочники: Джо Корначчия — владелец продуктового магазинчика, мистер Кучагейн, портной, мистер Голдштейн, хозяин скобяной лавки. Наполеон полагал, что после того, как он назвал англичан нацией лавочников, ничего более оскорбительного для буржуа придумать невозможно. И действительно, до сих пор образ владельца малого бизнеса использовался в богемной литературе как образцовый носитель узколобых буржуазных ценностей. Однако Джэйкобс вовсе не корит мелких предпринимателей за их приземленность и прагматизм. Напротив, она восхищается их повседневными заботами: их хлопотливостью, чистоплотностью, повседневной приветливостью и общительностью. Один хранит запасные ключи для всей улицы. Другой разносит местные сплетни. Все вместе они присматривают за своим кварталом. Такими буржуазными добродетелями Джэйкобс как раз и восхищается.

В удивительно поэтичном пассаже зеленщик, владелец прачечной и прохожие представлены танцорами балета. Джэйкобс приравнивает их мельтешение к высокому искусству. Появляется продавец фруктов и приветливо машет рукой, мастер из лавки «Изготовление ключей» идет посплетничать с хозяином сигарной лавки, мимо на роликах катятся дети, прохожие тянутся к пиццерии. «Этот балет не знает антрактов, — пишет Джэйкобс, — но его досужие па действуют, как правило, благотворно и умиротворяюще». Я не берусь вспомнить прозаический отрывок, где повседневный мир обычной улицы, с заурядными магазинами и привычным ритуалом, был воспет столь тонко и трогательно.

Во многом именно тон повествования стал причиной успеха книги Джэйкобс. В нем нет той избыточности и патетики, какая была свойственна произведениям Керуака и более поздних радикалов, того же Теодора Рожака. Нет в нем и той помпезности и назидательности, что встречается в большинстве произведений интеллектуалов 1950-х. Джэйкобс наотрез отказывается от утопии и радикализма — этих неотъемлемых составляющих романтического направления. Она не приемлет образ интеллектуала, далекого от повседневной жизни и витающего в мире идей. Отсюда ее свободный внятный язык. Ее взгляд полон внимания к мельчайшим деталям (наверное, не случайно образцом подобного взгляда на окружающую действительность стала именно женщина). Современное ей городское планирование вызывало в ней негодование, тем не менее Джэйкобс не спешила обрушивать на своих врагов громы и молнии. Ее ответ на насущные вопросы таков: вместо того чтобы протестовать и выдвигать новые теории, нужно спокойно и внимательно оглядеться вокруг. Буржуазная теория познания окружающего мира часто апеллирует к здравому смыслу, тогда как божественная гносеология — к воображению. Джэйкобс же приглашает нас оценить способ восприятия, требующий и здравого смысла, и восприимчивости, и практических знаний лавочника, и той чуткости восприятия окружающей среды, каким обладают художники и писатели.

И главное, Джэйкобс примиряет буржуазную любовь к порядку с божественной жаждой эмансипации. Городская улица, считает она, хаотична только на первый взгляд, на самом деле здесь царит порядок. «Под внешним хаосом старого города, — пишет она, — когда городской механизм работает бесперебойно, скрывается стройный порядок, позволяющий поддерживать безопасность на улице и свободу передвижения. Это сложная система, в центре которой лабиринт тротуаров в сочетании с непрерывным потоком взглядов; это порядок, состоящий из движения и перемен, и, хотя это, конечно, жизнь, а не искусство, мы, повинаясь собственной прихоти, можем назвать его городской формой искусства и уподобить его танцу». В этом пассаже обозначены ключевые точки примирения: свобода и безопасность, порядок и перемены, искусство и жизнь. Достойная жизнь, по Джэйкобс, состоит из непрерывного движения, многообразия и сложноустроенных систем, однако в основе всего этого лежит внутренняя гармония.

Такая гармония была недоступна восприятию разрушающих старые районы планировщиков, поскольку их порядок был чем-то механистичным. Девелоперы и модернисты, подобные Ле Корбюзье, воспринимали город как машину — «фабрика по производству движения», говорил Ле Корбюзье — их естественным желанием было свести все устройство к простому повторяющемуся движению механизма. Однако если прочесть, как Джэйкобс описывает улицу, становится очевидным, что речь идет не о машине, здесь отсутствуют даже привычные смыслы, связанные с торопливой и напряженной городской жизнью. В ее описании город выглядит почти как лес. Лавочники выходят на тротуар почти как листья, поворачивающиеся к солнцу каждый под своим углом. Прохожие, словно животные, бредут по лесу, неосознанно участвуя в поддержании общей экосистемы. Джэйкобс воспринимает город не как механизм, но как организм. Она примирила пасторальные мотивы Эмерсона и Торо с современной городской жизнью. При том что жизнь в городе всегда

воспринималась как уход от природы, Джэйкобс рассматривает город почти как природное явление.

Для нормального функционирования такой экосистеме требуется множество участников. Ей необходимо разнообразие. Это слово — «разнообразие», — ставшее ключевым понятием современности, в «Смерти и жизни больших американских городов» стало одним из центральных. Вторая часть книги так и называется «Необходимые условия городского разнообразия». Автор восхищается сложным устройством, небольшими незапланированными нишами, пригодными для развития определенных видов деятельности. Способы использования таких пространств определяются не директивами сверху, но насущными потребностями.

За годы, прошедшие со времени первой публикации «Смерти и жизни больших американских городов», взгляды автора подтверждались неоднократно. Во всем мире уже отказались от раскритикованных ею схем городского планирования. Чудовищные последствия прожектов социальной инженерии в развивающихся странах выставили технократов, решивших, что они способны изменить мир, недалёковидными спесивцами. Крах плановых экономик в коммунистических странах показал, что мир слишком сложен для централизованного управления. Вместе с Джейн Джэйкобс мы стали скромнее оценивать свои возможности и более скептически воспринимать затеи крупных планировщиков и бюрократов. Мы скорее склонны доверять таким людям, как Джэйкобс, способным спокойно и внимательно оглядеться вокруг.

Производственная пастораль

Итак, вернемся в наши дни, на рабочее место. Взглянув на сегодняшние управленческие теории и кампании по реструктуризации, предпринятые в наиболее продвинутых фирмах, вы порази-

тесь глубине влияния, которое оказали на эти процессы сперва Уайт и Рожак со своей критикой старых бизнес-структур, а затем и Джэйкобс с ее представлениями о здоровом сообществе. Сегодняшние топ-менеджеры расскажут вам, а потом повторят, да так настойчиво, что вам захочется заткнуть уши ватой, с какой решительностью отвергли они древние построения «Человека организации». «Организации уходят в небытие!» — кричит Том Петерс на выступлениях. «Сотрудники НР — это не шестеренки огромного корпоративного механизма», — в первых же строках сообщает нам буклет для поступающих на работу в Hewlett Packard. «С первого рабочего дня перед каждым работником ставятся важные задачи, выполнение которых ведет к профессиональному и карьерному росту». И действительно, окормленные управленческими гуру компании поставили структуру «Человека организации» с ног на голову. В DreamWorks отказались от штатного расписания — названия должностей показались им слишком похожими на таблицу о рангах. В других компаниях гордятся сокращением управленческих структур с семи до трех, с четырнадцати до четырех. Повсюду звучит мантра: компании должны перестроиться на органический лад. Создать удобные децентрализованные системы для неформального коллективного сотрудничества. Сломать жесткие иерархические построения, и да пусть цветут сто цветов. Четко отлаженный механизм более не является здоровым ориентиром для организации. Теперь равнение на экосистему. Постоянно изменяющаяся органическая сеть с бесконечно сложными и динамичными взаимосвязями, дающая неожиданные всходы, — вот что такое правильная современная организация.

Крупные компании разбиваются на небольшие мобильные группы, на языке экспертов обозначаемые как «ансамбли солистов». Офис финансовой компании Pitney Bowes в Коннектикуте оформлен как небольшой городок: ковровые дорожки с рисунком булыжной мостовой, псевдогазовые фонари, часы, как на ратушной

площади, таблички на перекрестках коридоров — Мэйн и Централ-стрит и так далее. В штаб-квартире AOL, Первом креативном центре, рабочие столы расставлены по кварталам, чтобы соседи могли помогать друг другу в мозговых штурмах в окружении самодельных скульптур из мягких полимеров и упаковок энергетических напитков. Глава фармацевтической компании Inhale Therapeutic Systems вообще упразднил начальственные кабинеты: теперь, сидя в общем пространстве ласково именуемом «стойло», начальство может без конца перекидываться идеями с подчиненными. В компании по производству слуховых аппаратов Oticon все столы поставили на ролики, так чтобы их можно было перекатывать в соответствие с нуждами текущего момента. (Oticon одна из многих компаний, взявших на вооружение концепцию «школы без стен», популярную среди прогрессивных педагогов в 1960-х.) В Procter & Gamble лифты заменили на эскалаторы под тем предлогом, что последние способствуют обмену мнениями, тогда как тесные кабины провоцируют лишь неловкое молчание. В офисе детского канала Nickelodeon для стимуляции неформального общения построили мегаширокие лестницы. В дизайн-компании IDEO все столы давно уже застилают оберточной бумагой, чтобы было на чем почиркать во время мозгового штурма. Все перечисленные и еще сотни других компаний стараются воссоздать тот самый кварталчик Джейн Джэйкобс с его случайными встречами, незапланированными беседами, местами притяжения и той текучей пластикой, что, по сути, и есть порядок в динамике.

В старой организации властвовала система. Теперь нам говорят, что главное — это взаимоотношения внутри коллектива. В 1967 году Кеннет Кенистон закончил свое исследование контркультуры 1960-х «Молодые радикалы», где, в частности, писал: «Нрав и манеры молодых радикалов в крайней степени „индивидуалистические“, им интересно только личное прямое непосредственное общение с другими людьми. К формально пред-

установленным ролям, властным структурам и традиционной бюрократической иерархии они относятся сугубо отрицательно». Такое описание как нельзя лучше подходит для нынешней корпоративной Америки. Сегодня целые компании отправляются на дорогие курорты, где работники играют в несоревновательные игры или участвуют в дурацких конкурсах — все ради создания взаимоотношений внутри коллектива.

Наряду с этим компании информационного века стараются продвигать новый образ мышления. Упор на научный анализ и узкую специализацию сегодня уже не актуален. Рационалисты наподобие Роберта Макнамары с их накрахмаленными белыми воротничками остались в прошлом. Нынче все восхищаются творческим беспорядком, царящим на рабочих столах взъерошенных гениев. Компании нанимают гиперактивных специалистов по мотивации, чтоб они служили эдакими домашними Кенами Кизи, создавая вокруг себя атмосферу «Веселых проказников». Гордон Маккензи — пожилой хиппи в цветастой футболке и синих джинсах ездит по корпорациям и научает сотрудников «выходить на орбиту гигантского волосяного шара». Волосяной шар на его языке означает бюрократию, а выходить на орбиту — значит вырваться из него в область индивидуальной творческой деятельности. Маккензи 30 лет проработал в компании Hallmark, где занимал в итоге придуманную им самим должность «креативного парадокса». Сегодня он консультирует IBM, Nabisco и FBI — то есть не то чтоб романтические организации байронического толка. Креативность, которая сегодня рассматривается как новый ключ к производительности, сменила эффективность — главную добродетель «Человека организации».

В бостонской интернет-консалтинговой компании ZEFER соискателям предлагают пройти «Lego/Play-Doh тест»¹, чтобы оце-

¹ Lego и Play-Doh — фирмы, производящие развивающие игрушки-конструкторы.

нить их творческий потенциал. У Kodak есть «комнаты юмора» с играми, игрушками и видео с «Монти Пайтон». У Ben & Jerry's есть Комитет радости, отвечающий за оживляж. Пол Берч работал в British Airways штатным балагуром. А в коммерческой службе Хегох «обучающие сотрудники» проводят «обучающий Вудсток» в темной комнате, где с потолка свисают светящиеся луны, планеты и звезды.

Крайние проявления вышеназванных тенденций больше всего похожи на бред. Однако в лучших проявлениях сегодняшние управленческие техники действительно идут по гносеологическим стопам Джейн Джэйкобс. Основная идея заключается в том, что для решения проблемы вовсе не обязательно разбивать ее на множество узкоспециальных задач, как это делают технократы, напротив, нужно настроить все свои рецепторы на пульсацию и ритм решаемой ситуации. Эти техники вдохновляют работников искать новые решения для старых проблем, использовать собственное воображение, интуитивно пробираться к более глубокому пониманию противостоящей им реальности. Рынок нужно воспринимать не как машину, но как организм, в котором есть и механизмы обратной связи, и взаимосвязи, и непрерывное движение.

Метис

Другими словами, компании пытаются воспитать в своих служащих качество, которое в античные времена называлось «метис». Антрополог Йельского университета Джеймс Скотт ввел это древнегреческое слово в обиход. Французы назвали бы это качество «savoir faire»¹. Мы можем обозначить его как прикладное знание,

¹ Метис (*др.-греч.*) — мудрость, savoir faire (*фр.*) — дословно — «деятельное знание», практическая мудрость, такт, умение находить выход из положения.

сметливость или сноровка в чем-то конкретном. Обладателем образцового метиса можно назвать Одиссея за его умение с ходу сориентироваться в неожиданной ситуации. Сам Скотт дает такое определение метису: «Это широкий спектр практических знаний и самостоятельно приобретенных сведений, используемых в постоянно изменяющейся окружающей и социальной среде».

Обучить метису или затвердить его на память невозможно. Его можно только передавать и воспринимать. Философ Майкл Оукшот сказал бы, что выучить грамматику можно и в классе, но речевые навыки можно приобрести только постепенно опытным путем. Также и метис приобретается в несколько спорадических этапов, лишь постепенно складываясь в общую картину. Люди, обменивающиеся метисом, не читают лекций, они разговаривают. Они работают бок о бок. Чтобы обрести метис, человек должен не только видеть, но детально понимать, что происходит. Он должен очень внимательно следить за процессом, осознавая практические последствия каждого действия. Он должен развить в себе интуитивное понимание процесса, взаимоотношений и взаимозависимостей внутри него. Для человека, приобретающего метис, главное — это практика, а не рассуждения и грезы.

К примеру, поваренок может обучиться правилам кулинарии, но только шеф-повар владеет ими настолько, чтобы понимать, когда их применять, а когда модифицировать или даже нарушать. Выпускник университета может прочитать книгу по педагогике, но только обладающий метисом учитель способен вести класс, завладеть его вниманием. Метис существует только в момент использования; зачастую человек, им обладающий, не сможет облечь свое умение или приемы в словесную форму. Обладать метисом — это значит понимать динамику процесса, знать, что совместимо, а что нет, уметь реагировать на непредвиденные обстоятельства. Это умение отличить по-настоящему важное от отвлекающего маневра. Именно метис имел в виду Исая

Берлин, когда в своем классическом эссе «Еж и лиса» писал: «Это не научные знания, но особая чуткость к изменчивым контурам обстоятельств, в которых мы оказались; это способность жить, не нарушая установленного положения вещей или факторов, которые нельзя не только изменить, но даже как следует просчитать или описать». Такого рода знание состоит в способности, непрерывно импровизируя, не мытьем так катаньем доводить дело до конца. Отказываясь от универсальных решений, человек, ценящий метис, приветствует различные подходы во всем их многообразии, если употребить понятие столь важное для Джейн Джэйкобс и всех последовавших за ней бобо.

В такой атмосфере иначе воспринимается и роль руководителя. Генеральный директор — это уже не шахматный гроссмейстер, импозантный и замкнутый мужчина, передвигающий фигуры по доске. Теперь он или она скорее видит себя вдохновителем, мотиватором, руководителем оркестра. Сегодняшний генеральный директор хвалится своими усилиями по пробуждению творческого потенциала подчиненных. С его обостренной чувствительностью к авторитаризму и репрессивным методам управления он твердит о стимулировании горизонтальных взаимоотношений внутри коллектива. Хороший директор не столько доминирует, сколько подает пример, как опытный художник своим ученикам. К примеру, проведя несколько дней в головном офисе сети мебельных магазинов Restoration Hardware в округе Марин, я поразился, как работники расхваливали своего гендиректора Стивена Гордона, особенно подчеркивая, какой он «расслабленный» и «ненапряжный». Коллеги с удовольствием вспоминали, как во время корпоративного праздника он участвовал в битве наполненными водой шариками и самозабвенно играл в али-бабу. Манерой одеваться Гордон не отличается от большинства сослуживцев, и кабинет его не сильно больше или краше, чем их кабинеты. В компании весьма либеральные правила относительно собак, и когда кто-то

приносит на работу свою дворняжку, то она спокойно может забрести и к директору. Дважды в неделю закупщики компании проводят совещания, где принимаются решения о приеме новых позиций на реализацию. В соответствии с этикой псевдоравноправия присущей предприятиям с бобо-менеджментом у каждого присутствующего один голос, но голос Гордона каким-то образом получается решающим. Закупщики с радостью признаются, что как бы творчески они ни подходили к исполнению своих рабочих обязанностей, на самом деле они лишь реализуют обозначенные Городном принципы.

Таким образом, мы подходим к важному парадоксу информационного века: выравнивая иерархию и продвигая равенство, сегодняшние гендиректора доминируют в своих компаниях едва ли не больше, чем главы старых корпораций. В компаниях, описанных Уайтом, тон задавали незыблемые правила организации; сегодня — это видение харизматичного лидера. Как сообщил журналу Fortune Джон Сили Браун, гендиректор Херох: «Задача современного руководителя не ограничивается зарабатыванием денег, сегодня важно, чтоб во всем этом был еще и смысл».

Высший эгоизм

В бизнесе, как и во многих других сферах жизни бобо, то, что раньше считалось пороком, сегодня стало достоинством. Деловые люди говорят, как художники. Корпорации соревнуются в социальной ответственности. Управленцы делают ставку на творческий подход и раскрепощение. Феноменально успешные бизнес-консультанты больше похожи на духовных учителей, чем на специалистов по рационализации производства. В этом капиталистическом зазеркалье специалисты отдела маркетинга рассказывают, как они ненавидят маркетинг. Гендиректор сообщает, что

планы по экспансии вызывают у него двойственные чувства. Миллиардеры утверждают, что занимаются бизнесом не ради денег, но ради самовыражения. «Деньги ничего не изменили», — говорит Роб Гласер из RealNetworks в интервью Wall Street Journal. «Деньги ничего не изменили в моей жизни», — вторит ему Стив Кейс из America Online в другом интервью тому же изданию. «Деньги не изменили в моей жизни ничего», — подтверждает Джефф Безос из Amazon.com в третьем.

Работники выстроенного бобо-мира одухотворенного капитализма тоже далеки от передовиков и ударников. Они создатели. Они осваивают новые сферы, экспериментируют и мечтают. Их цель — обнаружить, а затем и превзойти предел своих возможностей. Если же работа наскучила или ограничивает их рост, они просто делают ручкой. И это важная привилегия — иметь возможность отправиться на поиски нового места при первых признаках рутины. Личностный рост — вот необходимое условие, и смысловое ударение ставится на первое слово.

Это вовсе не примитивный эгоизм, ведь речь идет не о шкурных интересах или бессмысленном накопительстве. Это эгоизм высшего порядка, когда основная цель — выжать из себя по максимуму. А для этого работа должна обогащать духовно, быть полезной для общества, расширять горизонты, держать в эмоциональном тонусе, повышать самооценку, ставить все новые задачи и вообще быть душеполезной и оправдывать потраченные на нее усилия и время. Еще важно учиться. И работать в не менее крутой компании, чем ты сам. Нужно найти учреждение, максимально соответствующее твоим творческим и духовным потребностям. Когда Энн Суини обдумывала предложенный ей пост президента Disney Channel, она не заострялась на карьере или финансовом благополучии. Она спросила себя: «Та ли это работа, от которой запоет моя душа?», и решила, что да. Пиар-компания Porter Novelli, привлекая новых сотрудников, не делает акцент на банальных

выгодах. Вместо этого она размещает в нескольких журналах рекламу с изображением женщины на скалистом берегу. Сверху напечатано «Чего ты хочешь?», далее идет ответ предположительно изображенной женщины:

«Я хочу сама строить свою жизнь. Хай-тек — это широкая, бурно развивающаяся сфера. Я работаю над созданием коммуникационных программ для ведущих софтверных компаний. Я учусь и строю блестящую карьеру. В будущем у меня будет свое дело. Я выросла на Западном побережье, поэтому океан всегда был моим вторым домом. Когда мне нужно что-то обдумать, я иду на океанский пляж. Мне нравится взбираться по карьерной лестнице. Каждый год моя роль становится все заметнее. Начальство поддерживает мой рост с помощью обучающих и профессиональных программ. Я столько учусь, что кажется, будто я снова стала студенткой. Я хочу поехать в Африку. Надеюсь, на следующий год. (Мне нечего бояться — у нас роскошная медицинская страховка.) Я хочу добиться максимума. Если и есть предел моим возможностям, не знаю, достигну ли я его когда-нибудь. Надеюсь, что нет».

Вот вам и краткое описание бобо-капитализма. Колледж, обучение, рост, путешествия, карьерная лестница, раскрытия собственного «я». Все на месте. И все это нанизано на маленькое, но сверхважное местоимение «я», которое употребляется в этом небольшом абзаце больше 10 раз. Человека организации поставили с ног на голову. Уайт описывал общественный порядок, в котором превалировали интересы группы. Сегодня на первый план выходит «я».

Работа становится делом жизни, призванием, предназначением. Но удивительней всего, что, переняв образ мысли художников и активистов, обычные служащие действительно начинают куда более усердно трудиться на благо компании. В 1960-е большинство социологов прогнозировали, что с повышением уровня жизни, мы будем все меньше и меньше работать. Но когда работа становится средством самовыражения и социальной миссией, как тут не

постараться? Тобой уже движет неослабевающее стремление расти, учиться, жить более полной жизнью. Если руководители, мечтавшие сделаться утонченными джентльменами, ценили отдых и свободное время, то менеджеры, стремящиеся стать художниками, больше ценят труд.

Работодатели смекнули, что бобо в лепешку расшибутся, если им объяснить, что трудятся они ради собственного духовного и интеллектуального роста. Ли Клоу, глава рекламной фирмы TBWA Worldwide, установил правила, которые лет десять–двадцать тому могли бы привести к забастовке, а сегодня считаются очень прогрессивными. «По выходным в нашем офисе пусто почти не бывает», — сообщил он Wall Street Journal пару лет назад. «Иногда меня спрашивают, что я говорю своим сотрудникам, чтоб они приходили на работу по субботам и воскресеньям. Да ничего не говорю. Просто наши творческие сотрудники знают, чего мы от них ждем. Они знают, что в этой огромной песочнице у них есть шанс. Это место должно стимулировать творческую активность, на работе должно быть весело, сотрудники должны взаимодействовать, создавать социальную среду». И не вздумайте назвать это каторгой, это песочница! Это не работа — это игра!

Культурные противоречия капитализма — разрешены!

В 1976 году Дэниэл Белл написал важную книгу: «Культурные противоречия капитализма». Там доказывалось, что в основе капитализма два разнонаправленных импульса. Члены капиталистического общества должны быть дисциплинированными и немного аскетичными, чтобы вовремя приходить на фабрику и упорно работать. При этом у них должен быть развит вкус к приобретательству, желательно даже легкая форма гедонизма, чтоб им хотелось покупать все больше и больше производимых товаров. Вслед за Максом Вебером Белл

полагал, что долгое время протестантской этике удавалось примирять эти импульсы, объединив их в одну систему верований. Однако протестантская этика уходит в небытие, считает Белл.

Он предвидел мир, где самоограничение будет восприниматься как глубокий атавизм. Этому он видел две основных причины: первая — культура романтизма, стремящаяся к разрушению всякого порядка, обычаев и традиций ради сильных чувств, освобождения и самопознания; и вторая — зависимость капитализма от необходимости непрерывно повышать уровень потребления. При мощном росте потребления, не вызывающего стыда и прочих отрицательных коннотаций, люди поймут, что потреблять куда веселее, чем ограничивать себя, и станут все больше ценить насущные удовольствия. Жажда наслаждений победит бережливость, а бахвальство вытеснит скромность. В мире будущего, по Беллу, «основной целью культуры и общества будет не работа и достижения, но потребление и удовольствия».

В 1970-х Белл виделся антиномизм, его преследовало ощущение, что люди вскоре освободятся от законов и ограничений, просто потому, что все такие клевые. Рабочая этика и впрямь многим казалась устаревшей, и земля под карьерной лестницей вековых амбиций зашаталась. Теория Белла нашла широкий отклик. Ситуация, когда капитализм выпустил культурного джинна, который его и разрушит, казалась вполне правдоподобной.

Но этого не случилось. Напротив, те, кто испытал на себе всю силу романтической культуры — описанные Беллом студенты Беркли, дети послевоенного демографического взрыва, — стали трудолюбивыми капиталистами, строящими планы на годы вперед. Гедонизм и мифология Вудстока сегодня используются в качестве инструмента управления в компаниях из списка Fortune 500. Американцы даже не переняли у европейцев систему отпусков. Они лучше проведут ночь в офисе «Майкрософт» или выходные в Ben & Jerry's. А те, кто убежденнее всех говорит про разрушение порядка и учреж-

дение перманентной революции — то есть капиталисты корпоративного мира, — упорней и последовательней всех в достижении успеха.

Это такой постмодернизм держателей акций. Анализируя современную ему ситуацию, Белл описал культуру, в основе которой лежат иррациональный гедонизм и экономическая структура, построенная на технократической мотивации, и сделал заключение, что столкновение этих сил неизбежно. Однако в реальности они сошлись и породили нечто третье.

На контркультурных капиталистов больше не давит пуританская или протестантская этика. Взамен старой они создали свою, обладающую схожей, а может даже более строгой системой самоограничений. Они провозгласили работу духовным и интеллектуальным призванием и к деятельности своей приступают с вдохновением художника или миссионера. И пусть рубашка не застегнута на все пуговицы, а на рабочем столе творческий беспорядок — это не мешает им быть по-своему весьма дисциплинированными. Представители образованного класса часто воспринимают свой труд как главный способ самовыражения, что ж тут удивляться поразительной энергии, с которой они выкладываются на работе. Для многих работа не заканчивается никогда — они думают о ней непрерывно.

Более того, ни обитатели латте-городков с их микропредприятиями, ни операторы рабочих станций контркультурных гигантов не придаются предсказанному Беллом гедонизму. Созданная ими этика равенства, чуткого отношения к окружающей среде и здоровью не позволяет им вести тот декоративно-парадный образ жизни, столь характерный для старой денежной элиты. Что тоже служит заменой системе самоограничений столь широко обсуждавшейся протестантской этики. Если эти люди во что-то и верят, то в непозволительность саморазрушения, а это означает, что кутежи, алкоголь и наркотики просто не модно. Раньше местом встречи был бар, теперь это кофейня. И как мы подробно рассмотрим ниже, в тренде теперь дисциплинирующие занятия типа бега трусцой и велоси-

педного спорта; посвящая свободное время физкультуре, они дисциплинируются пуще прежнего.

1960-е выпустили джинна эмансипации из бутылки американского общества, однако антиномизм смешался с духом предпринимательства, который ассоциируется у нас с 1980-ми. Этот замес оправдал капитализм в среде его самых непримиримых критиков и, с другой стороны, легитимировал контркультурные демарши в среде деловой элиты. Что бы там ни было, в конечном итоге этика бобо оказала на Америку весьма положительное влияние. За последнее десятилетие наблюдался бурный рост предприятий, которые отвоевывают сектор за сектором мировой экономики. Американские компании совмещают творческий подход с высокой эффективностью. Белл полагал, что наблюдает закат буржуазии, однако сегодня складывается впечатление, что буржуазия получила новое рождение, поглотив богему и будучи поглощенной богемой с ее творческой энергией.

4.

интеллектуальная
жизнь

В 1954 году Ирвинг Хоу написал для журнала *Partisan Review* эссе под названием «Век соглашательства», темой которого стал упадок в интеллектуальной жизни Америки. «Самые плодотворные периоды интеллектуальной жизни Америки, как правило, совпадают с подъемом богемы», — считал Хоу. Когда мыслители и художники уходят из буржуазной юдоли, с ее устаревшими правилами и приличиями, чтобы жить отдельно в мире искусства, идей и духа, новые замыслы льются рекой. Тем не менее Хоу чувствовал, что богемная идеология начинает ослабевать. И виной этому были деньги. «Некоторые интеллектуалы попросту „продались“, и у каждого из нас найдутся примеры, возможно одни и те же, — писал Хоу. — Однако куда более мощный и коварный процесс, это постепенное расшатывание твердой, отстраненной позиции и интеллектуальной автономии. А связано это с соблазнами повышения уровня жизни». Интеллектуалы, используя слова Хоу, перестали занимать «твердую отстраненную позицию». Они устраивались на работу в госструктуры, заседали в общественных комитетах, разъезжали с лекциями по стране, писали в массовые издания и преподавали в школах для взрослых; в общем, заступили на территорию бизнеса и политики. В ходе такого сотрудничества они утрачивают нечто весьма существенное, продолжал Хоу, а именно: «интеллектуальное призвание — саму идею, что жизнь можно посвятить ценностям, осознать которые основанная на коммерции цивилизация не в состоянии». Вливаясь в мейнстрим буржуазной культуры, интеллектуалы отказывались от неограниченной свободы, полагал Хоу, сами выбивая у себя почву из-под ног. «Сегодня у писателя зачастую просто нет выбора, он вынужден писать в журналы типа „Нью-Йоркер“, а часто и в куда менее приличные издания», — сетует Хоу. Некоторые пережили искушение прессой и сохранили свою индивидуальность, заключает он, но «на каждого автора коротких рассказов, выжившего в „Нью-Йоркере“, можно насчитать дюжину, чье письмо лишилось жизненности и оригинальности».

Что ж, если Ирвинга Хоу расстраивало положение вещей в 1954-м, пожалуй, хорошо, что он не может видеть, что творится сейчас. Сегодня нам даже в голову не придет волноваться за литературное дарование, обнаружив его текст в «Нью-Йоркере». Когда роман попадает в список бестселлеров, у нас не возникает ощущения, что автор продался. Мы не сильно возмущаемся, когда уважаемый профессор затевает весьма прибыльное лекционное турне. Уж лучше они, чем очередная банда специалистов по мотивации. Весьма распространенное во времена Хоу убеждение, что интеллектual должен отказываться от соблазнов популярной культуры и коммерциализации, сегодня практически утрачено. Как вследствие культурной экспансии информационного века появились дельцы, позиционирующие себя как полухудожники, полуинтеллектуалы, так сегодняшние интеллектуалы стали больше походить на бизнесменов. В используемых нами терминах «рынок идей», «интеллектуальная собственность», «экономика внимания» мир интеллекта и рынка сливаются воедино. Изменилась сама роль интеллектуалов. Когда-то отчужденные и неприступные, сегодня они смешались с остальной образованной элитой. Так на свет появился новый тип интеллектуала эпохи бобо.

С сегодняшней точки зрения интеллектуальный ландшафт 1950-х и впрямь кажется весьма диковинным. Перечитывая труды Лайонела Триллинга, Рейнхольда Нейбура, Сидней Хука, Уильяма Баррета, Ханны Арендт, тех, кто публиковался на страницах *Partisan Review*, поражаешься общему тону, в котором доминирует безоговорочная серьезность. Тогдашние интеллектуалы не смущались обращаться в своих эссе к темам а-ля «Мир во всем его многообразии», а ведь большинство сегодняшних авторов отбросило бы это, как напыщенный бред. Нейбур написал целую книгу, озаглавленную «Природа и судьба человека», в которой, конечно, многое объясняется. Выработанный ими ясный и весьма изящный стиль письма, страдал тем не менее высокопарностью и излишней назидательно-

стью. Относительно собственной важности тогдашние интеллектуалы ложной скромности не испытывали. Они активно подписывали воззвания, делали заявления, проводили конгрессы и проявляли свою «позицию» всеми возможными способами.

Их мемуары читаются как интеллектуальная мелодрама. Когда Эдмунд Уилсон опубликовал свою рецензию на книгу такую-то, вспоминают они, мы все поняли, что мир, каким мы его знали прежде, ушел безвозвратно. Как будто рецензия на книгу может изменить мир. Как будто тогда это было возможно. Они считали, что делают историю, и, возможно, были не далеки от истины. «Один-единственный мазок на холсте, за которым стоит работа и разум, осознающий свои возможности и значения, способен вернуть человек свободу, утраченную за двадцать веков разнообразных форм порабощения», — писал художник Клиффорд Стилл, и никто над ним не смеялся. Они обожали прописные буквы. «Три великие силы сознания и воли — Искусство, Наука и Филантропия — стали, и это очевидно, врагами Интеллекта», — объявил Жак Барзун в 1959 году, привычным движением выходя в философский космос, как в собственные владения. Их суждения были зачастую так туманны и выпренны, что сегодня вызывают искреннюю улыбку.

Высказывание Бертрана Рассела, вынесенное на обложку осеннего номера Dissent 1963 года, яркий пример интонации героического разоблачения, усвоить которую способен лишь человек, как следует хлебнувший из кубка своего провидческого величества:

«Кеннеди и Хрущев, Аденауэр и Де Голль, Макмиллан и Гейтскелл — все преследуют общую цель: положить конец правам человека. Вы, ваши семьи и друзья, ваши народы должны быть уничтожены общим решением нескольких жестоких властителей. Ради их удовольствия все наши эмоции, общие надежды, все, что было достигнуто искусством, наукой и мыслью, и все, что могло быть достигнуто после, может быть стерто с лица земли».

Подобный стиль проистекает из представлений о высокой социальной роли интеллектуала. Интеллектуал — это человек, который как бы парит над обществом и, отказываясь от материальных преимуществ, служит совестью нации. Интеллектуалы — прямые потомки Сократа, которого сограждане казнили за безоговорочную приверженность правде. Они вдохновляются «J'Accuse» Эмиля Золя¹, который выступил против ретроградов и бросил вызов власти от имени высшей справедливости. Они испытывают влияние русской интеллигенции, этого светского ордена писателей и мыслителей, которые участвуют в жизни народа, прибывая в некоем универсальном пространстве правды и нестяжательства и спуская оттуда моральные оценки происходящих событий. Одно из наиболее знаменательных описаний надмирной, олимпийской роли интеллектуалов — в представлении самих интеллектуалов — появилось в эссе Эдварда Шилза 1958 года «Интеллектуалы и власть: опыт сравнительного анализа».

«В каждом обществе... есть люди, обладающие повышенной чувствительностью к сакральному, склонные к глубоким размышлениям о природе, Вселенной и законах, по которым это общество существует. В каждом обществе есть определенный процент людей, которые задают больше вопросов, нежели большинство их сограждан, и стремятся соприкоснуться с символами более общего порядка, нежели реальные события повседневности, и далекими от нее как во времени, так и в пространстве. Такие люди чувствуют в себе потребность воплощать и отображать свои искания в устном и письменном дискурсе, в поэзии и пластических искусствах, в осмыслении истории, в ритуалах и религиозных обрядах. Эта внутренняя потребность проникнуть за рамки повседневности реального опыта обуславливает существование интеллектуалов в любом обществе».

1 «Я обвиняю» (*фр.*) — статья-обращение к президенту Франции Феликсу Форю по поводу дела Дрейфуса, опубликованная в газете «Аврора» Эмилем Золя 13 января 1898 года.

Весьма нетривиальное социальное деление. С одной стороны — подавляющее большинство, живущее в мире «реальных событий повседневности», с другой — немногие, чья жизнь определяется «повышенной чувствительностью к сакральному» и «глубокими размышлениями о природе». И дистанция эта была чрезвычайно важной для европейских и, в чуть меньшей степени, американских интеллектуалов, потому что, только оставаясь невовлеченными, они сохраняли правдивый и ясный взгляд на общество — во всяком случае, они так считали. В более поздней книге «Жизнь разума» Ханна Арендт выразила ту же мысль, процитировав приписываемую Пифагору притчу: «Жизнь — это как игры¹. Кто-то приходит состязаться, кто-то торговать, но лучшие люди становятся зрителями. Так и в жизни — рабы гонятся за славой или выгодой, а философы — за правдой». Только мыслители, свободные от влияния крупных организаций и тактических альянсов, могут надеяться на постижение правды. Райт Миллз в своей работе «Власть, политика, народ» писал: «Независимые художники и интеллектуалы — вот те немногие, кто еще способен сопротивляться клишированию и последующей смерти всякой оригинальности».

Такое впечатление, что интеллектуалы 1950-х пестовали это ощущение битвы, непрерывных атак со стороны сурового мира коммерции. Ополчившись против журналистики, рекламы и культуры «селебрити», они отражали приступы филистеров и обывателей. «Неприязнь обычного человека к интеллектуалу постоянна и повсеместна», — писал Жак Базун в «Доме интеллекта». «Анти-интеллектуализм в американской жизни» Ричарда Хофstadтера стал пушечным выстрелом в войне между сознанием и материей. Основной угрозой для независимого интеллектуала он считал деньги и связанные с ними соблазны. Коммерция — враг искусства. Когда роман Нормана Мейлера «Нагие и мертвые» стал бестселле-

¹ Олимпийские, Пифийские и проч. (*Прим. пер.*)

ром, у писателя возникло немало проблем с друзьями из интеллектуалов. Именно коммерческий успех послужил для них главным свидетельством того, что с книжкой что-то не так.

Коммерческая культура тоже не рвалась в атаку с крупными купюрами наголо. Она подкралась коварно, во чреве троянского коня обывательской культуры middlebrow¹ и образованности. Сегодня нам сложно понять ту ярость, с которой высоколобые интеллектуалы 1950-х совершали свои нападки на образованного обывателя. Культура middlebrow тех лет проявлялась в популярной, но сравнительно приличной музыке, искусстве и литературе, примеры которой встречались в журнале *Saturday Review* (где не стеснялись заголовков типа «Будущее принадлежит образованным» и «Искусство дарит нам жизнь и мир»), в изданиях, рекомендованных дайджестом «Книга месяца», или в пьесах Тортон Уайлдера. Образованный обыватель потреблял высокую культуру с чувством глубокого самоудовлетворения, просто потому, что это полезно. В ретроспективе культура образованного обывателя 1950-х видится скучноватой и претенциозной, но благонамеренной и достойной куда больших симпатий, нежели сменивший ее масскульт торжествующей безграмотности.

Совсем иначе эту культуру воспринимали тогдашние интеллектуалы. Они набрасывались на нее с такой ненавистью, что волосы встают дыбом. Несколькими десятилетиями ранее Вирджиния Вулф вела ту же войну и называла образованных обывателей не иначе как «липкая слизь» и «тля зловредная». Клемент Гринберг называл их «вероломной» силой, которая «обесценивает самое драгоценное, заражает здоровых, развращает честных, и отупляет мудрых». Самая знаменитая атака была предпринята Дуайтом Макдональдом в эссе, озаглавленном «Масскульт и культура образованных обывателей», где он проклиная «липкую жижу» МоМА

¹ Middlebrow — антоним highbrow (высоколобый) — термин, описывающий мейнстрим-культуру среднего класса.

и Американского союза защиты гражданских свобод¹ и клеймит обывательскую культуру, не стесняясь в выражениях: «опасность», «враг у ворот», «болото».

Образованные обыватели вовсе не стремились вступать в братство идеопоклонников. Они, скорее, хотели притянуть мир возвышенных идей поближе к земле, чтоб отдать его в лапы представителей среднего класса и коммерческой посредственности. Они хотели поглотить высокий интеллект, поставить его на службу утилитарным интересам и сделать его развлечением для буржуазии. Им хотелось читать Великие Книги, чтобы производить нужное впечатление на собеседника, чтобы было чем блеснуть в разговоре. Интеллектуалам приходилось обрубать щупальца коммерческой культуры, даже если она подкрадывалась, прикрывшись репродукциями Микеланджело.

Интеллектуальные предприниматели

В почти маниакальной самоуверенности интеллектуалов тех лет есть что-то подкупающее. Верное служение миру идей — это ли не мечта? Пожалуй, книги и идеи в то время и вправду значили больше, чем сегодня. В то же время самомнение мыслителей тех лет часто было нецелесообразно. Отгородившись от деятелей реальной политики, они оторвались от действительности. Выдуманные ими заговоры и смелые заявления о текущем положении дел в ретро-

¹ Музей современного искусства (Нью-Йорк) и Американский союз защиты гражданских свобод (англ. American Civil Liberties Union, ACLU) — некоммерческая, неправительственная организация США, провозгласившая своей целью «защиту и охрану частных прав и свобод, гарантированных каждому человеку в этой стране конституцией и законами Соединенных Штатов». Деятельность организации направлена главным образом на участие в судебных процессах, законотворчество и осуществление образовательных программ.

спективе видятся весьма смутными. Так или иначе, сегодня все это уже воспринимается, как эпоха динозавров. Нынешние интеллектуалы, вместо того чтобы защищать свою самость, отрицают различия между собой и остальным миром. Основной феномен информационного века в сопряжении осязаемого с неосязаемым: продукт сознания теперь легко становится рыночным продуктом. Потому и оппозиции, которые были так важны для интеллектуалов 1950-х, в новом веке кажутся архаичными. Сегодняшний студент, мечтающий стать интеллектуалом, смотрит на мир и не видит в нем литературных критиков, чье влияние было бы сопоставимо с авторитетом Эдмунда Уилсона или Лайонела Триллинга.

Зато он/она видит десятки звезд из академической среды, которые, пересекая границы, преуспевают и в интеллектуальной сфере, и на телевидении, и в частных консалтинговых фирмах, и на страницах популярных изданий. В 1950-х такого гибридного вида просто не существовало. Юный интеллектуал сегодня равняется на таких шестизначных деятелей, как Генри Луи Гейтс — предприимчивый профессор Гарварда, а кроме того, ведущий документальных фильмов на PBS, автор журналов «Нью-Йоркер» и Talk, не говоря уже о бесчисленных конференциях, энциклопедиях и прочих проектах, для личного участия в которых необходимо активное клонирование. Среди других ориентиров Генри Киссинджер, который от изучения Меттерниха перешел к политике, после чего стал экономическим консультантом; Стэнли Фиш из университета Дьюка, который нередко берет с собой в лекционный тур консервативного оппонента; И. Джей Дион, исполняющий роль публичного интеллектуала в растущих как грибы аналитических центрах; Эстер Дайсон, низвергающая свои теории на дорогих технологических конференциях.

В 1970-х группа консервативно настроенных интеллектуалов разработала теорию «Нового класса», в которой утверждалось, что небольшая группа интеллектуалов либеральных взглядов полу-

чила несоразмерно большое влияние на американскую культуру, захватив руководящие посты в СМИ, академических и культурных институтах. Однако с массовым расширением образованного класса провести границу между американской интеллигенцией и остальными гражданами стало еще сложнее. Пропасть между интеллектуалом и обычным человеком заросла, и ландшафт заполнили псевдоученые, полуполитики, квазибогачи. Ученый из Гарварда Дэниэл Йерджин, написав несколько книг по истории нефти, не упустил возможности открыть фирму, консультирующую компании энергетического сектора (доходы Cambridge Energy Research Associates составляют более \$75 миллионов в год). Строуб Тэлботт конвертировал свои познания в области русской истории в карьеру журналиста «Тайм». Он пишет книги по истории дипломатии, публикует стихи и получил пост заместителя госсекретаря.

Экономика информационного века устроена таким образом, что одаренные люди, способные заниматься исследовательской работой, анализом, математикой, литературным трудом или любым другим видом интеллектуальной деятельности, получают невероятные возможности за пределами академической сферы. Они нужны в финансовых организациях, Силиконовой долине и в растущей как на дрожжах области экспертных оценок и комментариев к текущим событиям: в СМИ, в аналитических центрах, различных фондах, в правительстве и т.п. Работа за пределами университетов и небольших академических изданий зачастую оплачивается много лучше. Да и возможности карьерного роста не заставляют себя ждать. При этом по интенсивности интеллектуальный накал не уступает традиционным кабинетным штудиям. В общем и целом дистанция между мыслью и делом стала заметно короче.

Само значение слова «интеллектуал» изменилось за последние 50 лет, как за полвека до этого изменилось понятие джентльмен. Когда-то интеллектуал был членом небольшой группы избранных. Затем это понятие расширялось, включая в себя все больше и больше

народу. А сегодня практически утратило первоначальное значение — столь многочисленны и разнообразны претенденты на это звание. Нет больше тех утонченных интеллигентов, что жили со своими свитами в богемных пригородах Нью-Йорка, Сан-Франциско и Бостона. А есть целый класс образованных аналитиков, «формирующих общественное мнение», из-за которых старые богемные районы теперь вам не по карману, если вы не являетесь счастливым владельцем опциона и не получаете крупных авторских отчислений.

Университеты устраивают ковровые рассылки пресс-релизов, доводящих до нашего сведения, что их профессора готовы дать свои комментарии по злободневным вопросам в рамках ток-шоу на кабельных каналах. Писатели и культурологи возлюбили маскульт, и предметов научных конференций стали Мадонна, Мэрилин, Мэнсон, а то и Мэрилин Мэнсон. В 1950-х наивысшим успехом считалось попадание в поле зрения литературных критиков. Нынешний успех — это первый класс на трансатлантическом рейсе, в котором профессура порхает с конференции на симпозиум, зарабатывает мили и спорит, где самый дешевый дьюти-фри на свете. Интеллектуалы 1950-х обсуждали «За закрытыми дверями»¹, современные судачат о ставках в инвестиционных фондах.

Важность этих перемен не только в том, что за идеи стали платить неплохие деньги, а люди, их генерирующие, пользуются все более широкими возможностями. Изменилось самовосприятие интеллектуалов. Профессор Колумбийского университета Эдвард Саид критически относится к подобным тенденциям и в своей работе «Представления интеллектуала» описывает их так: «Основной угрозой интеллектуализму сегодня являются не вузы и фешенебельные пригороды и даже не ужасающая коммерциализация прессы и книгоиздания, а то отношение к собственной деятельности, которое я назову „профессионализмом“. „Профессиональный“

¹ Пьеса Жан-Поля Сартра «Huis clos» (1943).

интеллектуал воспринимает свою деятельность, как средство заработка, как службу с девяти до пяти, когда одним глазом поглядывая на часы, другим он неустанно следит за соблюдением профессионального кодекса — не раскачивать лодку, не выходить за пределы общепринятых рамок, неустанно повышать собственную ликвидность, а главное узнаваемость». Нынешние интеллектуалы рассматривают свою карьеру в том же ключе, что и предприниматели. Они ищут рыночные ниши. Конкурируют за внимание. Раньше идеи были для них оружием, сегодня они воспринимаются как собственность. Они разрабатывают маркетинговые планы повышения продаж своих книг.

Нормана Подгореца чуть живьем не съели, когда в своих воспоминаниях 1967 года он признал, что его, как и других пишущих, питали собственные амбиции. Его книга вызвала возмущение в литературных кругах и поставила многих друзей автора в неловкое положение. Сегодня амбиции на рынке идей важны как нигде. Генри Луи Гейтс, глава кафедры изучения проблем чернокожих американцев Гарвардского университета, может спокойно заявить репортеру журнала Slate: «По натуре я предприниматель. Если бы не академическая стезя, я стал бы гендиректором. Куинси Джонс — мой кумир. У меня на стене висит портрет Вернона Джордана, а под ним — Джона Хоуп Франклина»¹.

Экономика символического обмена

Удивительно, что в университетах до сих пор не открылись бизнес школы для начинающих интеллектуалов. Специалисты по

¹ Перечисляются успешные, в том числе и в материальном плане, афроамериканцы — композитор и музыкальный продюсер Куинси Джонс, юрист и гражданский активист, советник Билла Клинтона Вернон Джордан и историк, борец с сегрегацией Джон Хоуп Франклин.

маркетингу и финансам выходят из учебных заведений полностью подготовленные к работе и карьере в деловом мире. Интеллектуалы же вынуждены выходить на рынок труда на ощупь — никто не научил их окучивать фонды для получения грантов, писать аннотации к книгам коллег, у них не было семинара по маркетингу бестселлера или практических занятий по количественным методам определения когда и какая нишевая тема станет популярной и как долго продержится в топе. Сегодняшние интеллектуалы узнают о карьерных возможностях, как когда-то ученики младшей школы получали базовые знания о сексе — от плохих парней в туалете.

Если б в университетах ввели изучение интеллектуального рынка, основным пособием такого курса стали бы произведения Пьера Бурдьё. Этот французский социолог пользуется большим авторитетом среди своих коллег, но за пределами академической среды его почти не читают — виной тому его непролазный язык. Бурдьё поставил цель изучить экономику символического обмена, выявить правила и паттерны культурного и интеллектуального рынка. Его основной посыл в том, что все игроки выходят на этот рынок с различными видами капитала. Это может быть академический капитал (правильный диплом), культурный капитал (знания в определенной сфере или жанре искусства, тонкое понимание этикета), лингвистический капитал (языковые способности), политический капитал (влиятельная должность или связи) или символический капитал (престижная стипендия или премия).

Интеллектуалы работают на приумножение своего капитала, конвертируя его из одной формы в другую. Кто-то может попытаться обналичить знание на прибыльной работе; другой переведет свой символический капитал в приглашения на эксклюзивные конференции в роскошных декорациях; третий может попытаться обратить свой лингвистический капитал на подрыв репутации коллег и таким образом сделать себе имя, по крайней мере, заядлого полемиста. В конечном итоге, пишет Бурдьё, интеллектуалы борются за

монополию, дающую право возводить в сан. На олимпе каждой из сфер есть фигуры и целые институты, собственной властью наделяющие почестями и престижем своих фаворитов среди людей, предметов изучения и дискурсов. Имеющие власть святителя влияют на вкусы, диктуют определенные методологии и определяют контуры вверенной им дисциплины.

Стать святителем, патриархом — мечта каждого интеллектуала. Бурдьё рассматривает интеллектуала не в статике, но в динамике его карьеры, с чередой сменяющих друг друга воззрений, принципов и стратегий, которые применяет мыслитель в ходе конкуренции на идейном рынке. К примеру, юный интеллектуал входит в мир вооруженный одними личными убеждениями. Он быстро сталкивается с тем, что Бурдьё называет «полем», с одной стороны которого дерзкие радикальные издания, с другой — степенные и солидные журналы; скучные, но исправно платящие издатели здесь, продвинутые, но нищие издательства там. Интеллектуал оказывается между соперничающими школами и их лидерами. Сложные взаимоотношения между этими и многими другими игроками на поле станут той подвижной и полной подвохов средой, в которой интеллектуал попытается создать себе имя.

Бурдьё весьма дотошно изучает эти взаимодействия, выстраивает подробные схемы и графики различных полей французской интеллектуальной жизни с указанием уровня влияния и престижа каждого учреждения, определяет, какая институция имеет полномочия возводить в сан на каком участке поля. Юным интеллектуалам приходится разбираться, куда вкладывать свой капитал, чтобы получить максимальную «прибыль», разрабатывать карьерные стратегии — где подмазываться, а где идти по головам.

В книгах Бурдьё подробно разобран целый ряд карьерных стратегий интеллектуалов. Автор не утверждает, что это символическое поле объясняется исключительно через экономические построения. Нередко действует правило, которое он называет

«проигравший выигрывает». Громогласно заявляя о презрении к материальному успеху, можно заслужить авторитет и репутацию, легко обращаемые в прибыль. Бурдые даже не утверждает, что все рассмотренные им стратегии появились в результате осознанных расчетов. Он говорит, что у каждого интеллектуала свой *habitus*, свой характер и предрасположенности, влияющие на выбор поля и направлений.

Кроме того, интеллектуалы часто ненамеренно или неосознанно оказываются под влиянием гравитационной силы противоречий и соперничающих школ в рамках выбранного поля. В разгар баталии вакансии и гранты становятся решающим оружием. Бывает, что такая гравитация становится определяющей силой, а интеллектуалов носит по полю, как осеннюю листву.

Бурдые не стал Адамом Смитом символической экономики, и едва ли молодой интеллектуал найдет в его произведениях полезные советы для собственной карьеры — это, конечно, не пособие а-ля «Десять ступеней к Нобелевской премии». Бурдые ценен тем, что облек в письменную форму явления, которые другие интеллектуалы наблюдали, но не могли или не хотели систематизировать. В интеллектуальной сфере, как в других видах деятельности, есть место и карьеризму и альтруизму, и нынешние бобо успешно женят тягу к знаниям с желанием приобрести летний домик.

Как стать интеллектуальным гигантом

Итак, давайте посмотрим, каково живется, скажем, молодой женщине, которая недавно окончила престижный университет и мечтает стать Генри Киссинджером своего поколения. Учеба обременила ее долгами, и тем не менее она устраивается на едва оплачиваемую должность практикантки в какой-нибудь благонадежной организации типа Брукингского института. Она начнет

шерстить Nexis¹ для какого-нибудь министра торговли в отставке, который три четверти своего четырехчасового рабочего дня посвящает подготовке к круглому столу на тему «Куда движется НАТО?». Ее настроение будет меняться в диапазоне от эйфории до отчаяния. Стендаль писал: «Первой любовью молодого человека, попавшего в общество, чаще всего руководит честолюбивое устремление», — то же верно и для человека, вышедшего на интеллектуальный рынок. Ее знаменитый босс может наставить ее на путь славы и благополучия (если замолвит за нее словечко перед редактором политического отдела «Нью-Йорк таймс»), но если она ему не понравится, он может преградить ей путь в политические комментаторы, и тогда ей придется подавать документы на поступление в юридическую школу.

Практикантка будет лезть из кожи вон, чтобы заслужить одобрение босса, и, получив его, будет сиять от радости, а не получив, окунаться в бездну отчаяния. Чтобы сохранить уважение к себе, после работы она будет позволять себе небольшие восстания. Встретившись с друзьями, она станет жестоко высмеивать босса, которому она так хочет угодить. В недрах каждого фонда, мозгового треста, издательства, газеты или журнала есть молодые практиканты, метко и едко пародирующие свое начальство. Глумление над начальством для карьериста — это что-то вроде богохульства. Юная челядь интеллектуальных организаций собирается за банкетными столами на приеме в честь открытия конференции или презентации книги и, пожевывая хлявные креветки, немилосердно сплетничают о своих беззаботных хозяевах. Если бы за одним из таких

1 Nexis.com — онлайн-база данных СМИ и бизнес-информации, включающая более чем 35 000 источников. Среди ресурсов есть ведущие международные и национальные газеты, журналы, отраслевые издания. Например, International Herald Tribune, South China Morning Post, The New York Times, The Guardian, El Pais, The Economist, Frankfurter Allgemeine Zeitung, De Telegraaf, De Standaard.

столов вдруг взорвалась бомба, отчеты аналитических центров по всей Америке выходили бы с опечатками еще целый месяц.

К счастью, этот начальный период мучений и тревог обычно не затягивается. Когда наша молодая интеллектуалка пройдет эту ступень, она начнет испытывать несколько преувеличенное чувство собственной значимости, которое и станет основным источником ее самоудовольствования на всю оставшуюся жизнь. Ее первая работа на полную ставку будет называться «помощник». Но пусть вас не обманывает негромкое название должности. В большинстве интеллектуальных организаций самая сложная работа – исследование, осмысление, написание текстов – возложена на самых молодых. Таким образом, складывается двухъярусная система, где на первом уровне рабочие сцены – юные, рвущиеся вверх интеллектуалы, которые собирают и обрабатывают информацию; а на втором корифеи – признанные интеллектуалы, госчиновники, редакторы журналов, президенты университетов, главы фондов и политики, чья основная работа состоит в том, чтобы светиться на различных мероприятиях, объявлять результаты исследований, делать доклады и выдвигать предположения, подобранные и написанные для них рабочими сценами.

Корифеи ходят на собрания, мелькают в вечерних новостях, выступают на форумах по сбору средств, председательствуют на круглых столах и раздают интервью. Все, что для них делается, они выдают за свое. Когда они не позируют для фотографов из U.S. News and World Report, они говорят по телефону. Нередко их рабочий день складывается так: три часа телефонных разговоров, перерыв на обед и еще четыре часа на телефоне. По телефону они жалуются друг другу, как им не хватает времени на чтение и как они ждут выходных, чтобы полежать с книжкой. Удивительным образом их существование оказывается вывернуто наизнанку. Корифеям достается слава и контакты, рабочие сцены ведают тем, что говорится по существу.

На этой ступени карьеры юной интеллектуалке приходится писать уничижительные меморандумы и хлесткие колонки, в которых люди на сорок лет старше ее подвергаются жесткой критике за некомпетентность и малодушие. Это она дает оценку новым предложениям, компаниям, сценариям и резюме претендентов на должность преподавателя, которые попадают на стол корифею. В определенном смысле — это пик ее реальной власти. К примеру, несколько лет назад мой приятель, работая под началом одного топ-менеджера, написал для него статью в один из ведущих журналов о законопроекте, который был на рассмотрении в Конгрессе. Спустя некоторое время мой приятель вошел в команду кандидата в президенты. И когда топ-менеджер послал кандидату свою колонку, моему другу пришлось от имени политика написать похвальный отзыв на им же написанную статью.

Платой за подобные удовольствия становятся мелкие унижения, которые вынужден выносить рабочий сцены. Нашей героине приходится толкаться в сонме прихлебателей, когда ее корифей идет по коридорам (знаменитости, подобно четырехлетним младенцам, жутко боятся передвигаться в одиночку). Кроме того, корифей ходит налегке и, дабы показать свою витальность, ходит достаточно быстро. Ассистентка, кроме собственных документов, таскает документы своего корифея, и ей приходится неловко поспевать за стремительным боссом. Бывает, что корифей выходит из кабинета или садится в машину и закрывает за собой дверь. Несчастной помощнице приходится перекладывать папки из одной руки в другую, чтобы открыть дверь и напомнить корифею о своем существовании.

И все же эта ступень карьеры чрезвычайно важна, потому что именно в роли девочки на побегушках молодая интеллектуалка начинает верно оценивать вес игроков на поле. Благодаря положению ее знаменитого босса юница получает доступ к людям и институтам, которые были бы для нее закрыты, не имея она связей.

Знакомства с редакторами и прочими смотрящими еще пригодятся, когда она соберется делать карьеру публичного интеллектуала. Переломный момент наступает через несколько лет, когда ей уже 28 и приходит пора оторваться от корифея и начать выходить на сцену самостоятельно. Если она не разыграет этот непростой акт самоотлучения, то навсегда останется в помощниках. Ее способность самостоятельно мыслить станет угасать. Отвечая на обращенный лично к ней вопрос, она все чаще будет использовать местоимение «мы»: «Несколько недель назад мы опубликовали эссе на эту тему». В итоге она перестанет различать свой статус и статус своего звездного босса (самовозвеличивание — опиум для анонимного работника сцены).

Предметная ниша

Обретя свободу, интеллектуалка оказывается перед необходимостью определиться со специализацией. Специализация нужна, чтобы занять определенную нишу на рынке, и, когда редакторы ток-шоу, издатели или исследовательские институты станут искать человека, сведущего, скажем, в китайской ядерной программе, ее имя всплывало бы первым. Это непростой выбор. Молодая интеллектуалка должна будет спрогнозировать спрос — тысячи интеллектуалов вспахивали целинное поле контроля над вооружениями, пока с концом холодной войны оно не сузилось до тесной грядки. О предложении тоже нельзя забывать — если десять тысяч молодых интеллектуалов уже пишут книги по теории гражданского общества и коммунитаризму, стоит ли ей становиться в этот ряд?

Здесь нужно проявить чутье, потому что на интеллектуальной арене иногда лучше идти за большинством. Чем больше людей специализируются на гражданском обществе, тем больше кон-

ференций устраивается по вопросам гражданского общества, тем больше людей высказывается на эту тему, тем больше специалистов нужно, чтобы эти высказывания комментировать или оспаривать. Поскольку каждый участник этого сегмента читает (чуть) больше, чем пишет, каждый новый игрок повышает спрос на критику и круглые столы по данной теме. Тут действует закон Сэя¹: чем больше люди говорят, тем больше есть что сказать.

Молодому интеллектуалу надо будет оценить престижность и заметность своей рыночной ниши. Во время холодной войны найти престижную специализацию не составляло труда. Достаточно было составить график, и в наивысшей точке оказывались вопросы международной экономической политики, которая не обходится без банков. Специалист по денежным потокам между Востоком и Западом мог быть уверен, что на многочисленных конференциях двери отелей «Кемпински» с номерами по 300 долларов за ночь будут открыты для него от Будапешта до Джакарты. Соответственно чем дальше от международной политики и банков, тем ниже престиж специализации. На самом дне прозябали темы, никак не связанные с банками — соцобеспечение и проблема аборт-ов. На конференции по этим вопросам съезжались плохо выбритые люди в дурно сидящих пиджаках с заусенцами на пальцах.

Однако с концом холодной войны все переменялось. Международные отношения утратили в престижности, а значимость вопросов внутренней политики и образования возросла. Теперь эксперт по Латинской Америке годами может ждать звонка от продюсера программы Джима Лерера, зато специалист по расовым вопросам получает гранты фонда Мак-Артура чуть не каждый месяц.

Молодой интеллектуалке нужна отрасль, которая упоминалась бы в новостях. Она может выбрать федеральный бюджет,

¹ Закон Сэя — экономический закон, согласно которому спрос и предложение всегда уравниваются. Предложение порождает спрос и наоборот. Назван по имени французского экономиста Жан-Батиста Сэя (1767–1832).

потому как он обсуждается ежегодно. Но предмет этот настолько специальный, что шансы выбиться из аналитических радиопрограмм в ток-шоу на федеральных каналах совсем невелики. Она может стать экспертом по Ближнему Востоку, но представьте, что на регион нисходит мир — это будет катастрофа. Некоторые молодые интеллектуалы разрабатывают планы преобразования ООН или реструктуризации кредитов на обучение, но это, как правило, ни к чему не приводит, поскольку политические инициативы ученых мало кто воспринимает всерьез, а продвигающие их интеллектуалы, вследствие постоянных отказов, становятся слишком назойливы.

С другой стороны, есть соблазн стать экспертом в области, не сходящей с новостных полос. Есть интеллектуалы, готовые стать специалистами по вопросам, которые по-настоящему интересуют работников СМИ, по подростковой сексуальности, например. Однако стремление таких интеллектуалов к известности слишком очевидно. Это, как правило, специалисты из тех, что на обложках своих книг после имени указывают свои научные регалии. Специализироваться все-таки лучше на более престижных вопросах, и тогда дискуссия на тему подростковой сексуальности в популярной информационно-аналитической программе с вашим участием будет выглядеть как бы немного респектабельнее.

В то же время наша дебютантка должна понимать, что специализация — это инструмент, подспорье для начинающих интеллектуалов. Когда она станет известной, продюсеры и редакторы будут звонить ей без всякой специализации. Им достаточно будет ее имени. И тогда она сможет отходить от своего экспертного поля сколько угодно далеко и давать комментарии буквально по всем вопросам. Сам рынок будет стимулировать ее к этому — ее просто станут спрашивать обо всем на свете. А если она откажется отвечать под предлогом своей некомпетентности, это вызовет обиду. Ее станут воспринимать, как напыщенную ханжу.

Определившись со специализацией, молодому интеллектуалу нужно нащупать правильное поведение. Преуспеть на интеллектуальном рынке можно с идеями любого свойства: сказочно удачливые интеллектуалы есть как среди умеренных, так и среди радикалов. Поведение тоже может быть самым разнообразным — успеха добиваются как добродушные, так и рассерженные. Но если идеи не соответствуют нраву, преуспеть не получится. Нельзя быть мягким радикалом, как нельзя быть резким и сердитым, придерживаясь умеренных взглядов. Таких чудаков публика не жалует.

Основная задача радикалов уровня Ноама Хомски или Гордона Лидди состоит в том, чтобы, качуя по обшарпанным аудиториями, напоминать своим слушателям, что на самом-то деле они всю правду говорят, даже если мейнстрим-культура не уделяет им должного внимания. Радикал строит свою карьеру на предпосылке, что мир летит в тартарары, а коварная правящая элита оболванивает массы, заставляя придерживаться неверных суждений. Поэтому, чтобы преуспеть, радикал должен быть постоянно не в духе. Его аудитория ждет от него пылкости с оттенком паранойи, самых широких энциклопедических знаний (чтобы интеллектуал мог прозревать правду сквозь расставленные истеблишментом лживые сети) и готовности защищать свою непримиримую позицию.

Чтобы войти в касту героев, радикал должен демонстрировать свое презрение к моде. Это несложно — нужно всего лишь запастись коричневыми рубашками или огромными тяжеленными башмаками. Вещи, которые даже поклонники марки Brooks Brothers сочтут немодными, в среде радикальных книголюбителей и потребителей радикальной мысли в порядке вещей. Кроме того, радикалам приходится постоянно искать среди всеми почитаемых фигур новые жертвы для нападков, чтобы все видели, что их презрение к моде во

всех ее проявлениях не ослабевает, даже несмотря на сотрудничество с изданиями типа *Vanity Fair*.

По схожей причине не знающие нужды профессора вынуждены искать все более экстремальные темы — садомазохизм, гей-сообщества — для своих исследований. Художникам также приходится поднимать все более болезненные вопросы. Радикал, случайно заплывший в мейнстрим, моментально объявляется малодушным карьеристом, теряет контакт со своей аудиторией, а вместе с ним и гранты от различных фондов, и перспективы профессионального роста. Более того, радикальный интеллектуал должен не только говорить то, что нравится его сторонникам, он еще должен досаждать своим оппонентам словом или делом. Одним обхаживанием преданной аудитории крупного успеха не добьешься.

В свою очередь, если оппоненты станут поливать его грязью в ответ, то и аудитория, и покровители, и чиновники в разнообразных фондах — все как один встанут на его защиту. Он станет символом, человеком, покоровшим сердца публики, которая будет готова раскошелиться, только чтобы приобрести его книги или сходить на его лекцию. Когда его представляют, публика аплодирует стоя, потому что в их представлении сама мысль о нем священна. (После выступления нередко случаются лишь вялые аплодисменты, поскольку в интеллектуальной битве публика выше ценит бойцовские качества, чем собственно интеллект.)

Чтобы обливание грязью было достоверным, радикальные интеллектуалы должны найти себе в пару общественного деятеля на противоположном конце политического спектра — Джерри Фолуэлл и Норман Лир, гей-активисты и деятели из организации *Operation Rescue*¹. Поддерживая этот символический симбиоз, обе стороны получают возможность собирать средства и отражать атаки друг друга. Они из кожи вон лезут, чтобы разозлить своих

¹ *Operation Rescue* — американская общественная организация, которая борется против аборт и педофилии.

оппонентов — ради этого они готовы засунуть распятие в банку с мочой или спланировать какую-нибудь подобную этой акцию. В результате две недели кряду они будут обмениваться обвинениями в прямом эфире различных ток-шоу, а армии их сторонников мобилизуются и сомкнут ряды. Каждая из сторон будет претендовать на более полное презрение к моде, а если один противник отвоюет центральное место в дискуссии, другой моментально объявит себя жертвой гонений.

Итак, если радикальный интеллектual — это пылкий спорщик и вечно недовольный скептик, умеренный интеллектual должен быть вежливым, мягким и неспешным. Аудитория умеренных — это в целом довольные жизнью потребители, которых раздражают комментаторы, от которых столько шуму и дисгармонии. Умеренной публике нужен вежливый обмен мнениями, а изощренность мысли впечатляет их сильнее, нежели бесшабашные риторические выпады. Им по душе доброжелательные интеллектualы, от которых можно услышать такую, например, фразу: «Я готов солидаризироваться с замечаниями, сформулированными мистером Мойерсом в ходе его неожиданного высказывания». Умеренный интеллектual, в свою очередь, настолько уверен в собственной важности, что ему вовсе не обязательно быть интересным. Поэтому и говорит он тихо и не спеша, как будто с высокой вершины. За это его почтируют глубоким мыслителем, пусть даже никто не вспомнит ни единой высказанной им мысли.

Выход на рынок

Если вы решили, что интеллектual сначала выбирает специализацию и оттачивает манеры, а уже потом выходит на рынок мыслящей публики, то представление это ошибочно. Производство и маркетинг в данном случае развиваются параллельно, и процессы

эти взаимозависимы. Нашей молодой интеллектуалке уже слегка за тридцать, но она по-прежнему большую часть времени проводит за рабочим столом. Чтобы попасть на ТВ или влиться в обойму лекторов, ей нужно побольше печататься, чтобы ее заметили и запомнили. Вначале ей кажется, что, если ей удастся опубликовать один по-настоящему заметный материал в авторитетном издании, — карьерный рост ей обеспечен. Но она ошибается. Когда одним прекрасным утром в продаже появится какой-нибудь Harper's с ее первым большим эссе, ей будет казаться, что мир переменялся. Но люди вокруг ничего такого не заметят и будут жить себе, как прежде, и относиться к ней так же, как вчера. Многие даже не обратят на статью внимания — а ведь она отдала ей несколько недель жизни, — а кто прочел, воспримут ее, как очередную блестку в бесконечном потоке медиаконфетти.

Тем не менее печататься надо. «Нью-Йорк таймс», Wall Street Journal, L.A. Times и другие газеты и журналы получают сотни тысяч материалов ежегодно, а регулярные публикации в этих изданиях — это способ напомнить миру и другим интеллектуалам о своем существовании. Итак, в течение первых нескольких часов после громкого события, типа оглашения судебного решения по вопросу гомосексуальных браков, наша интеллектуалка звонит правильному замредактору правильного отдела и сообщает, что телевизионные умники как обычно все переврали. Редакторы печатных изданий любят, когда им так говорят, это придает им уверенности, что Джеральдо Ривера и прочие телегерои не заберут остатки их хлеба.

Между прочим, она упомянет, что дружна с издателем (редактор, конечно, усомниться, но чем черт не шутит). Помятуя о том, что сам себя не похвалишь, она убедит редактора, что «этот материал выведет дискуссию на новый уровень». Она расскажет, как вплетет в повествование ссылку на какую-нибудь историю из поп-культуры, сравнив Верховный суд с героем недавнего лидера кинопроката. Редакторам нравится такая интеграция с другими

ветвями масс-медиа, во-первых, потому, что это может стать темой для иллюстрации к материалу, во-вторых, в их среде популярно заблуждение, что ссылки на поп-культуру резко повышают индекс читаемости. Кроме того, это как раз тот жуткий замес высокого и низкого, к которому интеллектуалы из бобо с удовольствием прибегают, чтобы доказать всем, что они совсем не скучные и не зазнайки.

Редактор дает предварительную отмашку, время пошло: молодая интеллектуалка должна написать материал за четыре часа, то есть растечься мыслью по древу, как в ежемесячном глянце не получится. Тем не менее материал должен быть выстроен подобно Шартрскому собору. Слог должен быть крепким и основательным, но восприниматься легко, как готические кружева. Первые два параграфа — это фасад, блистательный и всеохватный. Следующие несколько — подход к главному алтарю, прямой путь к предсказуемому апогею, по ходу которого можно взглянуть и на замечательные боковые капеллы. В итоге последний абзац должен напоминать выход в трансепту, когда свет заливает вас со всех сторон. Кроме того, по наущению журналиста Майкла Кинсли, следует избегать точек с запятой, поскольку они могут восприниматься, как проявление манерности. Статью неплохо бы с умеренностью пересыпать автобиографическими данными, чтобы читатель захотел ознакомиться с абзацем «Об авторе». Если в статье упомянута знаменитость — например, какой-нибудь недавно почивший политик — автору необходимо вставить какую-нибудь незначительную подробность их последней встречи или чувства, которые она испытала, узнав о кончине.

Но чтобы привлечь максимум внимания, статья должна быть слегка абсурдной. Логически выстроенные статьи читают, понимают и забывают. А вот противоречивые или абсурдные эссе заставляют десятки других авторов возмутиться и написать ответ, тем самым десятикратно усиливая общественный резонанс. У профессора Йельского университета Пола Кеннеди за плечами была

отменная, но далеко не звездная карьера, когда он написал книгу «Становление и крах великих держав», где предрекал Америке упадок. Он был неправ, в чем его поспешили уверить сотни комментаторов, чем прославили автора и сделали его книгу бестселлером. Фрэнсис Фукуяма написал эссе «Конец истории», и тем, кто прочитал только название, тоже казалось, что автор поторопился. Тысячи оппонентов написали ответные тексты, где утверждалось, что история продолжается, а Фукуяма стал мировой знаменитостью.

Когда статью напечатают, молодой интеллектуалке надо будет известить редактора о мощном эффекте, который оказал материал на Белый дом/Федеральный резерв/киноиндустрию или на что он был должен там повлиять. Если у нее хорошие связи с другими интеллектуалами, ее станут понемногу хвалить. Похвала, высокая оценка — валюта мыслящего класса. Как в пятидесятые интеллектуалы беспрестанно насылали друг на друга проклятья, так сегодняшние только и делают, что занимаются взаимным восхвалением. Поскольку добрым словом, которое, в сущности, ничего не стоит, можно завоевать расположение, похвалы раздаются направо и налево, что ведет к инфляции добрых слов. Ценность каждой единицы лести снижается, и скоро, чтобы высказать свое одобрение, интеллектуалам придется волочь целую телегу похвалы.

Чтобы получить сколько-нибудь точные данные относительно положительной оценки ее статьи, молодой интеллектуалке понадобится применить дефляционную формулу похвалы. «Статья мне понравилась» означает: «видел, но не читал». «Замечательная статья» — «начал и прочел до половины, но не помню, о чем». «Потрясающий материал» — «дочитал до конца». И только наивысшая форма читательской похвалы: «Материал просто выдающийся; ты изложила мои давние мысли», — может убедить автора в ее искренности.

Если повезет, нашей интеллектуалке предложат вести колонку. Это может показаться желанной вершиной, однако богат-

ство и славу из своих колонок выжимают от силы дюжина авторов, остальные тысячи прозябают в добровольном рабстве, обреченные, подобно цирковым львам, раз в неделю выходить на сцену и развлекать почтенную публику. Те же, кто преуспел в этом деле, обладают превосходным знанием одного предмета: собственных суждений. Это не так просто, как кажется, поскольку мнения большинства людей остаются для них самих загадкой, пока кто-то не облечет их в слова. А вот колумнист, прочитав за 20 минут статью о нейрохирургии мозга, сможет выступить на конференции по нейрохирургии с лекцией, в которой обозначит основные проблемы профессии.

Следующий шаг для обделенного таким даром интеллектуала — это написать книгу. Помимо первоочередного литературного вопроса — кто ее будет рекламировать, — нашей новоиспеченной писательнице следует озаботиться тремя важными аспектами: издательство, название и фраза, которая врежется читателю в память. Писательскую карьеру несложно проследить по издательствам. Ее первую столь трудоемкую книгу напечатает издательство Чикагского университета. Следующую серьезную работу выпустит W.W. Norton. Ее глубокомысленной и авторитетной книгой займется Simon & Schuster или Knopf, а в финале блестящей карьеры Random House выпустит миллионный тираж ее мегапопулярных мемуаров.

Первая книжка будет начинаться со слова «Конец...». Подобное кликушество оказывает важный эффект драматической безвозвратности: немногие вспомнят книгу «Хромающая идеология», зато на «Конец идеологии» будут ссылаться и десятилетия спустя, даже если ее содержание будет полностью забыто. Главная сложность состоит в том, чтобы найти что-то, что еще не кончилось. Историю, равноправие, расизм, трагедию и политику уже разобрали, а все остальное загнулось в книжках, названия которых начинаются со слова «Смерть...». «Конец садоводства»? Нет, так бестселлеры не называются.

Если стратегия «конца» не подойдет, наша писательница может применить подход, впервые примененный Леоном Урисом в серии суперпопулярных романов, а затем Томасом Кэхилом в сфере публицистики. Подход этот можно условно обозначить как этнический подхалимаж и применить на практике, назвав книгу примерно «Ирландцы — замечательные, а англичане так себе», после чего выпустить продолжение под заголовком «Великие евреи». Демографических групп, готовых платить за подобное лизоблюдство, писательнице хватит на много лет — «Умные покупают книги» — и где New York Review of Books найдет критика, готового это опровергнуть?

Один мудрый человек когда-то провозгласил, что главная сила писателя в том, что он может выбрать из тех, кто его присвоит. Выбирая тему для своей первой книги, писатель выбирает аудиторию, перед которой ему, возможно, придется лебезить до конца дней. Однако прежде чем начать карьеру с исследования «Тайные тревоги кошек», писателю нужно помнить о письмах читателей-кошатников и трезво оценивать степень своей отстраненности.

Когда наша интеллектуалка отправиться в турне по продвижению книги, ей понадобится меткая фирменная фраза, на которую ведущие ток-шоу смогут отреагировать за секунду до перерыва на рекламу, и использовать для возобновления разговора. Для образованной публики такой фразой может стать в меру изощренный парадокс, желательна в фарватере увлечения бобо примирением противоположностей. Исходя из этого, писатель может сказать, что ее книга — это довод в пользу устойчивого развития, кооперативного индивидуализма, социально-ориентированного рынка, свободного управления, сострадательного консерватизма, практического идеализма или гибкой преданности. Наиболее успешный из оксюморонов «Простое изобилие» Сара Бэн Бретнах использовала для своего бестселлера, «Сложная нищета» уже вряд ли сработает.

Если фраза не придумается, а телезнаменитостью наша писательница еще не стала, ей, возможно, придется обнажиться. Это, конечно, не означает, что ей придется буквально снять с себя одежду (хотя именно это предприняла Элизабет Вуртцель, и не только она). Скорее, подобно кинозвезде, в период карьерного застоя бесстыдно позирующей для *Vanity Fair*, писательница может заняться литературным эксгибиционизмом ради привлечения внимания. Она поведает благодарным зрителям секреты своего оргазма, а лучше даже сексуальные предпочтения своего хищного отчима. Если ей когда-то посчастливилось работать в Голливуде или на Уолл-стрит, оно раскроет самые деликатные секреты своего наставника, который когда-то вывел ее в люди, компании, которая поставила его на ноги, а в крайнем случае и супруга, который ее любил.

Конференции

Некоторые журналисты высказываются в том смысле, что писать книгу сегодня нет никакого смысла: аудитория журнальной статьи в разы больше, а усилий она требует на порядок меньше. Однако, помимо странного удовольствия, которое некоторые получают от серьезного изучения предмета, а не скоростного поиска наиболее эффектных фактов, написание и последующая публикация книги делает автора пригодным для президиума. Интеллектуал в середине своего карьерного пути должен участвовать как минимум в трех круглых столах в месяц, потому что в финале побеждает тот, кто чаще других сидит в президиуме.

Это вполне реализуемая задача — в наш информационный век разного рода конференции стали повседневным событием. Сложно представить, как за столом с ровно расставленными минералками Эндрю Карнеги с Джоном Рокфеллером обсуждают «Будущее корпоративной ответственности», а модерировает дискус-

сию Марк Твен, но нынче все мы интеллектуалы, а интеллектуалам положено заседать. Сегодня даже выставка-продажа напольных покрытий по внешним признакам почти неотличима от академического мероприятия Ассоциации по изучению современного языка (тогда как конференции АИС все больше походят на выставки-продажи). Просторные гостиничные залы делятся на микроскопические помещения для семинаров, в холлах расставлены столы с электрическими кофейниками, фруктами и выпечкой, чтобы вокруг них участники конференций собирались во время кофе-брейка. И повсюду слышен гул выступлений на самые разнообразные темы — от гладкой мускулатуры лодыжки до застолий в романах Генри Джеймса.

Каким бы задачам ни служили конференции (а они, безусловно, укрепляют взаимопонимание между специалистами в различных областях, предоставляют исследовательским организациям возможность подмаслить своих спонсоров и дают возможность рассеянными интеллектуалам съездить в Орlando или Сан-Франсиско без семьи), их основное назначение — предоставлять площадку для биржи статусов. По количеству лести и внимания, уделяемого участнице конференции, она вычисляет собственный биржевой курс по отношению к другим участникам рынка. Впечатляющее выступление или прицельное дружеское общение может существенно поднять ее курс, что впоследствии должно вылиться в предложение интересной должности, приглашения к сотрудничеству и другого рода возможности.

Первая задача на конференции — это попасть в президиум. Если наша интеллектуалка в середине карьерного пути не состоит в президиуме конференции, то ей, наверное, и вовсе не стоит в ней участвовать: простые участники — это плебс, которому быстро дают понять, что патриции на конференциях общаются только друг с другом. Во-вторых, она должна быть наименее известной в президиуме — лучше покупать самую дешевую недвижимость в дорогом

районе, чем самую дорогую в дешевом. Кроме того, на фоне пожилых знаменитостей она заблестит еще ярче. Большой частью они проматывают нажитый когда-то интеллектуальный капитал, поэтому к выступлениям они, скорей всего, не слишком готовились. В начале своего выступления она постарается подсчитать присутствующих и сравнить его с количеством слушателей других ораторов. Затем постарается овладеть вниманием участников симпозиума. Организатор, который, как правило, назначает себя модератором, чтобы всеобщим вниманием окупить свои усилия, будет превозносить заслуги каждого из ораторов, и в блеске их славы его способность привлекать крупные имена будет отсвечивать еще ярче.

Пафосное представление публике, возможно, станет для нее самым приятным моментом конференции, и радость эту может омрачить только слишком долгое вступление модератора. Однажды мне пришлось участвовать в конференции, модератор которой был столь многоречив, что один из участников взялся составлять линейный график, где каждое из его вступительных слов сравнивалось с хронометражем сериала «Берлин, Александерплац». Успешный оратор начинает выступление с проверенного анекдота. На конференции экономистов можно начать с этого: «Вложи миллиард туда, миллиард сюда, так потихоньку и деньги начнешь зарабатывать», или вот этого: «Для чего Бог создал экономистов? Чтобы на их фоне хорошо выглядели синоптики» или про экономиста, который ищет потерянные ключи под фонарем, потому что там светлее. По крайней мере, один из ораторов обязательно упомянет Йоги Берру¹, и все присутствующие захихикают, чтобы показать, какие они естественные и непретенциозные.

Оратор должен правильно оценить, насколько скучным может быть его выступление. Самые значительные члены прези-

¹ Йоги Берра (Yogi Berra) — американский бейсболист, «величайший кетчер в истории», автор многочисленных афоризмов и метких словечек.

диума могут позволить себе по-настоящему скучные выступления, поскольку каждое их слово ценится на вес золота. Высокие правительственные чины, президенты университетов и главы корпораций говорят на высоком межведомственном арго, вокабуляр которого настолько дремуч, а смысл так туманен, что у слушателей не закрывается рот и слезятся глаза. Однако восходящий интеллектual не может позволить себе неспешность стареющих альфа-самцов. Нет ничего более отталкивающего, чем молодой интеллектual, решивший, что он заслужил право быть занудой, не имея еще ни высокого звания, ни ответственной должности. Тем, кто еще не стал лауреатом ведущих премий и не занял влиятельный пост, фразы типа «Я хотел бы высказать предположение...» или «Исходя из вышеизложенного...» употреблять не положено. Из каждого выступления или презентации слушатель, как правило, запоминает один пункт, поэтому толковый оратор постарается, чтобы его тезис навел в аудитории шороху.

Наивернейший способ вызвать подобный резонанс — это мрачные прогнозы на будущее. Но делать это нужно аккуратно, соблюдая приличия, ведь чистая футурология почитается шарлатанством. Благопристойным методом предвиденья считается неизбежный исторический детерминизм, подразумевающий, что само течение истории ведет к неминуемым драматическим переменам: компьютерная эра на исходе, вот-вот начнется эпоха возрождения социализма, рост евангелических приходов самым неожиданным образом отразится на работе сектора финансовых услуг. Второй приемлемый метод прогнозирования — это беспорядочный исторический параллелизм. Для этого нужно подметить, что текущий исторический момент весьма схож с важным периодом в прошлом и сегодняшняя атмосфера, например, напоминает политический климат 1929 года накануне депрессии. На это другой член президиума ответит, что ситуация 1848 года куда больше подходит для сравнения, а третий ко всеобщему удивлению заявит, что самая явная

параллель видится ему между нами и Священной Римской империей 898 года.

Цель подобных хронологических упражнений — спровоцировать вопросы во время обсуждения. Для восходящего интеллектуала нет ничего горше, чем молча сидеть и наблюдать, как все вопросы достаются другим докладчикам. Это явный знак падения акций. А вот если докладчику удастся выдвинуть неоднозначную и противоречивую теорию, это, по крайней мере, вызовет несколько ярких контраргументов. Чтобы обезопасить себя от упреков в абсурдности, докладчик может подчеркнуть, что его теория находится в процессе разработки и тестирования, впрочем, подобные экивоки редко воспринимаются всерьез. Действенная же тактика защиты подразумевает обильное цитирование коллег по президиуму. Трех цитат из работ каждого вполне достаточно, чтобы неопровержимо засвидетельствовать свое глубочайшее почтение.

Под конец заседания все присутствующие уже будут на низком старте, готовые рвануть к кофейным столикам, где, собственно, и происходит социальная активность — главное назначение конференции. В любой рассылке профессиональной или академической организации вы найдете нелепые черно-белые снимки, на которых три-четыре человека стоят счастливым полукругом, сжимая в руках бокалы с вином или чашки с кофе. Это застигнутые за социализацией интеллектуалы. Они наслаждаются времяпрепровождением, в котором, столь характерно для бобо, совмещаются работа и игра.

Люди на фотографии весело улыбаются, отчасти потому, что знают, что их снимают (лозунг наших дней «Каждый — знаменитость!»), отчасти потому, что присутствие сравнимых с ними по статусу людей доставляет им истинное удовольствие. Когда в разгаре неофициальной части три-четыре патриция собираются у одного столика, они прямо излучают счастье — так ценят компанию друг друга — и готовы подолгу смеяться, даже когда ничего забавного никто и не сказал.

Если участник конференции проходит по холлу и, сдержанно раскланиваясь направо и налево, зовет всех по имени, дарит каждого пятью секундами своего благорасположения, даже не думая остановиться и уделить кому-нибудь чуть более пристальное внимание, можно с уверенностью сказать, что это либо интеллектуал-суперзвезда, либо один из руководителей Фонда Форда. Напротив, малознакомый человек, который, вступая в разговор, не удосуживается даже представиться, полагая, что его и так все знают, ставит свой статус под удар. Того, кто перебивает собеседника, чтобы откланяться и пойти искать компанию попрестижнее, назовут мудаком, если же кто-то сам прервется на полуслове, чтобы поговорить с признанной величиной, это сочтут милой непосредственностью.

Кто раздает собственные статьи во время неофициальной части, рискует обвалить свой курс до нуля; человек, который решил, что первую поправку придумали специально ради того, чтоб он мог рассказывать всем и каждому о своей давней дружбе с Бобби Кеннеди, тоже ходит по опасной грани. В практически безвыходное положение попадает человек, который оказался вне группы и никак не может убедить беседующих сделать шаг назад и пустить его в круг. Участники группы видят его неприкаянность и объясняют ее недостатком статусных мощностей, не позволяющим ему подсознательно заставить товарищей расступиться. Наша восходящая интеллектуалка быстро научится адекватно оценивать свои акции по тому, кто останавливается и обращает на нее внимание, сколько времени с ней проводит собеседник, смотрит ли он на нее во время разговора, и сколько основных светочей, профланировав мимо, заметили ее существование. Здесь необходимо незаметно считывать сигналы, делая вид, что больше всего на данный момент вас заботит как бы половчее ухватить с подноса проходящего мимо официанта канапе с цыпленком, окунуть его в горчичный соус и отправить в рот, не пролив из бокала и не испачкав подбородка.

Книги и конференции — это хорошо, однако если вас не показывают по телевизору, значит, жизнь прошла стороной. Времена, когда автор литературного шедевра типа «Войны и мира» или «Бытие и ничто» автоматически становился интеллектуальным гигантом, давно миновали. Сегодня нужно уметь продать свои мысли ведущим популярных ток-шоу типа Барбары Уолтерс или Кэти Курик. Чем выше статус сегодняшнего интеллектуала, тем шире его аудитория и круг посещаемых им мест. Поэтому карьера, начавшаяся с крохотного семинара с бородатыми философами, если все пойдет хорошо, приведет вас на Tonight Show.

Чтобы достичь такого уровня, для начала нашей интеллектуалке понадобится привлечь внимание телепродюсеров. Эти деятели, пребывая между тщеславными и темпераментными ведущими и вздорными пенсионерами, составляющими большинство их аудитории, постоянно ищут кого-то, кто облегчил бы их участь. Восходящая звездочка интеллектуального труда встает рано поутру, формулирует ключевые идеи, после чего звонит на MSNBC сообщить, что она готова поучаствовать в передаче (лучше всего в августе, когда гостей большой дефицит). Если продюсеров заинтересует ее кандидатура, у нее возьмут предварительное интервью по телефону, во время которого она может донести свои драгоценные мысли как можно более глубоким грудным голосом.

Затем продюсер по гостям перезвонит и сообщит, что: «Мы решили, что разговор пойдет в другом направлении, так что ваши услуги нам не понадобятся». Это значит, что они нашли более знаменитого комментатора, и теперь он скажет то же самое вместо вас. Или же, наоборот, пригласит на передачу, и, чтобы появиться в ток-шоу кабельного канала, которое она сама не стала бы смотреть под страхом смерти, ей придется ехать в Форт-Ли, что в Нью-Джерси. Ее встретят на входе и поместят в крохотную артистическую, где

по телевизору, показывающему только этот канал, идет нескончаемая реклама зубной пасты. Потом придет продюсер и проведет настолько подробный инструктаж, что в нем уместятся два взаимоисключающих напутствия: «Не бойтесь перебивать ведущего, нам нравится, когда гости жестко отстаивают свою позицию» и «Это приличная передача, а не какое-нибудь „Шоу Маклафлина“».

Потом придет молодая женщина и отведет ее в примерку, где наша интеллектуалка будет болтать без умолку, чтобы показать себе и другим, что, оказавшись на телевидении, она вовсе даже не нервничает. Когда она вернется в артистическую, на экране уже будет автор книги о сталинских лагерях, лидер религиозной секты и астроном, который вышел в эфир, чтобы успокоить публику относительно возможного падения астероида на Землю, но под тяжестью прямых вопросов сам уже начал впадать в панику. Кабельные каналы меняют экспертов целыми группами, как пятерки в хоккейном матче, ведь певцы идей — самый дешевый способ заполнить эфирное время. Нашей интеллектуалке остается надеяться, что ее предшественник почистил уши, поскольку индивидуальных гарнитур на каналах на всех не хватает.

Ее приведут в тесную студию и усадят в кресло на фоне потрепанной панорамы Нью-Йорка. Оператор, как рабочий человек, презирующий всех, кто разглагольствует по телевизору, развернет на нее свою камеру, и в течение нескольких минут ей придется совращать квадратик черного стекла, за которым прячется линза. Настроив, наконец, глазки, она успешно превратится в карикатуру на самое себя, что и является ключом к успеху на телевидении. Если она блондинка, то на экране она станет крашеной блондинкой; если она поддерживает какую-то идею, то станет ее непримиримым поборником; если она вдумчива, то в своей речи употребит весь арсенал безумного профессора из фильмов братьев Маркс. А поскольку телевидение — это визуальные медиа, ей придется придумать для себя характерную запоминающуюся деталь вроде белого

костюма Тома Вульфа, жилетки Роберта Новака или длинных ног Энн Колтер.

Ирония и сарказм на телевидении не работают, поэтому полезней всего нашей интеллектуалке будет притвориться, что ей еще никогда не было так хорошо. Пока ведущий задает свой вопрос, она будет сиять улыбкой. Отвечая на вопрос, она тоже будет улыбаться и завершит его еще более обаятельной трехсекундной улыбкой, которая покорит уже всех и каждого. Телевидение — это средство не убеждения, но привлечения внимания. Даже те, кто запомнят, что видели ее в передаче, не смогут повторить ни слова из того, что она сказала. Поэтому содержание не принципиально, а важно много жестикулировать — что вызывает визуальный интерес — и говорить тоном человека, только что выпившего три эспрессо.

Перед началом передачи ведущий уже ознакомился с ключевыми идеями гостя, и не побрезгует воспользоваться ими в эфире. Если она собиралась сказать, что Америка переживает беспрецедентное ослабление общинных связей, сравнимое лишь с началом индустриального века, то первый вопрос будет такой: «Сегодня Америка переживает беспрецедентное ослабление общинных связей, сравнимое лишь с началом индустриального века. Согласны ли вы с этим утверждением?» Ее попыткам развить свою же мысль помешает ощущение полной отстраненности, которое многие испытывают в первые несколько секунд телеэфира. Мозг поднимается к потолку и взирает оттуда на тело, которое судорожно пытается придумать какой-то ответ. Мозг игриво напоминает, что одно-единственное «бля» или даже «блин» в эфире означает крах карьеры и профессиональное аутодафе.

И тем не менее именно телевидение делает волшебный мир шоу-бизнеса доступным для нашей интеллектуалки. Телевидение предоставляет самым везучим полную палитру удовольствий от интеллектуальной деятельности — адреналин, известность, влияние — без каких-либо серьезных усилий с их стороны. После десяти

эфиров в Nightline или Charlie Rose ее уже станут останавливать в аэропортах и узнавать в ресторанах, что будет доставлять ей удовольствие, никогда не испытанное ни Лайонелом Триллингом, ни Ирвингом Хоу.

Конвергенция успешных

В домеритократическую эру социальная жизнь человека определялась главным образом его общественным (и даже физическим или географическим) положением. Люди общались с соседями, приятелями с работы, со знакомыми по приходу или по кантри-клубу. Однако для многих членов образованного класса социальная жизнь определяется достижениями. Приглашения на разного рода мероприятия приходят как лично, так и по должности, поэтому чем выше вы заберетесь по профессиональной лестнице, тем больше вы будете получать приглашений на ужины, приемы и прочие сборища. Это при том, что за всю историю Америки не было ни одного случая, чтобы человек, добившись успеха, стал более приятным в общении.

На самом олимпе интеллектуальной жизни давно утвердились полупрофессиональные полуобщественные институты: Ренессанс уик-энды, конференции Джексон Хоул, лекции TED и Колорадская конференция по международным делам. Там собираются люди, зачастую вообще незнакомые друг с другом. Единственное, что их объединяет, — это успех. Эти встречи — сегодняшний Версаль для меритократов, избранные общества образованной аристократии, где они меряются гонорарами за лекции. Только вместо лорда Такого-то, мило беседующего с графом Сяким-то, на этих встречах Михаил Горбачев совещается в углу с Тедом Тернером, Эли Визель наставляет Ричарда Дрейфуса, а Джордж Стайнер наслаждается беседой с Нэнси Кассебаум Бейкер.

Во главе этих организаций стоят новые святители социального престижа — руководители фондов. Координаторы программ подобны хозяйкам парижских салонов, чье величие состоит в способности распознать успех. Если наша интеллектуалка преуспела в статьях, книгах, конференциях и телепередачах, то в один прекрасный момент она получит приглашение на один из престижных курортов. Ее также станут приглашать на советы директоров различных ассоциаций, университетов и корпораций (которые нынче любят пригласить к себе мыслителя другого, просто умных разговоров ради). Если ее сочтут достойной избранного круга, полетят приглашения на закрытые конференции, где обсуждаются судьбы следующего тысячелетия. И можно будет стать членом Совета по международным отношениям или Бильдербергского клуба и поучаствовать в конференциях в поместье Дитчлей Парк, что в Оксфордшире. Потом пойдут рабочие группы, президентские комиссии и специальные исследовательские команды. Ее первый выезд на подобное мероприятие можно сравнить с первым балом Наташи Ростовской. Она будет долго рассматривать список приглашенных, где ее имя будет в непосредственной близости от власть имущих и знаменитых.

Таким образом, успешный интеллектуал поднимается над своей средой и попадает в социальный слой, где все купаются в золотом свете достижений друг друга. Нашу интеллектуалку станут приглашать на ужины, где перемешиваются сливки самых разных элит: финансовой, модной, голливудской, политической. Проведя всю жизнь с теоретиками, она наконец познакомится с людьми, которые не стыдятся своей тяги к удовольствиям и одеваются так, чтобы плечи были широкими, а талия узкой. «И почему всю жизнь я пренебрегала удовольствиями?» — спросит себя интеллектуалка и откроет для себя новые радости общения с людьми, которые по-настоящему следят за своим внешним видом, чей сливочный цвет лица говорит о диетах и соусах с нулевым содержанием жира. И все такие милые!

Коллеги интеллектуалы уже успели как следует намозолить ей глаза, тем большее впечатление будут производить на нее корифеи в других областях. Финансовые воротилы покажутся энергичными и цельными. Режиссеры на удивление обаятельны. Политики рассказывают потрясающие истории. И у нее, оказывается, с ними так много общего. Когда-то интеллектуалы считали бизнесменов безграмотными барыгами, а кинозвезд — чирлидершами, вознесенными на Олимп, однако с победой образованного класса к нашей интеллектуалке пришло убеждение, что со всеми этими людьми ее так или иначе что-то связывает. Она ходила в тот же колледж, что и кинозвезда, выросла в том же квартале Верхнего Вест-Сайда, что и знаменитый ученый, и вышла замуж за кузена финансиста. Со многими из своих новых приятелей она уже встречалась в примерках различных телеканалов.

И тут наша героиня понимает, что какими бы дорогами они не шли, занимаются они одним делом — создают свою репутацию. Поэтому у всех примерно один уровень культурной грамотности («Тони Моррисон недавно высказал важную мысль в передаче Чарли Роуза...»). При знакомстве, пожимая руку, они отлично умеют дать понять, что слышали о вас («Ну, конечно! Как же, как же...»). Каждый из них отлично усвоил искусство притворной скромности («Несколько лет назад я вносил это предложение, но тогда никто не обратил на меня внимания»). А еще все они знают текущий курс доллара.

Со временем наша интеллектуалка обнаружит, что может даже блеснуть в такой компании. Среди ее новых друзей найдутся люди, готовые всерьез воспринимать цитаты из Токвиля, и вот она уже начинает приправлять речь дозированными афоризмами: к ужину хорошо пойдут один Токвиль, один Клаузевиц, один Публий и один Сантаяна. Познав радости изящной мысли, наша интеллектуалка вскоре призовет отказаться от искусственного разделения на левых и правых. Пора переступить через отжившие свое катего-

рии либерализма и консерватизма. «Ярлыки потеряли свое значение», — сорвется однажды с ее уст. Ее речь примет увещательную тональность, известную по набившим оскомину выступлениями Глубоко Озабоченных общественной апатией, упадком нравов, катастрофическим снижением уровня образования.

Медленно, но верно наша интеллектуалка воспримет образ мысли, манеры и этику господствующего класса. Она обнаружит, что на самом верху образованного класс старые разграничения уже сглажены. Бизнесмены перетасовываются с интеллектуалами, и обнаруживается, что в их стратегиях много общего, как и во вкусах, и в мировоззрении. Тем не менее такое слияние парадоксальным образом породило очередную точку напряженности. Это, конечно, не культурная бездна, разделявшая когда-то интеллектуалов и служащих корпораций. Это, скорее, социальный конфликт, завязанный на неизбежной проблеме — деньгах.

Статусно-доходный дисбаланс

В 1950-е, когда интеллектуалы общались главным образом с себе подобными, их средний доход не доставлял им особых мучений — богатые были далеко. В те года будущий управляющий инвестиционного фонда, закончив частную школу Андовер, поступал в Принстон, тогда как журналист, выпустившись из Централ Хай, шел в Ратгеровский университет. Но сегодня в Андовере и Принстоне учатся и будущие финансисты, и будущие писатели. Выпускник Гарварда, работая в аналитическом центре, получает 85 000 долларов, тогда как ноль без палочки, с которым он и на физкультуре не заговорил бы, устроился трейдером долгосрочных облигаций или телепродюсером и зарабатывает 34 миллиона. Грязнуля и неудачник, которого вытурили из Гарварда, нажил в Силиконовой долине 2,4 миллиарда. Довольно скоро успешный интеллектуал начинает

замечать, что, несмотря на достигнутое социальное равенство с толстосумами, в финансовом плане ему до них по-прежнему далеко.

Представим, к примеру, как наша светская интеллектуалка, уже совсем взрослая, с положением, приходит в отель Drake на ужин Общества сохранения исторического облика Чикаго. Весь вечер она рассказывает истории о Теде Коппеле (акцентируя свое недавнее выступление в передаче Nightline) и Билле Бредли (вспоминая, как в августе они вместе оказались на конференции института Аспена). Врачи, адвокаты и банкиры за ее столом внимают с большим воодушевлением. Послу ужина они перемещаются в бар, выпить martinis по семь долларов, где к ним присоединяются консультант из Deloitte & Touche и его жена — совладелец Winston & Strawn — пара аж с двумя &. В баре она расходится еще пуще и выдает благодарной аудитории секреты издательских домов и журнальные сплетни. Чувствуя себя на коне, она решает взять на себя счет за напитки, и платит своей кредиткой, хотя каждый из присутствующих мог списать это на представительские расходы. Когда же вся компания выкатывается на улицу, ощущение триумфа настолько переполняет ее, что, позабыв обо всем на свете, она возьми да ляпни: «Я еду на юг, может, подвезти кого-нибудь?»

Следует неловкая пауза. Пара с двумя &: «Нам вообще-то на север в район Виннетка». Врач тоже живет на севере, по дороге к Лэйк-Форест. И тут все вдруг распадается как карточный домик. Она-то знает, что за люди живут на северном побережье Чикаго. На многие мили раскинулись богатые районы, и дома там, будь они в стиле псевдотюдор с фахверком, английское барокко или школа прерий, стоят миллионы и поддерживаются в безупречном состоянии.

На северном побережье нет поросших бурьяном пустырей. Каждый дом окружен идеальным газоном и мастерски обустроенным ландшафтом, живые изгороди пострижены с таким тщанием, что кажутся высеченными из зеленого мрамора. Даже гараж в таком

доме с иголки — детские коляски и игрушечные машинки на педальном ходу стоят в ряд, полы вымыты, полный порядок. Каждые семь лет в таких домах подобно цикадам заводятся ремонтные рабочие и меняют обшивку ротонды с вишни на дуб или обратно. С того момента, как обитатель такого дома просыпается по утрам и ступает на подогретый пол ванной комнаты, и до последних минут вечера, когда он нажимает кнопку дистанционного управления, чтобы выключить газовый камин, все вокруг напоминает ему, что жизнь прекрасна, Америка — самая справедливая страна, и все в его жизни под полным контролем.

А вот нашей интеллектуалке придется ехать к университетскому городку в Гайд-парке, мимо неблагополучных спальных районов, и когда на подъезде к своему кварталу она встанет на светофоре, то взору ее предстанет желтый офис конторы по обналичиванию чеков и лавка, торгующая карточками дешевой телефонной связи со странами Латинской Америки. Дом, который казался ей таким прогрессом по сравнению со студенческим обиталищем, выстроен из старого темного кирпича, приземист и неуклюж. Чахлая грядка перед входом вместо газона, железные решетки на окнах, проржавевшая калитка.

Она проходит по отделанному осколками мрамора парадному, вдыхая едва уловимые, но неистребимые запахи, и поднимается на один пролет в свою квартиру. Если врачи и адвокаты Виннетки заходят в роскошные холлы, наша интеллектуалка оказывается в более чем скромной прихожей с выставленной по стеночкам обувью. В гостиной ее встречает заваленный посудой обеденный стол. И тут ей становится совсем грустно.

То, что она переживает, называется статусно-денежный дисбаланс. Этому расстройству подвержены люди, профессия которых дает им высокий социальный статус, за которым не поспевает уровень дохода. Трагедия больных СДД в том, что они проводят дни во славе, а ночи — в обстановке весьма посредственной. На работе они

читают лекции — и все взгляды направлены на них, — выступают на телевидении и радио, участвуют в советах директоров. Если они заняты в медиа или издательском деле, они могут позволить себе списывать свои дорогие обеды на представительские расходы. За день их автоответчик заполняется сообщениями от богатых и знаменитых, которые ищут их внимания, но вечером выясняется, что засорилась ванна, и им приходится засучить рукава и вооружиться «кротом». На работе — они нобилитет, короли меритократии, болтают по телефону с Джорджем Плимптоном. Дома же раздумывают, могут ли они позволить себе новую машину.

Разберем пример нашей воображаемой интеллектуалки. На полной профессорской ставке в Университете Чикаго она получает 105 000 долларов в год. Ее муж, с которым они познакомились еще студентами в Йеле, работает программным директором небольшого фонда, который на деньги Роберта Маккормика¹ продвигает идеи, которые сам Маккормик глубоко презирал, и зарабатывает 75 000 в год. В самых смелых мечтах они не предполагали, что будут зашибать 180 000 в год. И при этом будут так бедны.

Их дочери уже 18, и ее комната и содержание в Стэнфорде обходится в 30 000 ежегодно. На 16-летнего сына, у которого такой талант к музыке, уходит по меньшей мере столько же, если сложить плату за частную школу, репетиторов и летний музыкальный лагерь. Есть еще няня, которая приходит каждый день, когда их 9-летняя дочурка возвращается из экспериментальной школы при Чикагском университете, и на нее уходит еще 32 000 (они платят ей легально, поскольку наша интеллектуалка по-прежнему мечтает о должности в администрации). А ведь есть еще расходы на благотворительность (Nature Conservancy, Amnesty International и т.п.), кото-

¹ Роберт Маккормик (Robert McCormic, 1880–1955) — чикагский медиамагнат, основатель газеты Chicago Tribune и Фонда им. Роберта Маккормика. Сегодня Фонд — некоммерческая организация, выделяющая средства на образование и культуру, гранты для журналистов и др.

рые приходится держать на уровне, чтобы не было стыдно перед бухгалтером, с которым они видятся один раз в год — в апреле. В итоге на квартиру, еду, книги, белье и прочие расходы остается 2500 долларов в месяц.

Их преследует ощущение полнейшей нищеты. При этом они, конечно, не помнят, каково им было на предыдущей ступени благосостояния, и даже не представляют, как можно туда вернуться. Современного интеллектуала очень заботит его репутация, страдающий же статусно-доходным дисбалансом еще больше думает о деньгах. И не то чтобы наша интеллектуалка целыми днями размышляла о правде и красоте и поэтических воплощениях весны. И не то чтоб скромная зарплата в 105 000 долларов давала ей уверенность, что она может подняться над насущными проблемами и будничной суетой.

И на работе она занимается изучением интеллектуального рынка, прикидывает, чего ждет от нее аудитория, продает себя продюсерам, журналистам и коллегам по академической среде. Пораженный СДД работник издательства целыми днями размышляет о рыночных нишах, как какой-нибудь влиятельный топ-менеджер AT&T. Ему приходится имитировать приятельское общение не меньше, чем партнерам в Skadden, Arps или продавцам в Goldman Sachs. Разница лишь в том, что они работают в высокоприбыльной отрасли, а наш страдающий СДД — в низкоприбыльной.

Сегодняшние интеллектуалы занимают самый нижний край верхушки общества. Наша интеллектуалка достаточно богата, чтобы отдать своих детей в частную школу и отправить учиться в Стэнфорд, но многие родители в таких заведениях в месяц зарабатывают годовой бюджет ее семьи. В итоге дети страдающего СДД начинают замечать разницу в доходах с семьями одноклассников. Чаще всего это происходит на день рождения. Одноклассники отмечают дни рождения на бейсбольном стадионе Wrigley Field (родители выкупили трибуну) или в старейшем магазине игрушек FAO

Schwarz (родители арендовали все здание на воскресное утро). СДД ребенок празднует день рождения в своей гостиной.

Когда старшая дочь интеллектуалов приедет на рождественские каникулы, ее однокашница по Стэнфорду пригласит ее к себе в Виннетку. В доме своей подруги ее поразит идеальный порядок. Столы, пол, барные стойки — все это не заставлено, чисто и в наилучшем состоянии. Такой же порядок царит у них на работе — у представителей этой ветви образованного класса просторные кабинеты с широкими деревянными поверхностями. У них есть секретари, которые следят за документооборотом, а у секретарей есть помощники, которые складывают все папки и расставляют их по местам. Поэтому ничто не загромождает широкие просторы рабочего стола босса. Бобо, работающие в финансовых структурах, носят с собой тончайшие дипломаты, в которые едва помещается толстая тетрадь, потому что все в их жизни настолько упорядочено, что им не нужно перекладывать вещи с места на место. И в Лондон они летят без багажа, ведь в их лондонской квартире у них есть еще один гардероб.

Жизнь больного СДД, напротив — сплошное нагромождение и беспорядок. Маленький столик в университетском корпусе социальных наук завален бумагами, рукописями, письмами, журналами, газетными вырезками. А дома у больного все поверхности заставлены кофемашинами, чайниками и кувшинами, и кастрюли со сковородками висят на стене. По всей гостиной раскиданы книги, большей частью купленные еще в студенческие годы («Хрестоматия» Маркса–Энгельса, например), а на ночном столике давно прилежал потрепанный выпуск *New York Review of Books*.

Когда интеллектуал с годовым семейным бюджетом в 180 000 долларов входит в помещение, заполненное толстосумами, зарабатывающими по 1,75 миллиона в год, обе стороны соблюдают несколько норм поведения. Первое — все ведут себя так, будто денег не существует. Все, включая нашу интеллектуалку, которая не может

полностью расплатиться за превышение лимита на кредитке, будут делать вид, что слетать на выходные в Париж — отличная идея, надо только найти время. Каждый будет хвалить район Маре, не уточняя, что у финансового аналитика там своя квартира, а интеллектуалка на время отпуска снимает номер в однозвездочной гостинице. Наша интеллектуалка обратит внимание, что финансовые аналитики только и говорят что об отдыхе, тогда как интеллектуалы все время норовят поговорить о работе.

Когда наша интеллектуалка заходит в комнату, кишашую акулами бизнеса, где-то в углу сознания промелькнет сомнение: а ровня ли я им, или они воспринимают меня, как особую прислугу, которая не стелет кровать, но развлекает и добавляет престижу? Как ни печально признать, но денежные аналитики вовсе не склонны так думать. Миллионеров преследует страх, что достигнутый ими успех не делает их значительными людьми. Они страдают противоположным СДД расстройством, когда доход выше статуса.

Он называется доходно-статусный дисбаланс (ДСД). Ведь миллионер не совершил ничего значительного, что позволило бы ему исследовать артистическую сторону своей натуры, достичь интеллектуального бессмертия или хотя бы стать потрясающим рассказчиком. Он не может не заметить, что ему приходится платить за ужины разнообразных фондов, тогда как интеллектуалы вследствие собственной важности приглашаются бесплатно. Он отчасти содержит всю эту публику из аналитических центров.

Продолжая эту мысль, можно сказать, что интеллектуалам платят за интерес. Им платят, чтоб они целыми днями сидели и читали, а потом компилировали из прочитанного бодрые тексты и интересные разговоры (удивительно, столько людей толком не справляются с этой несложной задачей). Богатому же в общем-то платят за скуку. За свою гигантскую зарплату он работает над тайными сделками, и, если бы он решился рассказать о ней за званым ужином, сотрапезники бы совсем сникли. В конечном счете богачи

чувствуют свою уязвимость, потому что, несмотря на большие ресурсы, их репутация по-прежнему зависит от машины по созданию общественного мнения, управление которой в руках этих профессиональных насмешников — их сотрапезников.

Поэтому многие миллионеры думают, как здорово было бы стать писателем, мнением которого интересуются в передаче «Час новостей» с Джимом Лерером. Взгляните на Мортимера Цукермана, владельца газеты New York Daily News, информагентства US News and World Report и целых районов Манхэттена и Вашингтона. Чтобы записать интервью для кабельного канала CNBC, он поедет в Нью-Джерси как миленький. Быть богаче некоторых стран ему уже недостаточно — Цукерман хочет быть публичным интеллектуалом.

На статусно-доходный дисбаланс интеллектуалы реагируют по-разному. Некоторые пытаются сойти за представителей денежного крыла образованного класса, покупают голубые рубашки с белыми воротниками и чистят обувь каждый день. Женщины этой категории на сэкономленные деньги покупают костюмы от «Ральф Лорен» и «Донна Каран». Те, кто работают в медиа, издательстве или фонде, используют свой представительский счет по максимуму. Как человек, страдающий астмой, едет подлечиться на курорт в Аризону, интеллектуал с СДД может облегчить свои муки в командировке, где он останавливается в «Ритц-Карлтон», в номере за 370 долларов с телефоном и телевизором в каждом углу. Счет за гостиничную химчистку в таком случае можно оплатить и самостоятельно.

Но рано или поздно командировка заканчивается, и надо возвращаться на землю. И это объясняет, почему другие представители интеллигенции, напротив, активно демонстрируют приверженность своим богемным корням. К костюму они могут надеть ботинки «Тимберленд», что воспринимается как знак того, что они по-прежнему противостоят культуре денег. В выборе галстуков и носков проглядывает иронический взгляд на такие условности; можно

встретить интеллектуала в галстуке, украшенном логотипом местной ассенизаторской службы: мусоровоз катит по радуге.

Дома такой пациент с СДД будет упиваться своей бедностью. Он возблагодарит судьбу, что живет в районе, где представлены разнообразные слои и расы, хотя дом в жемчужно-белом районе типа Виннетка, Гросс-Пойнт или Парк-авеню он и не мог бы себе позволить. Но еще больше он возблагодарит себя за то, что выбрал профессию, которая не обещает больших барышей, что не посвятил свою жизнь стяжательству. Тот факт, что он и не смог бы стать ни инвестиционным банкиром, поскольку ему не хватает математических способностей, ни юристом, потому что он не умеет концентрироваться на скучных, малозанятных темах, он оставит без внимания. Серьезного шанса уйти в более прибыльную сферу у него никогда и не было, поэтому не могло быть и настоящей, осознанной жертвы.

Смерть и воскрешение интеллектуала

Статусно-доходный дисбаланс может протекать весьма болезненно, но на самом деле это расстройство можно сравнить с копчиком, который считается атавизмом, доставшимся нам от хвостатых предков. Так и СДД — отголосок классовой войны между богемой и буржуазией. Веками буржуазные дельцы и богемные деятели поглядывали друг на друга издалека, находясь по разные стороны баррикад. В наши дни великая классовая война свелась к небольшим трениям на званых ужинах. Вместо того чтобы душить друг друга, они сливаются воедино. Важный культурный конфликт сегодня сводится к легкому жонглированию статусами, когда каждый старается оправдать выбор своего карьерного пути.

Общественная роль интеллектуала действительно изменилась. Из замкнутого члена мирского ордена священослужителей он

стал ищущим и беспокойным, но в целом вполне благоустроенным членом большого класса людей, которых занимают идеи. Из радикала, противостоящего власти мамоны, он обернулся искушенным игроком, который выстраивает репутацию и взбирается по лестнице успеха. Помашите ручкой интеллектуальным междусобойчикам и внутренним перепалкам, забудьте мансардное неустройство, сегодняшней интеллигент отличит Chateau Margaux от Merlot с закрытыми глазами.

Так что же мы приобрели и что потеряли? С одной стороны, сложно не восхищаться интеллектуальной жизнью пятидесятых — Ханна Арендт, Рейнгольд Нибур, круг Partisan Review, поэт и литературный критик Роберт Пенн Уоррен, социолог Дэвид Рисмен. То были люди, посвятившие себя слову, идее, дискуссии. Они могли вознестись мыслью в разреженные высоты и сыпать оттуда цитатами из Гегеля и Аристотеля, Шиллера и Гете. То был век до телевизионных экспертов, постоянных колонок и конференций по всему миру. Интеллектуальный мир был меньше, но насыщенней и полнокровнее. И все же.

И все же. В сегодняшнем интеллектуальном мире есть свои преимущества, я, во всяком случае, предпочел бы остаться здесь. Начнем с вопроса: как и чему мы учимся? Какая мудрость дороже — та, что приобретается чтением Фрейда и экзистенциалистов в заваленной книгами студии на Риверсайд-Драйв, и жаркими дебатами внутри замкнутого сообщества живущих в радиусе нескольких километров людей? Или же та, что приобретается через более близкое знакомство с реальностью и общим течением жизни и последующее осмысление этого опыта? Нужна ли для этого самоизоляция, чтобы, возносясь в разреженные высоты, низвергать на мир свои суждения? Или лучше самому ввязаться в борьбу и, ощущая непосредственные контуры реальности, стараться описать свои ощущения? Дело не только в том, что у современных авторов толще кошельки, мы придерживаемся разных теорий познания.

У нас более скептический взгляд на теорию чистого разума, высокопарные абстракции и непомерные обобщения. Мы скорее идем тропой Джейн Джэйкобс, которая, может, и не читала Хайдеггера, и вряд ли могла соперничать в искусстве интеллектуальной эквилибристики с авторами *Partisan Review*, зато отлично знала окружающую ее повседневность. В предыдущей главе я описывал метис — практическую мудрость, приобретаемую больше через деятельность и ощущения, нежели через теоретизацию. Мы, бобо, ценим метис выше абстрактных размышлений, и правильно делаем. Мы правильно делаем, что живем в этом мире, стремимся, карабкаемся, и нас, как и всех остальных, окружает та же бессловесная мелкая повседневность. Наши интеллектуалы лучше осмысляют мир, когда испытывают те же трудности, что и большинство людей, — противоречия между амбициями и совестью, между приятным, но мало чем подкрепленным статусом и реальными достижениями.

Отмежеваться от коммерческой культуры сегодня означает исключить себя из основного в американской жизни направления деятельности. Понять происходящее в таком отрыве от реальности куда сложнее. Однако сегодняшний интеллектуал, если он честен с собой и отдает себе отчет в собственных мотивах и компромиссах, на которые приходится идти, способен острее и точнее понять состояние страны и мира. Его идеи могут быть не столь грандиозны и всеохватны, как сентенции избравшего добровольное изгнание интеллектуала, который мечет молнии с вершин, зато он лучше знает долину с ее равнинными путями, в его описаниях больше правды, а в мыслях — пользы.

Давайте снова вернемся на полвека назад; книги, изданные между 1955 и 1965 годом, — это золотой фонд публицистики. Многие из них я уже цитировал на этих страницах, но некоторые, оказавшие наибольшее влияние, еще даже не упоминались, я имею в виду работы «Тайна женственности» Бетти Фридан и «Безмолвная весна» Рэйчел Карсон. При всем уважении к Нибуру и Арендт, мно-

гие из наиболее влиятельных книг той эпохи были написаны авторами, которые не считались интеллектуалами: Джейн Джэйкобс, Уильям Уайт, Бетти Фридан, Рэйчел Карсон, даже Дигби Балтцелл. У этих писателей и журналистов, пожалуй, было больше общего с нынешними экспертами и комментаторами, нежели с интеллектуалами в определении Эдварда Шилза. Такие фигуры служат нам ориентирами в большей степени, нежели высоколобые интеллигенты, осознанно заключившие себя в рамки высокой культуры, Идей с большой буквы и закрытого богемного круга.

И главное чего они достигли — это привлекли аудиторию. У Partisan Review были потрясающие авторы, но микроскопический тираж. Сегодня появляется все больше возможностей доводить свои идеи до миллионов через теле- и радиовещание, великое множество журналов, через интернет. Для распространения своих идей писателям и мыслителям приходится учиться пользоваться новыми медиа, что совершенно правильно, даже если для этого нужно приспособиться к требованиям новых форматов и научиться улыбаться, когда на тебя смотрит телекамера.

5.

удовольствия

Если вы ищете достойного бичевания и уважительного надругательства, обязательно подпишитесь на интернет-рассылки Arizona Power Exchange — садомазохистского объединения со штаб-квартирой в Фениксе. Эта организация предлагает полный спектр услуг любителям кожи и латекса. К примеру, в летнем информационном письме рассказывается, что 3 августа состоялось обсуждение и мастер-класс по унижению. 6 августа в 7 вечера стартовал семинар по работе с тростью. На следующий день состоялась встреча группы личного роста и взаимной поддержки любителей БДСМ с мастером Лоуренсом, а 10 августа Карла провела обсуждение на тему футутиш и хай-хил-воршип. Через неделю заезжий лектор обсуждал вопросы «кровавых забав». Все эти встречи, должно быть, состоялись в атмосфере осмысленности и понимания своего высокого предназначения, отраженных в миссии организации: «Относиться к БДСМ опытам с пониманием, заботой, достоинством и уважением». Когда лежишь связанный на полу и лижешь чей-то ботинок — достоинство и уважение это как раз то, что нужно.

Кроме совета директоров, состоящего из семи членов, в организации, сокращенно именуемой APEx, работает еще целый штат специалистов и администраторов: ответственный секретарь, казначей, архивариус, специалист по ориентации, менеджер по логистике, плюс веб-дизайнеры, обслуживающие сайт, куда более степенный, чем страничка вашего местного Ротари-клуба. APEx спонсирует благотворительные мероприятия. В организации работает группа поддержки подчиняющихся, которые стесняются сказать, как именно они хотят, чтобы ими понукали. Есть семинар «Садо-мазо и закон» и двенадцатиступенчатый курс реабилитации садистов и мазохистов после соответствующих злоупотреблений. И наконец, APEx активно налаживает связи с другими БДСМ группами по всей Америке.

Читая описания семинаров APEx, поражаешься, сколько внимания уделяется подробнейшей детализации этих мероприя-

ятий. Такие темы, как прокалывание сосков и завязанный рот, должны бы вызывать в воображении оргии де Сада, но в этой среде наказание тростью и плеткой обсуждается так, будто это дегустация вин или орнитологическая экспедиция. Можно представить, что это выездной педсовет, на который преподаватели старших классов приходят в кожаных шортах и масках с затычками и с умным видом обсуждают достоинства и недостатки отечественных и импортных защипов для пениса. Все очень солидно и обстоятельно. И весьма буржуазно.

Секс, в особенности его пограничные проявления, когда-то был великим актом нарушения устоев. Распущенные аристократы удалялись в чердачные комнаты, прихватив хлысты и наручники. Крестьяне расширяли чувственный кругозор на развеселых пьянках. Богема, сбросив узды ответственности, отдавалась радостям свободной любви. Но сегодня все это считается непристойным. Любые проявления должны быть нравственно безопасны, и джентрификацией паранормального Эроса занимаются далеко не только АРЕХ и подобные ей организации. Желających практиковать ответственный секс сегодня обслуживает бурно развивающаяся индустрия. В магазинах сети Barnes & Noble целые ряды полок заставлены эротической литературой, у которой больше общего с произведениями писательского семинара, чем с журналом *Hu\$tlер*. Существует целая линейка высоколобых журналов и каталогов о сексе *Good Vibrations*, *Sex Life*, и *Xandria Collection*, которые рекламируют себя на задних обложках таких изданий, как *Harper's* и *Atlantic Monthly*. (Высоколобые журналы про секс легко отличить от обычных: не дай бог поместить здесь обнаженную привлекательную натуру, на страницах этих журналов сексом занимаются люди исключительно некрасивые, а чтобы подчеркнуть, что сексом можно заниматься всю жизнь, половым отношениям пожилых людей отводится столько внимания, что иногда прямо слышишь веселое поклацывание зубных протезов.)

О сексуальных отклонениях пишет столько теоретиков из академической среды, что оргии становятся подобны пляскам апачей в разгар туристического сезона, когда они исполняются уже не ради воодушевления, но чтобы порадовать группу преподавателей социологии, которые прилетели цитировать друг другу Деррида.

Если коротко, то за последние несколько лет образованный класс приручил дикую похоть, окутав ее пеленой лучших побуждений. Из секса, который веками воспринимался, как нечто греховное, а иногда и опасное, и вызывал всеобщий жаркий интерес, бобо взяли и сделали общественно-полезное занятие. Теперь в самой изощренной секс-литературе на каждой странице будет напутствие «Играй ответственно» и «Играй безопасно». Активно практикующие пограничные виды секса так много говорят о том, как это полезно для здоровья, что можно подумать, речь идет о беге трусцой. Чтоб все было ответственно и не выходило из-под контроля, экстремальные утехы регулируются правилами и этикетом. Судя по отчетам сексуальных экстремалов, которые они публикуют в информационных письмах и рассылают всем заинтересованным лицам, правила — когда нужно подписать отказ от претензий, когда надеть латексные перчатки, когда можно закурить — на их официальных встречах соблюдаются неукоснительно. Это, конечно, не тот этикет, что блюли посетители салонов XIX века, однако они на удивление схожи в своем неустанном требовании самоконтроля.

Сегодняшние маркизы де сады даже не помышляют о создании попирающих мораль подпольных сообществ. Им не нужно ниспровергать общепринятые нормы. Напротив, они стремятся влиться в общество нормальных людей, занять место в почтенном мире среднего класса, стать как все. «Мы утверждаем, что любовь к нескольким людям — это вполне естественное и здоровое состояние, приносящее радость близости. Этот вид любви мы называем ответственной полигамией», — значится в программном заявлении журнала Loving More, органе приверженцев полиамории. Каждая

из подобных «групп позитивного настроения», как они себя называют, стремиться к всеобщему признанию и доверию: зоофилы, некрофилы, сигарные фетишисты, любители зубных протезов, экстремального пирсинга, крашисты (люди, которые возбуждаются, когда женщина крушит все вокруг), макрофилы (те, кто фантазирует о великаншах, разрушающих грудями целые здания).

Удивительно, но все эти люди по-своему моралисты. Все чаще секс воспринимается, как способ достижения более глубоких нравственных откровений. Бывший монах Томас Мур, автор бестселлер «Забота о душе», за которым последовала книжка «Душа секса» — одна из сотен высоконравственных книг о сексе, опубликованных за последнее десятилетие. Желающие могут обратиться в Церковь Тантры, где среди прочего предлагается курс: «Тантрический секс: духовный путь к экстазу». Другие используют свою сексуальную жизнь в целях продвижения социальных преобразований. Во избежание преобладания какой-либо нации, оргии в высоколобых журналах о сексе снимаются по тому же принципу, что и детские передачи на федеральных каналах: по одному от азиатов, латиноамериканцев, афроамериканцев, белых и коренных американцев. Я представляю, что если б на практическом занятии соответствующего сообщества посреди взаимного обмазывания экскрементами кто-то сообщил, что он не сдает макулатуру и стеклотару, он был бы выгнан с позором и навсегда. Это очень странные приличия, и тем не менее это приличия.

Но бобо не просто облагораживают то, что когда-то считалось пагубным. Будучи меритократами до мозга костей, они не просто испытывают оргазм, они его достигают. Секс в созданной ими литературе напоминает колледж и описывается, как процесс непрерывного самосовершенствования и расширения горизонтов. Остается только восхищаться количеством семинаров, практикумов, институтов и академий, обслуживающих тех, кто хочет еще глубже познать свое тело. Что нам предлагает Институт самопознания?

«Вы получите исчерпывающие сведения о любви, интимных отношениях и сексуальности. Научитесь более эффективным методам общения. Значительно улучшите отношения с самим собой. Станете более любящими, тонко чувствующими партнерами. Научитесь более полно выражать себя и предпринимать потрясающие и придающие силу шаги, изменяющие вашу жизнь и ваши отношения к лучшему». Любовник леди Чаттерлей обернулся ее же консультантом по укреплению отношений.

Практиканты любви выбиваются из сил, закрепляя материал и усвершенствуя новые техники. Подрочить по старинке в ванной — это не для бобо. Любое занятие им нужно довести до уровня высшей школы. Джоэнн Лулан, автор «Лесбийская страсть: любовь к себе и друг к другу», предлагает следующие упражнения: «Каждый день рассматривайте свои гениталии в зеркало... Нарисуйте свои гениталии... Напишите письмо своим гениталиям... Ощупывайте себя целый час без перерыва... Смотрите на себя в зеркало в течение часа, поговорите со всеми частями своего тела... Проведите час, ощупывая свои гениталии, не стремясь достичь оргазма... Ответьте час на мастурбацию». Даже от чтения такого расписания занятий может свести руки, если не скулы.

В жизни бобо все наполнено значением. Самые скотские занятия сегодня подают под сложным соусом из пособий, видеоучебников и журнальных статей, написанных людьми с серьезными научными степенями. Обо всем говорят вслух, все подлежит обсуждению. Есть знатоки, способные измерить и оценить даже удовольствие от мастурбации. Техническая сторона секса — далеко не единственное, что можно беспрестанно улучшать и разрабатывать; глубже и утонченнее становятся восприятия и смыслы, проистекающие из половых отношений. Секс больше не может оставаться постельной утехой, он должен занять важное место в сознании. Он должен быть безопасным, ответственным и общественно созидательным. Сладострастие нынче не то, что раньше.

Противостояние утех

К этому ли вела нас сексуальная революция? Ведь истоки этой революции в романтизме, который воспринимался как бунт против буржуазной морали. Историк Питер Гэй назвал многолетний конфликт, в ходе которого богемные певцы чувственности попирали установки среднего класса, «противостоянием утех». Богема потешалась над трудолюбивым и лишенным сексуальной фантазии Шарлем Бовари. Богема же восхищенно встретила дневники Анаис Нин и шокирующе откровенные романы Генри Миллера. Богема объявила крестовый поход против цензуры в искусстве и литературе откровенного содержания.

Контркультура была территорией свободной жизни и доступных удовольствий. В своих мемуарах *Down and In*, полных ярких воспоминаний о жизни андеграунда, Рональд Сукеник цитирует колумниста *Village Voice* Говарда Смита: «Я приехал в Нью-Йорк, потому что в пятидесятые с сексом была большая напряженка. Мне хотелось трахаться. Я искал женщин, которые не носят подбитые ватой каркасные лифчики с бадлоном и свитером поверх... Я помню, ходил все время в одно и то же кафе, „Ящик Пандоры“, где официантка, облокотившись на столик, спрашивала: „Принести еще чего-нибудь?“, она была без лифчика и в сельской блузе с вырезом, и я чуть со стула не падал».

В шестидесятые хиппи смеялись над Синими Злюками — похитителями удовольствия из «Желтой подводной лодки». Студенты радостно познавали все многообразие сексуальных отклонений и презирали репрессивную десублимацию — термин, придуманный Маркузе, видимо, для обозначения скованности. «Больше революции, больше любви!» — провозгласили радикалы. В 1960–1970-х даже обнаженность считалась революционной, а рок-звезды и впрямь казались радикалами, когда пели свои гимны сексу, наркотикам и рок-н-роллу. Их стараниями сладострастие и револю-

ция уже воспринимались как единое целое, и, возможно, так оно и было. Подобное прожигание жизни имело под собой романтическое обоснование: *Le dérèglement de tous les sens*. Долой контроль над чувствами! С незабываемыми ощущениями приходят и великие прозрения. Лучше жить настоящим и в полную силу. Смелчаки живут быстро и свободно и проникают в самые глубины бытия.

В семидесятых вопроса относительно того, кто победит в противостоянии утех, даже не возникало. Свингерство или, во всяком случае, разговоры об этом было на пике моды. В те годы Гэй Талезе пишет книгу «Жена твоего соседа», где бытописует жизнь свингеров, которые больше всего времени проводят в поисках новых эрогенных зон в компании обнаженных друзей. Такие почитаемые писатели, как Джон Апдайк и Филип Рот, описывают сцены, на которые еще пару десятилетий назад не решились бы и производители подпольной порнографии. «Радость секса»¹ становится лидером продаж. В Нью-Йорке идет, по крайней мере, пять мюзиклов про нудистов, и в первые дни после премьеры они даже считались вполне себе модным зрелищем. Эрика Йонг² прославилась своим описанием секса с первым встречным. Фильмы той эпохи козыряли сценами с употреблением наркотиков. «Кино обдолбанного века» — таков был официальный слоган фильма «Черное и белое». В «Нью-Йорк таймс» печаталась реклама порнофильмов и стриптиз-баров, и рядом со «Звуками музыки»³ стоял анонс картины «Глубокая глотка» — неплохая иллюстрация того, насколько люди перестали понимать, где грань, разделяющая приличное и неприличное, и нужна ли вообще эта грань.

1 «Радость секса» (*The Joy of Sex*, 1972) — книга английского писателя Александра Комфорта (Alexander Comfort, 1922–2000), экранизированная в США в 1984 году.

2 Эрика Йонг (Erika Jong) — американская учительница, автор романов о любовных похождениях вымышленной писательницы Айседоры Уинг.

3 «Звуки музыки» (*The Sound of Music*) — музыкальный фильм Роберта Уайза 1965 года.

Силы эмансипации одерживали победу за победой. Кое-где детей побуждали исследовать свою сексуальность в качестве инструмента самопознания. В одной школе в Нью-Джерси в учебном плане содержался такой совет: «Взрослые иногда забывают рассказать детям, что прикосновение может принести удовольствие, особенно когда трогает тот, кого ты любишь. Ты и сам можешь доставить себе удовольствие, и ничего страшного в этом нет». Древние табу рушились, представления о семье казались устаревшими, старые правила этикета — первобытными, сдержанность и самоконтроль — лицемерием. В рамках общественной дискуссии голос поборников сексуальных свобод звучал громче других.

Некоторые общественные деятели уверены, что буря сексуальной революции не стихла до сих пор. В 1995 году Джордж Джилдер писал: «Богемные ценности потеснили буржуазные благодетели в половой нравственности и семейных устоях, в искусстве и литературе, учреждениях и университетах, популярной культуре и общественной жизни. В результате в культуре и семьях царит хаос, города кишат венерическими болезнями, школы и колледжи впали в обскурантизм и пропаганду, суды стали цирком для крючкотворов». А Роберт Борк в своем бестселлере «По пути в Гоморру» (1996) утверждал, что шестидесятые покрыли культурной плесенью весь американский народ. В 1999-м Уильям Беннетт писал: «Наша культура прославляет стремление к наслаждениям, разрушение всяческих моральных барьеров, а теперь и нарушение всех общественных табу».

Однако если взглянуть на благополучные слои американского общества, даже на таких половых авангардистов, как активисты Arizona Power Exchange, то впечатления, будто они погрязли в хаосе и аморальности не возникает. То, чем они занимаются, может вызывать оторопь или даже отвращение, но во всем этом есть свой порядок. В основной же массе образованного класса и вовсе не найти признаков буйного гедонизма или отъявленного декадентства. Курить не модно. Пить тоже. Уровень разводов снижается.

Даже рок-звезды сегодня чаще выступают в роле мудрых рассказчиков — вполне в традиции кантри-певцов пятидесятых, — нежели жадных до кайфа бунтарей.

Контролируя чувства

Было бы неверно утверждать, что сторонники вседозволенности сегодня доминируют в американской культуре (да и доминировали ли они когда-либо — вопрос открытый). Картина, напротив, складывается сложная и неоднозначная. За последние 30 лет мы, например, стали куда терпимее к шуткам про секс, зато шутки про национальность сегодня воспринимаются как непристойность. Мы стали куда расслабленней в отношении осанки и подходящего случаю костюма, но проявления недовольства, курение и плевики теперь неприемлемы. Мы стали терпимее относиться к откровенному разговору о сексе на публике, но куда строже, когда речь заходит о сальных шуточках и любых видах коммуникации, которые можно расценить как сексуальные домогательства. Высокопарные журналы о сексе сегодня продаются в лучших магазинах, при этом покупать старорежимные бонкбастеры¹ в стиле Гарольда Роббинса мы считаем ниже собственного достоинства. В университетах готовы терпеть татуировки и пирсинг, непредставимые в начале 1950-х, но принимают крутые меры против питейных ритуалов посвящения в студенческие братства, которые раньше возражений не вызывали. Мы вроде бы стали менее строгими в отношении детей, но на самом деле вмешиваемся в их жизнь куда больше, чем родители в 1950-х. К примеру, тетушка Полли в «Томе Сойере» пыталась воспитывать своего племянника палкой и прививать строгие правила поведения за столом,

¹ Бонкбастер — слово, введенное в оборот британской журналисткой Сью Лимб и образованное по аналогии с «блокбастер», от bonk — (англ., жарг.) — совокупляться.

при этом отпускала его часами шататься в поисках приключений. Сегодня мы не блюдем эти правила так строго, но и шататься особо не позволяем. Вместо этого мы сопровождаем детей с одного организованного для них взрослыми мероприятия на другое.

В общем, нравственные устои не рушатся и не устанавливаются в результате стремительных схваток добродетели и порока. В реальности это больше похоже на колебания биржевого курса, когда различные позиции то повышаются в цене, то падают, отчего четко определить, теряем мы или укрепляемся по совокупности, довольно сложно. В 1999 году историк из университета Корнеги-Меллон Питер Н. Стернс опубликовал книгу «Поле боя желаний: борьба за самоконтроль в современной Америке», в которой проследил различные стратегии самоконтроля, которым американцы отдавали предпочтение в ходе XX века. Стернс приходит к выводу, что в способах самоконтроля мы, безусловно, отличаемся от, скажем, американцев Викторианской эпохи, однако однозначно утверждать, что в конечном счете мы стали более терпимы или распущенны, он не торопится. Скорее наши табу и ограничения «отличаются от прежних и включают в себя определенный набор поблажек и запретов, соблюдение которых часто требует большей бдительности».

Правда в том, что бобо создали новые социальные коды, в которых характерным для них образом совместили буржуазный самоконтроль и богемную эмансипацию. Сегодня, чтобы отличить дозволенные удовольствия от запрещенных, мы пользуемся новыми стандартами. И для контроля над чувствами у нас есть новые нормы общественной морали.

Полезные удовольствия

Чтобы самому разобраться в этих новых нормах общественной морали, достаточно выйти летним вечером в ближайший парк.

Там вы встретите женщин, которые вышли на пробежку в спортивных бюстгальтерах и обтягивающих шортах. Представьте, как на это взглянули бы пуритане! Женщина бежит в нижнем белье по улице. Они бы решили, что оказались в Содоме и Гоморре одновременно. Даже прогрессивного историка Эдварда Гибсона вид этих женщин навел бы на мысли об упадке империй. Но давайте повнимательней взглянем на этих бегуний. На их лицах нет и тени сладострастия. И разделись они не для того, чтобы продемонстрировать свои прелести, любое эротическое впечатление нейтрализуется выражением суровой устремленности. Они тренируются. Они работают. Они развивают мускулатуру. Они ставят цель и добиваются ее выполнения. Вы никогда не увидите, как они улыбаются. Наоборот, некоторые как будто даже страдают. Эти полуголые молодые женщины — персонификация самодисциплины — без труда и так далее. А полуголые они потому, что для усердных занятий спортом такая одежда наиболее удобна. То есть это практически нудизм в общественном парке, но нудизм на службе достижений. Бог отдохновения Дионис примиряется с богом работы Прометеем¹.

У бобо весьма прагматичный взгляд на удовольствия. Любое душеспасительное или полезное для здоровья чувственное наслаждение широко приветствуется. И напротив, всякое контрпродуктивное или опасное наслаждение сурово порицается. Поэтому занятия спортом приветствуются, а курение почитается грехом более тяжким, чем как минимум пять из десяти заповедей. Кофе набирает популярность потому, что стимулирует активность мозга, выпивка же больше не в фаворе, поскольку притупляет остроту восприятия.

Вы можете пойти на пляж почти голой в крохотном бикини, но если вы не возьмете крем от загара, чтобы кожу не поразил рак,

¹ Тут автор ошибается, богом работы скорее можно назвать Гефеста, тогда как Прометей был титаном, создателем и покровителем людей.

люди будут неприятно поражены. Здоровая пища достойна восхищения, но в связи с продуктами с повышенным содержанием калорий, жира или натрия слово «вина» применительно к еде звучит чаще, чем в каких-либо других контекстах. Созерцательные удовольствия типа продолжительной ароматической ванны более чем допустимы, зато опасные причуды типа скоростной езды на мотоцикле вызывают презрение, а непристегнувшийся водитель и вовсе видится грубым попирателем нравственности. Аэробика, беговые лыжи и роликовые коньки бурно развиваются, тогда как такие малополезные для сердечно-сосудистой системы занятия, как бильярд, боулинг и настольный теннис, считаются низкопробными. Даже день, проведенный за играми с детьми, воспринимается как благо, потому что в процессе мы неизменно помогаем малышам усовершенствовать какие-то навыки (понаблюдайте за «играющими» с детьми бобо), ну или по крайней мере укрепляем отношения или повышаем самооценку («Отлично получается! Молодчина!»).

Мы, бобо, взяли буржуазный императив «старайся и преуспеешь» и поженили его со свойственной богеме жаждой новых ощущений. Получившиеся в результате общественные нормы поощряют удовольствия, полезные для тела, души и интеллекта, а бесполезные или вредные порицают. Таким образом, протестантская рабочая этика сменилась игровой этикой бобо, соблюдение которой требует не меньших усилий. Все, что мы делаем, должно служить Жизненному Предназначению, суть которого в личностном росте и самосовершенствовании.

Поэтому вполне естественно, что самое бурное развитие в эпоху бобо получили два типа досуговых учреждений — оздоровительные центры и музеи. И там и там предлагается чувственное удовлетворение в бодрой и воодушевляющей обстановке. В оздоровительных клубах вы получаете удовольствие от благородных усилий по укреплению мускулатуры. Проведя 35 напряженней-

ших минут на тренажере «лестница», вы осматриваете свою потную телесную крепость в зеркале от пола до потолка. В музее же чувственные удовольствия льются на вас, как из рога изобилия, вы наслаждаетесь цветами и формами, красками и материалами, в то время как познавательный аудиогид, наукообразные аннотации на стенах и потрясающий ассортимент музейного книжного подкрепляют ваши впечатления интересными фактами. Оздоровительные центры, где мы совершенствуем тело, и музеи, где укрепляется наш дух, стали часовнями и кафедрами нашего века.

Не удивляет и то, как бобо поступили с основным символом дионисийского отдохновения, совместив праздник и работу. Пару лет назад Джэймс Атлас опубликовал в «Нью-Йоркере» эссе под названием «Конец веселью», где, довольно точно проследив изменения, которые претерпели вечеринки в литературной среде, пролил свет на увеселения образованного класса в целом.

«Рядом с писателями, поэтами и эссеистами прошлого, — пишет Атлас, — сегодняшние творцы — компания довольно унылая». Он вспоминает, что литературные гиганты, которыми он восхищался, будучи студентом Гарварда, пили напропалую и самозабвенно кутили. «Моими кумирами были крепко пьющие литераторы прежней эпохи: Роберт Лоуэлл трясущимися с похмелья руками прикуривал сигарету за сигаретой ментолового True на семинаре, проходившем в подвальной аудитории Куинси Хауса; пьяный Норман Мейлер размахивал бутылкой виски и кормил ворон в „Сандерс Театре“¹; Аллен Гинзберг курил косяки на ужине „Общества печатки“² и распевал свои стихи под гипнотические звуки фисгармонии. Послевоенная поэзия стала гимном неводержанности».

1 Мемориальный зал Гарвардского университета.

2 «Общество печатки» (Signet Society) — сообщество студентов и выпускников Гарварда, которых объединяют занятия литературой, театром и искусством.

Писатели и поэты жили как настоящая богема. Атлас описывает сопровождавшие батарею бутылок собрания старых литераторов, дымные вечеринки, неловкие сцены, жестокие междоусобицы и последующие разводы. Даже дневники строгого Эдмунда Уилсона полны сцен адюльтера и разнузданного пьянства; Эдмунд, в частности, описывает, как занимался любовью втроем на кушетке. Многие из них допирались до смерти. Делмор Шварц умер в пятьдесят два; Джон Берримен покончил с собой в пятьдесят семь; Шерли Джексон погибла в сорок пять; Роберт Лоуэлл умер в шестьдесят, и для этой компании считается, что пожил.

Сегодня те, кто столько пьет и веселиться, быстро получают диагноз — алкоголизм, наркомания, депрессия. Даже в самом сердце богемы, как метко замечает Джэймс Атлас, бывшее бражничество уже в далеком прошлом. Сегодняшние вечеринки больше похожи на рабочие встречи за бокалом-другим белого вина, разговорами с редакторами и агентами, а тут уже и домой пора, к детям. Очень редко кто готов выпить за обедом. Люди больше не собираются на кухнях, чтобы проговорить за бутылкой до утра. Жизнь стала более здоровой, размеренной, ориентированной на успех.

По той же схеме события развивались и в других кругах. Журналисты раньше пили, курили и сквернословили. Сегодня, на что не устают пенять пожилые репортеры, типичный пассажир предвыборного автобуса — вчерашний студент, тихоня с бутылкой минералки. На журналистских вечеринках никто не напивается, а кто напивается, тот, значит, неудачник. Судя по статьям в «Вестнике высшего образования», социальная жизнь академических кругов тоже стала преснее и унылее, чем еще двадцать лет назад. Даже такой эпицентр гедонизма, как Голливуд, и тот поражен заботами о здоровье, карьере и (относительной) умеренностью.

Бобо чаще обмениваются визитками, чем впечатлениями о разгульной ночи. Если говорить о потреблении алкоголя вообще, то, пожалуй, мы переживаем самые трезвые времена со времен сухого

закона за всю историю Америки. Отходит в прошлое алкогольная терминология — все эти сауэры, слинги, хайболлы, шипучки, посошки, мы стыдимся даже ностальгии по мартини и сигарным барам. Недавно, переключая кабельные каналы, я увидел старинную телевикторину Match Game '73. Шестерых знаменитостей попросили дописать слово «полу-», а участник игры должен был отгадать, что они написали. Его ответ: «полупьяный» оказался верным, поскольку слово «полупьяный» написали четыре из шести знаменитостей. Если тот же вопрос задать сегодня, самым популярным ответом, наверное, будет «полулегкий вес».

Безудержность и свобода старой богемы была одним из проявлений бунта против буржуазного ханжества. Но с тех пор, как буржуазия приспособила под себя культуру 1960-х, такой бунт утратил актуальность. Когда богемные символы поглотил мейнстрим, они утратили свой контркультурный пафос. Когда библиотекари падали в обморок от романов Генри Миллера, это было круто, но сегодня они уже не кажутся такими вызывающими. Перформансы с участием обнаженных когда-то будоражили культурное сообщество, но потом они стали очередной приманкой для туристов. Когда в 1970-х пионеры диско из Квинса и яппи с Уолл-стрит открыли для себя наркотики, они, естественно, воспринимались не как средство расширения сознания, но как опасная забава. Позиция «жизнь ради удовольствия» в культурном смысле больше не является бунтарской.

Более того, раньше на вечеринках действительно отдыхали. Днем людям приходилось сидеть на скучных работах, поэтому вечером хотелось немного кутнуть. Люди творческие вынуждены были жить в скучном обществе, поэтому им хотелось нарушать правила. Но бобо работать совсем не скучно, наоборот — интересно и увлекательно. Наверное, поэтому неудивительно, что их развлечения чем-то похожи на работу. Бобо — великие примирители, и совмещение работы и отдыха для них неизбежно, отчего одно становится еще интересней, зато второе заметно тоскливей.

Вы сидите за уличным столиком на Пьяцца-делла-Серениссима в одном из каменных городков, приютившихся в холмах Тосканы. Вы только что испытали двадцатиминутный экстаз во время посещения бесценных интерьеров крошечной базилики, расположенной вдали от стандартных туристических маршрутов. Вы составили вместе несколько металлических столиков, чтобы посидеть с новыми знакомыми, и за употреблением напитков, которые дома сошли бы за сироп от кашля, вы начинаете обмениваться историями путешествий. Кто-то вспоминает недавнюю поездку в долину Гереме в Центральной Турции и восхищенно рассказывает о пещерных городах, которые хетты выдолбили в вулканической лаве, но тут джентльмен в усеянной карманами рубашке перегибается из-за соседнего столика и вставляет свое: «Ну конечно. Только за последние пару лет Каппадокию жутко истоптали туристы».

Минуту спустя дама за вашим столиком пересказывает интересную историю, поведанную ей гидом экологического тура по Южному Белизу. «С тех пор как туда провели электричество, Южный Белиз уж не тот», — вздыхает мужчина с карманами. Это путешественник-бахвал. Есть такие искушенные бродяги, которые любят вывешивать пройденные крутые маршруты как юбилейные медали. Больше всего в жизни им нравится делать прозрачные намеки, смысл которых сводится к тому, что, куда бы вы ни собирались, они там были, когда это еще что-то значило. Откуда у них столько времени на путешествия — неизвестно; может, какой-то злобный филантроп платит за их кругосветные путешествия, чтоб потом они досаждали другим путешественникам, демонстрируя тем ничтожность их культурного багажа. Они мастера невыносимых вопросов. «Не там ли останавливался атабек Дамаска в тысяча сто тридцать девятом году?» — спросит такой господин, рассказывая об отдаленном оазисе, и оглянет слушателей взглядом, пол-

ным надежды, что кто-нибудь охотно подтвердит эту информацию. Вечерами он, наверное, заучивает названия малочисленных этносов: «Когда-то здесь рыбачили мобаби, пока кантути не вытеснили их выше по течению».

Излишне упоминать примыкающую к ним свирепую банду языковых снобов: «Полагаю, азы чинукского вы уже освоили?» Они не говорят: «я знаю» такой-то язык, предпочитая выражаться так: «у меня в активе несколько слов по-португальски» или «несколько романских языков у меня в активе». Все это языковой сноб произносит с такой наигранной небрежностью, что хочется зажать его голову в тиски и подкрутить, пока глаза не вылезут из орбит.

К сожалению, немногие следуют этому благородному порыву, даже зная, что появление такого человека предваряет вьетнамский синдром. Страдающие этим психическим расстройством любой разговор сводят к одному: путешествию во Вьетнам, которое перевернуло их жизнь. Бахвал-путешественник начинает изда- лека. Выдав нескольких аллюзий на свой обширный культурный капитал, он постепенно увеличивает свое присутствие в разговоре, ожидая подходящего момента, чтобы поглотить все ваше внимание. Бывает, блеснет луч надежды, когда кто-то вдруг начнет рассказывать про Эверест. Ага, думаете вы, парень бывал в Тибете, с ним придется вести себя поскромнее, но нет же — бахвал посещал Тибет еще до публикации «В разреженном воздухе»¹.

И тут уже начинается. Подробный рассказ о прохождении тропы Хо Ши Мина или о путешествии на переполненном душном поезде из Хюэ, описание всяческих чудес Северного Вьетнама, аромат камфоры, мельтешение тысяч велосипедов. Вы вдруг понимаете, что оказались в западне, и выйти из этого разговора с достоинством уже не удастся, придется страдать.

¹ Книга известного американского журналиста, путешественника и альпиниста Джона Кракауэра. Вышла в 1997 году.

«Никогда не думал, что кормление гусей может быть таким глубоким духовным переживанием», — будет говорить он, передавая фотографии, где он (тот, что в очках) стоит с местными жителями посреди рисовых полей в районе Май-Лаи. Он расскажет о бывшем вьетконговце, с которым они объездили долину Красной реки на запряженной волами телеге. В своих рассказах он всегда предстает эдаким доктором Ливингстоном, но мы-то знаем, что, когда он заходит в деревню, местные жители видят в нем только толстый кошель с разлетающимися оттуда долларовыми банкнотами. Если б такого деятеля обнаружили заколотым двенадцатью столовыми ножами, разгадать убийство было бы не проще, чем в романах Агаты Кристи, — мотив есть у каждого.

Подозреваю, что прикончить путешественника-бахвала нам не дают собственные грешки. Ведь тревел-снобами до определенной степени являются все представители образованного класса. Только если мы морщимся при виде орд жирных туристов, вываливающихся из огромных автобусов возле Нотр-Дам, бахвал надменно поглядывает на нас, поскольку прошел по лестнице нетривиальных путешествий на несколько ступеней выше.

Правила полезного отдыха гласят, что отпуск должен оцениваться по результатам — чему мы научились, каких духовных и эмоциональных вершин достигли, какие незабываемые ощущения испытали. А баллы в этой игре зарабатываются лишь на неизведанных маршрутах, благодаря умению тонко ценить редкие удовольствия. Поэтому бобо тратят невероятные усилия, чтобы отмежеваться от пассивных и неизобретательных туристов, которых целыми автобусами сгружают возле главных достопримечательностей. Туристы увешаны фотоаппаратами, поэтому бобо предпочитают обходиться без них. Туристы кучкуются на главных площадях, поэтому бобо больше времени проводят на задворках, наблюдая за времяпрепровождением настоящих местных, как правило, стариков, катающих металлические шары.

Поскольку туристы стараются объехать как можно больше мест за кратчайшее время, ответственный путешественник выбирает самый неспешный способ передвижения. По долине Луара бобо поплывет на барже и будет с высокого борта взирать на торопыг в машинах. По Новой Зеландии он поедет на велосипеде, пристыдив тех, кто отправился поездом. По Коста-Рике он пройдет на байдарках, ощущая свое преимущество над теми, кто пролетает мимо в самолете. Если место становится популярным у туристов, бобо сделает все, чтоб оказаться от него подальше. «Большинство туристов, приезжающих в Танзанию понаблюдать за дикой природой, отправляются в национальный парк Серенгети, тогда как заповедник Селус больше по площади и менее посещаем», — пишет редактор журнала *Natural History* Брюс Статс, очевидно обращаясь к образованному путешественнику. И пусть в Серенгети вы увидите куда больше, чем в Селусе, это не имеет никакого значения, бобо останется доволен своим путешествием, если оно будет изобретательным и нетривиальным.

Если бы Льюис и Кларк¹ были бобо, то по возвращении из своего путешествия они бы высказались в том духе, что: «Северо-западного пути мы не нашли, зато нашли самих себя». Деньги, которые мы тратим на путешествия, — это инвестиции в человеческий капитал. Осмотра достопримечательностей нам уже недостаточно, мы хотим проникнуть в чужую культуру, примерить на себя чужую жизнь.

Но не просто чужую жизнь. Если присмотреться к правилам путешествий и книгам, которыми пользуются бобо, легко различить четкий набор предпочтений. Бобо, как правило, ищет спокойные места, где люди давно пустили корни и следуют вековым установлениям. Иными словами, в своих путешествиях бобо бежит

1 Имеется в виду первая сухопутная экспедиция через территорию США от атлантического побережья к тихоокеанскому и обратно, предпринятая в 1803–1806 годах Мериуэзером Льюисом и Уильямом Кларком.

прочь от своего благополучного, устремленного к новым победам «я», желая попасть в мир, где духовность сохранилась благодаря тому, что этот мир не испытал на себе всей силы глобальной меритократии. Бобо испытывают склонность к Людям, Которые Знают, Как Жить — людям, которые работают в народных промыслах, рассказывают народные сказки, танцуют народные танцы и слушают народную музыку — ко всем этим коренным народам, безмятежным кустарям и прочим благородным дикарям.

По той же причине для прокопченных крестьян, пожилых фермеров, бывалых рыбаков, народных умельцев, потрепанных стариков, грузных местечковых поваров, для всех, кто никогда не пользовался и вряд ли воспользуется программой накопления миль, бобо — лох обыкновенный. И вот бобо разузнает про места, где такой «простой» люд встречается на каждом шагу — Прованс, Тоскана, Греция, деревушки в Андах или Непале. У местных там нет долгов по кредиткам, и в футболках с эмблемой NBA ходят немногие, а значит, жизнь их течет по древним законам, в соответствие с вековой мудростью. Жизнь таких людей кажется нам безмятежной. И пусть сами они беднее, их жизнь побогаче нашей.

В отпуске такие вещи, как оливковая роща или часовенка, приобретают для бобо особое значение. В идеале бобо смаковал бы жизнь пару часов ежедневно. Он бы зависал в trattoria, настолько далекой от актуальных событий, что у завсегдатаев не возникает даже мысли поинтересоваться, кто такой Билл Гейтс. Он бы восхищался сливочной полентой или пряным черепашиным супом, а то и расширил бы гастрономические горизонты до специалитета с костным мозгом. Он добавил бы в кофе сливок прямо из-под коровы и стал бы с наслаждением разглядывать разжиревших крестьянок на кухне, живописно облупившуюся краску на стенах, улыбки сотрапезников, которые вроде как принимают его в свой круг.

В таких местах удивительный ритм жизни. Но отпуск длится всего две недели, поэтому духовно развиваться бобо вынужден в уско-

ренном режиме. Большинство бобо разрабатывают несколько техник быстрого погружения, позволяющих им в полной мере постигнуть сельскую жизнь и прочувствовать несколько подлинных моментов. В этом смысле полезно бывает помаячить на периферии местной свадьбы. Еще один беспронятный маневр — это в разговоре с местными объявить о генеалогических связях с их страной: «А ведь второй муж моей бабушки был из Португалии». Правильно проведенный маневр гарантирует бобо-пилигриму шесть незабываемых моментов утром, два восторга днем, полтора глубоких наблюдения после обеда (в среднем) и две трети меняющего жизнь озарения после каждого заката.

Облагораживающие мучения

На зыбкой вершине статусного отдыха восседают те, кто проводит свой отпуск в бесконечной боли и мучениях. Речь идет о людях, которые идут форсированным маршем по горному леднику или засушливой пустыне по маршруту солдат Александра Великого, с той только разницей, что те его не выбирали, а шли под угрозой смерти. Или сидят облепленные москитами в джунглях, стараясь понять матушку-природу. Приятного в таких путешествиях мало, но трекары из образованного класса не ищут удовольствий. Они хотят провести свой драгоценный отпуск в мучениях, которые должны способствовать их интеллектуальным и духовным прозрениям. И вот туристические компании уже развивают богом забытые направления по всему миру. И такого рода туристские приключения и экологические туры пользуются у образованного класса все большим спросом.

Еще не так давно турпоход означал временный отказ от личных амбиций и карьерных устремлений. Но бобо вывозит свои амбиции и на природу. Он не просто отдыхает в лесу, он штурмует

горы, продирается сквозь джунгли, взбирается на ледники, прокладывает веломаршруты вдоль континентального водораздела. Если есть удобный путь на вершину, он предпочтет самый сложный. Если есть удобный поезд, он поедет на велосипеде по жутким дорогам. Природа для него — это полоса препятствий, требующих преодоления. Отправляясь на природу, он ведет себя вопреки ее законам. Животные в природе убегают от холода в поисках тепла и комфорта, бобо же бежит от удобств и ищет стужи и прочих лишений. Это дает ему ощущение полноты жизни, а поскольку вся его жизнь состоит из экзаменов на соответствие, путешествие становится еще одним таким тестом.

Руководители корпораций не любили распространяться о своих фронтовых приключениях. Теперь же каждый третий топ-менеджер сперва поразит, а потом утомит вас рассказами о покоренных им вершинах. Многие из них либо только что вернулись из экспедиции на покрытый вечными льдами пик, либо проходят серьезную подготовку, чтобы туда отправиться. Сидите вы на званом ужине, ковыряетесь спокойненько в салате, и вдруг до вас доносятся не предвещающее ничего хорошего «базовый лагерь» и «нулевая видимость». Выступающий воспаряет все выше, для вас же вечер идет под откос. «К физическим трудностям мы были готовы, важно было преодолеть все это психологически», — втолковывает любитель экстремального отдыха своей аудитории размякших сотрапезников, которые — о, жалкие — не привыкли месяцами тренироваться перед отпуском. Пока он рассказывает о своих похождениях, Роберт Пири уже добрался бы до Северного полюса, ведь важно упомянуть всех местных проводников (носителей народной мудрости), все брошенное по пути оборудование («Дело дошло до того, что пришлось выкинуть даже кофемашину»), все отмороженные пальцы (всегда есть человек, которому пришлось их ампутировать) и ненастные дни, проведенные

в палатках, сдуваемых с плато невероятной силы метелью, из-за которой не видно ни зги.

Возникает ощущение, что любая гора выше 3000 метров над уровнем моря усеяна миллионерами в ярких куртках, которые наслаждаются кислородным голоданием. Выслушивая подобные монологи, я всегда задавался вопросом: почему бы этим ребятам не устроиться вместо отпуска в бригаду дорожных рабочих где-нибудь в Миннесоте? Коль скоро они так ценят нечеловеческие условия, невыполнимые задачи, командный дух и чувство локтя, то в Миннесоте они бы заделали пару пробоин, а их злоключения привели бы к ощутимому результату.

Однако наш альпинист не для того обвесил своими карабинами полсвета, чтобы вкалывать на общественных работах. Ему нужно прекрасное. Он хочет видов, как в кинотеатре IMAX. Ему важно не просто страдать, а страдать за красоту. Он готов пережить жуткие мучения — будь то обледенелая вершина или малярийные джунгли, — чтобы прочувствовать духоподъемное величие первозданной природы. Ради запредельного экологического трипа он готов даже покалечиться.

Получается, что подобные путешествия — это невероятно дорогостоящий способ усмирения плоти и очищения духа. Вместо того чтоб заковывать себя в цепи и хлестать плетью — как делали самоистязатели прошлого, — берете десять, двадцать или шестьдесят тысяч долларов, летите в непригодную для жизни точку и мучаете себя в ожидании просветления. Монахи, строившие неприступные обители на скалистых берегах Уэльса, наверное, искали той же первозданной чистоты. Но они жили в своих пещерах годами, тогда как наш турист подвергнет себя неделю-другую суровому испытанию, да и вернется к понедельнику в офис бодрый и готовый к работе. Побуждения тем не менее схожи. От наркотического гедонизма Вудстока мы пришли к аскетизму экстремальных путешествий образованного класса.

Серьезная игра

И в этом направлении движутся не только заядлые походники. Все мы, как можем, стараемся быть причастны к жизни, полной испытаний. Мы надеваем ботинки, сконструированные специально для покорения Гималаев. Мы гуляем по осенним паркам в куртках, способных выдержать 40-градусные морозы. Мы покупаем одежду в каталогах типа Land's End, где на обложке изображены альпинисты на вершине Эвереста. Не так давно я посетил головной офис «Майкрософт» в Редмонде, штат Вашингтон, и все, кого я там видел, были экипированы для серьезного подъема: альпинистские ботинки, грубые штаны цвета хаки, мобильные телефоны подвешены на карабине к поясу.

Потом я поехал в гигантский, на 25 000 квадратных метров, молл REI в Сиэтле, где майкрософтчане покупают весь этот стаф. Это магазин товаров для энергичного отдыха энергичных людей. Чтобы попасть туда, мне пришлось ехать в центр Сиэтла. Я припарковал арендованный мини-вэн меж заляпанных грязью джипов в подземном гараже REI и пошел вдоль искусственного леса со сложным ландшафтом, спроектированным, чтобы покупатель мог протестировать горный велосипед. Проехавшись на лифте со сланцевым полом, я оказался на просторной галерее с огромными деревянными скамьями. Таблички заверяли, что на изготовление скамей пошли только деревья, поваленные ураганом 1995 года, и что живые деревья в производстве этого места для отдыха не пострадали. Над всем этим висят часы, указывающие время на Эвересте и на северном склоне Эйгера, что в Швейцарских Альпах, если вдруг вам вздумается туда позвонить.

Пройдя через главный вход, я оказался перед отделом ледорубов. Далее простирались целые поля товаров для суровых испытаний, витрина за витриной снегоступов, альпинистских кошек, каяков, парок — пугающее изобилие всевозможной экипировки.

Я, признаться, испытал нечто похожее на кислородное голодание. Цель добраться до кафе на последнем этаже магазина стала казаться невыполнимой. Я чувствовал себя, как герой книги Джона Кракауэра: оглушенный суровыми условиями, я знал только одно — нужно как-то собраться с силами и пробиваться дальше. Справа от входа расположился музей туристской экипировки, чтобы серьезному шопингу предшествовала просветительская прелюдия. В дальнем конце музея помещалась двадцатиметровая альпинистская стенка — самый крупный отдельно стоящий скалодром в мире.

Больше всего меня поразили не продавцы, сами по себе продукты культуры Сиэтла с его помешательством на мачо в шортах. Они мелькают своими необъятными икрами по всем торговым площадям и больше похожи на сбежавших с соревнований норвежских олимпийцев. И даже не покупатели — я был готов к толпам фигуристых программистов с альпинистскими очками на шее (нужно же быть начеку, когда двухсотметровый ледник, ослепительно блистая, закатится вдруг в город). Больше всего меня ошеломила необъятная шкала требований и запросов. Тому, кто собрался проводить свободное время с представителями образованного класса, придется доказывать свое серьезное отношение к предмету.

Нет более удачного и лестного эпитета для описания активного отдыха бобо, чем слово «серьезный». Серьезный лыжник, серьезный теннисист, серьезный бегун, биатлонист или даже скейтбордист. Люди, увлекающиеся этими видами спорта, постоянно оценивают друг друга по шкале серьезности. Самые продвинутые серьезны настолько, что вообще не испытывают радости, а тот, кто, оказавшись на поле, лыжне или корте, веселится и шалит, своим поведением оскорбляет всех представителей этого вида.

Итак, чтобы стать серьезным любителем, нужно освоить сложную науку экипировки, в которой дипломы по химии и физике Массачусетского технологического были бы уместным подспорьем. К примеру, за отделом ледорубов расположен резервуар, где поку-

патели тестируют и постигают различия между дюжиной различных фильтров и водоочистителей. Чтобы взять эту высоту, нужно научиться различать очистители из йодированной смолы и три-йодированной смолы, стекловолокна и плиссированного стекловолокна, с керамическим микрофильтром и микрофильтром со структурированной матрицей.

Дальше — больше. У каждой товарной позиции есть определенное количество опций, химическую инженерию которых способны понять только бывалые природные гики. Каждый товар оснащен толстым буклетом, под завязку набитым такими хай-тек словечками, что после этого выбор конфигурации стационарного компьютера — полевые цветочки. Даже такие простые вещи, как сандалии, могут быть вполне хай-тек, с ремешками и пряжками повышенной износостойкости и улучшенными характеристиками подошвы, если по дороге на концерт Аланис Мориссетт вам вдруг вздумается покорить вершину Пинатубо.

Пусть и смутные, но какие-то представления о правилах подбора снаряжения у меня были. Выбирая ботинки или джип, настоящие экстремалы отдают предпочтение самым большим. А вот контейнер для еды или спиртовку нужно брать самые маленькие. Есть позиции типа палатки или спального мешка, которые в сложенном состоянии должны быть маленькие, а в разобранном — большие. Но настоящий жизненный центр молла REI не здесь, а на втором этаже — в отделе спортивной и туристской одежды. Ведь если на ледники по-прежнему взбираются единицы, пользоваться их экипировкой и соответственно выглядеть, как они, хотят миллионы. Поэтому все проторенные тропы ведут туда.

Я поднялся в отдел одежды, чтобы перевести дух от хай-тек тарабарщины отдела снаряжения. И действительно, обнаружил несколько умиротворяющих вешалок с футболками приглушенных цветов из чистого хлопка. Но не прошел я и нескольких метров, как целые гектары полиэстера ослепили меня кобальтово-синим бле-

ском. Мне пришло в голову, что, если в семидесятых главными носителями полиэстера были в основном завсегдатаи дешевых дискотек, сегодня — это любители экстремального отдыха из привилегированных слоев. Между мной и кафе в дальнем конце этажа простерся зловещий лес парок из фиброволокна, спасательных жилетов, штанов с молниями, эластичных курток, анораков и пончо. И с каждого свисал гигантских размеров буклет, в котором подробно, как в диссертации по технической дисциплине, описывались все неоспоримые преимущества данного товара. В этот момент я, признаться, потерял волю к жизни. Мне хотелось сесть и помереть, и пусть мое безжизненное тело найдут в куче горнолыжных штанов из гортекса.

Но внутренний голос подбадривал меня, не давая заснуть вечным сном, и вскоре я уже продирался сквозь ряды снаряжения и экипировки, произведенных лучшими химическими лабораториями мира — Cordura, Polartec — из тканей преимущественно на «экс» Royalex, Spandex, Supplex, Gore-Tex. Там были парки по 400 долларов со встроенной динамической системой вентиляции и универсальными шарнирными рукавами (это, наверное, чтоб крутить руками на все 360 градусов); парки из грубого шелка, которые надеваются поверх других курток, нижнее белье с микроэлементами, сверхлегкие кальсоны, флис, микрофлис и биполярный флис (это, наверно, для людей, страдающих одноименным расстройством). Больше всего мне понравилась титановая парка Omnitech с двойным ультрапрочным слоем нейлона, керамическими вставками и запаянными полиуретаном швами. Я представил, как, надев однажды эту титановую парку Omnitech, я вдруг подумаю: «Вот иду я по лесу, а на мне целый звездолет».

В итоге мне пришлось прокладывать себе путь через отдел «туристического белья», я чувствовал себя мухой, попавшей в паутину из двустороннего полиэстра, термостойкого спандекса и особо прочной лайкры. Не найдя и пары честных белых трусов, я уже был готов объявить себя луддитом, выступающим против механизации

нижнего белья, но тут в полусотне метров от меня замаячило кафе. Остаток пути я проделал мимо художественной галереи с фотографиями величественной природы и лекционного зала, мимо книжной лавки и егерской базы, и вот, наконец, улыбчивый бариста предлагает мне горячие напитки и мультикультурный набор роллов и сэндвичей. Я устроился в беспорядочно расставленных современных мебелих, и постепенно до меня стало доходить, как это все полезно и правильно.

Я огляделся по сторонам — в магазине были только здоровые люди, образованные походники из тех, что регулярно ходят на работу, соблюдают режим питания и умерены во всем, включая увеселения. Судя по их обуви, одежде и рюкзакам, они явно разбираются в вопросах снаряжения и экипировки. Многие из них читали приобретенные в ближайшем книжном издания типа «Альманаха песчаного округа» Альдо Леопольда, излучая при этом обеспокоенность состоянием окружающей среды. Это было сообщество добрых пастырей, людей, готовых защитить планету и ее жителей. Раньше природа была дикой, неукротимой, полной дионисийских страстей и влечений. Но здесь были люди, готовые к осторожным вылазкам, способные не нарушить сложный природный баланс — они внимательно изучали все возможности, тщательно готовились и тренировались. Будь Норман Рокуэлл молод, он бы пришел в это кафе с мольбертом, чтобы запечатлеть на холсте сосредоточение доброй воли.

И заботливые садомазохисты из Arizona Power Exchange, и природоохранные, технически подкованные походники в торговом центре REI являются носителями этики бобо в том, что касается удовольствий. Но самое удивительное в этой довольно жесткой системе самоконтроля и дисциплины — это отсутствие каких-либо непреложных правил. Другие социальные группы и элиты прошлого соблюдали или хотя бы старались придерживаться морали религиозного толка: мастурбировать — грех, пьянство — порок. Однако

бобо не подходит универсальные нравственные законы, регулирующие дозволенные удовольствия, они предпочитают более приземленные правила самоконтроля. Запрет устанавливается на то, что вредно для здоровья или небезопасно. И напротив, все, что обогащает духовно или помогает сжигать калории, — поощряется. Иными словами, вместо нравственных законов свои плотские желания мы обуздываем из соображений полезности.

Бобо не отрицают пороков зеленого джина, мы помним об опасностях пьяного вождения. Мы не прославляем целомудрие, как божественную добродетель, но, говоря о безопасном сексе, мы не забываем уточнить, что самая безопасная форма безопасного секса — это воздержание. Говоря словами колумниста Чарльза Краутхаммера: «Основа современных правил сексуального поведения — профилактика венерических заболеваний». Поэтому в утренней телевизионной программе вы не увидите проповедника, рассказывающего, как дьявол искушает нас и склоняет к греху. Вместо этого день за днем эксперты по здоровому образу жизни и фитнесу заполняют утренние шоу разговорами об усиленных тренировках, самодисциплине, здоровом питании, полноценном сне и плодотворной жизни без излишеств.

Правила, устанавливающие приоритет здорового образа жизни, воспринимаются как способ ненавязчиво, исподтишка привить людям нравственные законы. Люди, им следующие, соблюдают дисциплину и проповедуют самоограничение, но делают это не ради души, но ради тела. Публицисты с активистами не раз указывали на нравственное обнищание образованного класса. Как следствие, в сексе и прочих удовольствиях превыше всего представители этого класса ценят полезность, безопасность и прочие утилитарные достоинства. Если вы живете в обществе, где редко кто оскорбится упоминанием Господа всуе, но почти все возмутятся, увидев, как беременная женщина прикуривает сигарету, значит, мирские ценности преобладают над божественными. Нельзя познать Бога, не

следуя Его законам, особенно тем, что регулируют наиболее интимную сферу вашей жизни. Приверженность здоровому образу жизни и ответственному потреблению отлично рифмуется с поверхностностью и отсутствием ясных ориентиров.

Бобо, как обычно, не закрывают глаза на критику. Но поскольку они так ценят свою независимость и автономность, то и подчиниться какому-то определенному набору заповедей им очень непросто. При этом их переполняют духовные порывы и манит потустороннее. Они не готовы отказываться от кажущихся невинными удовольствий только потому, что так велит какая-то религия, однако с удовольствием привнесли бы духовность в повседневную жизнь. Вот эти оппозиции — между независимостью и подчинением, материализмом и духовностью — мы и разберем в следующей главе.

6.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Я сижу на камне, на берегу Блэкфут-Ривер в Западной Монтане. Осеннее солнце блестит на воде, подсвечивая прибрежный тростник. Воздух тих и сух, я в полном одиночестве, если не считать парящего в небе ястреба и форели, что плещется в реке. Я приехал на место действия романа Нормана Маклина и экранизации Роберта Редфорда «Там, где течет река», и сижу вот, жду, когда время остановится и я почувствую мистическое единение с природой.

Но оно не останавливается. Я уже полчаса провел в этом прекрасном месте, а просветления так и не ощутил. Рядом бьется вечный пульс жизни: что-то нашептывает ветер, качаются ветви, беззвучно проплывает, покачиваясь, утка. Джон Мур был бы уже, наверное, в полном восторге. У Маклина бы уже завязалась содержательная беседа с рекой. Альдо Леопольд уже бился бы в экстазе, восхищаясь красотой какой-нибудь хворостинки. А мне хоть бы хны. Не тот, наверное, сезон для просветления.

Раньше я никогда не обращал на это внимания, но ведь больше всего искателей душевной гармонии с природой приезжают в Монтану именно ближе к середине лета. Именно посреди лета снимают фильмы наподобие «Заклинателя лошадей», а горожане приезжают в Монтану подлечить свои издерганные души. Но теперь октябрь, и место, наверное, подысчерпало свой духоподъемный ресурс. «В конце концов, все сходится воедино там, где течет река», — пишет Маклин, и, когда я прочел это в своей гостиной несколько месяцев тому, мысль показалась мне чрезвычайно глубокой. А теперь я даже не понимаю, что это, черт побери, значит. Воедино сошлись только мои замерзшие пальцы. В приключенческих книгах суровые условия обязательны к преодолению и лишь придают героям бодрости, но у меня от холодного ветра скоро отвалятся конечности. И в полном одиночестве ко мне приходят не глубокие прозрения, но мелкие страхи.

Писатели-натуралисты особенно ценят моменты, когда весь мир сводится до здесь и сейчас: ты, вода, лосось. Но на десять

милей вокруг я не найду ни души. И если подумать о превратностях, которые могут подстергать здесь одинокого путника — вывихнутая нога, сломанная машина, внезапный приступ аллергии, — то в поисках внутренней гармонии вблизи телефона-автомата или станции «Скорой помощи» видятся свои преимущества. Треск веточки кажется уже предвестником спешащего познакомиться гризли. Я смотрю на часы и понимаю, что пора бы уже испытать единение с творением Божьим, а то ведь на шесть у меня зарезервирован столик в Мизуле.

Душевная лихорадка

К финалу всякой лихорадки подтягиваются самые лохи. Старатели, прибывшие в Калифорнию в конце 1850-х, точно не успели к раздаче разбросанных по земле самородков. Современная Душевная лихорадка в Монтане как раз входит в стадию наивысшей конкуренции за просветление, поскольку в американском сознании штат прочно осел на духовной возвышенности, став одним из тех мест, Где Жизнь Простая и Честная. В 1948 году Лесли Фидлер опубликовал в *Partisan Review* эссе «Лицо Монтаны», в котором высмеивал аборигенов за их приверженность дедовской суровой простоте. Однако будущее уж не манит нас столь откровенно, как полвека назад, и суровая простота Монтаны привлекает нас куда больше. Монтана стала одним из противоядий от нашего полного хлопот и тщеты существования, оттеняя суетные амбиции городской жизни и полуфабрикатную посредственность пригородных тупичков. Это места красивые, заповедные, неспешные и простые. Когда продюсерам фильма Робина Уильямса «Куда приводят мечты» потребовался локейшн для съемок рая, они выбрали Монтану.

Естественным образом частные самолеты регулярно сгружают в Монтане олигархов и голливудских звезд. И это не только

Тед Тернер, Джейн Фонда, Том Брокау, Дэвид Леттерман, Стивен Сигал и прочие знаменитости, но и участливые кардиологи из Чикаго, и бывалые риэлторы из Атланты, и любящие природу юрисконсульты по делам завещаний из Сан-Хосе. Все они нашли место, чтобы подзарядить батареи, подышать сосновым воздухом, почувствовать себя одиноким и сильным — но летом. В один только национальный парк Глейшер ежегодно приезжает два миллиона туристов запастись духовностью перед лицом величия природы. Фильмы вроде «Заклинателя лошадей» складываются в мифологию верхушки среднего класса: искушенная редакторша приезжает из Нью-Йорка в Монтану, где знакомится с простым и честным парнем, который умеет разговаривать с лошадьми и помогает ей заново открыть для себя самое важное в жизни. Такие вот продвинутые да успешные и надстроили поверх настоящей Монтаны Монтану процветающую.

Их духовная Монтана кормится идеей Монтаны и ее природной красотой и редко касается однообразной реальности здешних низов среднего класса. Духовная лихорадка началась, когда несколько местных жителей со склонностью к литературе совершили судьбоносное открытие. Они открыли, что у них есть гений места. Каждый из нас где-то живет, но далеко не у каждой территории есть та специфическая аура, которую мы называем «гением места». Собираясь в места, где гений есть, люди оставляют свои амбиции дома. Это выражение мы чаще всего используем для описания отдаленных мест, которые неподвержены сиюминутным переменам, и больше тяготеют к старине, чем к современности, где шансов разбогатеть или прославиться совсем немного. Писатель мог называть такое место удушливым болотом. Амбициозные старшеклассники мечтали оттуда бежать. Однако для обремененных благоприятными возможностями и высокими запросами представителей образованного класса такая неизменность становится оазисом душевного спокойствия. Из таких мест люди со спо-

койным сердцем уходят в иной мир, так, во всяком случае, кажется искушенным приезжим.

«В Монтане есть особый дар — и это пространство, — пишет местный автор Гленн Ло, — ландшафт со своим особым характером; пространство, которое уходит за горизонт, а потом возвращается и забирается прямо в душу, обволакивает ее и греет, отчего душа начинает расти».

Несмотря на низкую плотность населения, певцов ландшафта в Монтане хоть отбавляй. В Монтане жили и ей же посвящали свое творчество Норман Маклин, Уоллес Стегнер, Ричард Форд, Уильям Киттредж. Но есть еще тысячи менее известных писателей, которых по штату разбросано не меньше, чем еловых шишек. В любом крупном журнале вы найдете лирическое произведение туземного мастера слова, воспевающего деревья и лосося. «Проследить историю реки или капли дождя вслед за Джоном Муром, — пишет Гретель Эрлих в „Просторах Монтаны“, одной из многих антологий, опубликованных за последнее время, — значит проследить историю души, историю нисходящего на тело духа и его становления. В обоих этих изысканиях мы непрестанно ищем и обнаруживаем божественное, которое, подобно источнику, питающему озеро, или ручейку, обернувшись водопадом, питает, проливается, ниспадает и снова питает, и так до бесконечности». Передайте вяленую говядину, пожалуйста.

Когда стало ясно, что в Монтане появилась самобытная региональная литература, из столичных фондов на штат низошли целые команды специалистов по поиску Неповторимых Голосов. Вереницы служителей Рокфеллера, Форда и Мак-Артура идут по горам и долам в поисках свежих, неиспорченных литагентами поэтов. TriQuarterly и прочие высоколобые издания посвящают западным самородкам специальные номера. При активном участии Гуманитарного комитета Монтаны десятки Самобытных Голосов были согнаны в одну гигантскую антологию — объемом более тысячи

страниц — под названием «Последнее лучшее место на земле». Этот, размером с могильный камень, фолиант, вобравший в себя высокую духовность мудрецов здешних гор, похож на монолит велеречивости и целиком посвящен, как правило, немногословным и сдержанным жителям Запада.

Нынче в Монтане и на берег реки просто так не выйдешь — обязательно вернешься с корзиной свежих метафор. Философствующие рыбаки стоят по колено в литературных водах со спиннингом в одной руке и дневником в другой. Литературный журнал «Огни севера» — одно из множества изданий, которых за последнее время развелось как грибов по осени. Вместе с ними развелись во множестве дискуссионные группы, общества собирателей фольклора, курсы литературного мастерства и керамические мастерские. В штате серьезно повысилась концентрация благонамеренных и обстоятельных организаций типа Консенсус Монтаны и Лига за добросовестное использование земельных ресурсов. Среди коренных жителей едва ли найдется водитель грузовика, у которого под сиденьем не будет черновика романа воспитания, который он доводит до ума вдали от людских глаз. Штат вдруг наводнили керамисты, независимые режиссеры, удаленно работающие сценаристы и целые ватаги риэлторов, разъезжающих по долинам, дабы отоварить всех желающих приобщиться — кого избушкой класса люкс, кого таймшером.

В общественных местах буддисты Скалистых гор сидят с ковбойскими мудрецами, спустившимися из своих обширных угодий, чтобы светануть вечером новой бляхой, выпить местного пива и послушать исполнителей кантри с научной степенью. В такой атмосфере естественным образом обостряется конкуренция на заглавия. Писатели Монтаны предпочитают использовать в названиях романов простые, близкие к природе слова: небеса, озеро, гора, снег. Поэтому когда писатель спускается с гор, чтобы объявить, что он назвал свою новеллу «Снежный мост над горным кедром», есть

вероятность, что кто-то из круга небожителей уже застолбил это заглавие, и тогда жди беды.

Я сам бываю на ранчо в 60 милях от Бозмена. Так вот в 1980-х, когда ты брал на ранчо лошадь для прогулки, ковбой давал десятиминутный инструктаж о том, как не убиться, катаясь верхом. Теперь в разгар Душевной лихорадки на том же ранчо вас усаживают на семидесятиминутную лекцию, в которой поднимаются вопросы духовной жизни лошадей, техники общения с лошадьми, эволюционных секретов лошадиной психологии и созерцательных опытов в процессе прогулки. Нынче каждому ковбою приходится быть хоть немного Германом Гессе, а каждому служителю бензоколонки с отсутствующим взглядом — претворяться, что на самом деле он погружен в глубокий самоанализ.

Флексидоксы

Не так давно в одной из монтанских газет я прочел статью о единственной еврейской общине Миссулы, которой руководит ребе Гершон Уинклер. Компания подобралась довольно пестрая — в общине есть как выходцы из Лос-Анджелеса, так и ньюйоркцы, поэтому ребе Уинклер, не акцентируясь на ортодоксальном, консервативном, реформаторском или реконструктивистском иудаизме, практикует некую гибридную форму, называя себя флексидоксом.

Вполне подходящее слово для описания характерных для Монтаны духовных томлений, в которых стремление к свободе и гибкости сочетается с ортодоксальной строгостью и приверженностью традиции. В конце концов, коренной житель Монтаны всегда ценил гибкость, свободу и независимость. В этом штате до последнего времени не было ограничения скорости на трассах, что демонстрирует, с какой неохотой местные жители воспринимают любые указания сверху. Неудивительно, что представители образованного

класса с бунтарскими наклонностями готовы обрести здесь свой духовный дом.

Только ведь Монтана — это не страна чудес, где последователи нью-эйдж могут наконец расслабиться. И не калифорнийское побережье с лесами вместо вилл. Суровый климат Монтаны отнюдь не способствует расхлябанности и экспериментам. Местные писатели могут прослезиться, повествуя о косяках форели, но в рыбаках их восхищает именно дисциплина, четкость и слаженность действий. Именно ставшие классическими традиции, бесконечные повторения и безропотное следование веками выверенным правилам вызывают их восторг.

Норман Маклин и Уоллес Стегнер совсем не похожи на прокуренных шестидесятников или ньюэйджеров. Местные жители с пренебрежением относятся к суетливым дилетантам, которые приезжают на несколько дней непринужденного общения и бегут обратно в город, как только небо затянет тучами. Из тех, кто покупает здесь дачи, примерно половина продает их через несколько лет, осознав, что строгое величие отпускается здесь по замороженной цене. Коренные и желающие стать коренными жители Монтаны стараются отмежевываться от тех, у кого нет настоящей грязи на ботинках, кого ни разу не лягала лошадь и кто не пробыл здесь достаточно, чтобы прочувствовать тоску одиночества. Это по-прежнему штат ранчо и грузовичков, а не обществ трансцендентной медитации. Даже преподаватели писательского мастерства приезжают сюда, потому что хотят жить среди нормальных, близких к земле людей.

Есть в здешнем характере еще одна черта, противостоящая расхожему прекраснодушию, и ярче всего она проявляется, когда обитатели Монтаны говорят о своих связях с землей. Становится понятно, насколько здешний дух укоренен в чем-то вполне осязаемом. В разговорах местных о чувстве дома слышатся отголоски почвенничества и местечкового национализма, более характерного

для Европы, нежели для Штатов. Такие скрепы пестуют консерваторы, да чуть не реакционеры, и основываются они на той предпосылке, что привязанность человека к конкретному пейзажу сильнее и глубже, чем рациональный подход и возможность выбора. Такие связи крепятся годами страданий, поколениями, увлажнявшими землю потом и кровью. Консерватизм происходит здесь от недоверия к переменам и всему, что может изменить ландшафт или характер любимого места. Коренные жители Монтаны считают необходимым упомянуть в разговоре, сколько они здесь прожили и как давно обосновались здесь их предки.

Но и местные, и залетные любят Монтану главным образом за то, что здесь нет ничего самого передового и новейшего. Это не Калифорния или Нью-Йорк. Это неторопливое место, где всяческие нововведения тормозятся суровым климатом, удаленностью и традициями. Местная литература имеет элегический характер и тесно связана с писателями прошлого. Здесь расширению предпочитают углубление. Вместо того чтобы перебирать места и занятия, из года в год монтанцы делают одно и то же, а разнообразию укладов и стилей предпочитают несколько устоявшихся традиций. Жизнь в таком удалении предполагает отказ от возможностей хорошо зарабатывать и познать все многообразие большого города. «На ранчо нет корпоративной лестницы», — пишет Скотт Хиббард в антологии «Пространства Монтаны». «Став хозяином ранчо в 25, через полвека вы будете делать, в сущности, то же самое, за те же деньги». Однако местные жители, похоже, готовы к таким компромиссам, не без оснований полагая, что возможности и развлечения восточного и западного побережий не восполнят нерасторжимых и глубоких связей, которые человек приобретает, укоренившись в таком месте.

Вот почему термин «флексидокс» так уместен в Монтане. В нем прослеживается двойственная природа здешней духовности, которая начинается с гибкости и свободы, с желания забыть про

начальство и жить самостоятельно и автономно. Но в ней же содержится противоположный импульс, движение в сторону ортодоксии, в котором проявляется стремление сделать основой духовности вполне осязаемую реальность, вековые устои, и связи, которые зиждутся на более глубоких вещах, нежели рациональный подход и возможность выбора.

А разве не то же стремление уравновесить свободу приверженностью корням лежит в основе духовных запросов образованного класса? Этот класс сформировался в борьбе против главенства предшествующей элиты. Начиная с 1950-х годов книги и фильмы, на которых учились его представители, выступали против конформизма, единоначалия и слепого повиновения. Провозгласив свободу и равенство, представители образованного класса выработали правила экспрессивного индивидуализма. Им удалось разрушить старую иерархическую пирамиду. Они выработали характер, в котором желательными, даже обязательными достоинствами считаются стремление к новизне, расширение собственного «я» и личностный рост.

В результате реформ, начатых преимущественно образованным классом, люди стали пользоваться большей свободой выбора. У женщин появилось больше вариантов трудоустройства и личной жизни. У различных этнических групп появились возможности выбора школы для своих детей и клуба для взрослых. Свобода выбора торжествует повсюду от цельнозерновой буханки на фермерском рынке до партнера в постели.

Однако если всмотреться повнимательней в сегодняшних представителей образованного класса, легко заметить, что свобода выбора — это уже не альфа и омега. Свобода духа может обернуться духовной ленью, осознанная религиозность — показной набожностью, а приверженность идеалам нью-эйдж может привести к отчаянному самолюбованию. Ниспровержение авторитетов привело не к рассвету новой эпохи, но к вызывающей тревогу утрате

веры в общественные установления, сумятице в духовной сфере и социальным потрясениям. Поэтому, взглянув на сегодняшних бобо, вы увидите, как они пытаются восстановить прервавшиеся связи.

Это видно в пенсильванском Уэйне, где знающие толк в потреблении бобо закупают деревенскую мебель, навевающую воспоминания о традициях, обычаях и старинной простоте. Это видно и в вермонтском Берлингтоне, куда образованные и состоятельные переехали в поисках тесных социальных связей, возможных только в маленьких городках. Это видно и в выборе направлений для отдыха — бобо все чаще тянет в места, где жизнь коренного населения течет в соответствии с традициями и древними установлениями. Это видно и в Монтане, куда жители больших городов приезжают в поисках места, которое они могли бы называть своим домом.

Заядлые сторонники прогресса бобо оказались духовными реакционерами. Они тратят уйму времени на поиски простых радостей и жизненной мудрости, которой носителям традиционных ценностей как будто вполне хватает, в отличие от качующих за удачей и новыми возможностями бобо.

Перед образованным классом встает вопрос: как усидеть на двух стульях? Можно ли держаться корней и быть при этом свободным? Ведь представители образованного класса и не думают отказываться от свободы личного выбора и возвращаться в мир подчинения и зависимости. Никто не собирается откатываться назад и уступать завоевания культурной и социальной революций, столько сделавших для расширения личных свобод. Бобо хотят найти путь примирения. Но на этом пути им придется ответить на следующие вопросы: можно ли по-прежнему поклоняться Господу, если ты сам для себя решил, что многое из того, чему учит Библия, сегодня не годится? Нужно ли воспитывать в себе чувство к малой родине, зная, что ты наверняка уедешь, если тебе предложат работу поинтереснее? Получится ли установить традиции и упорядочить свою жизнь, если твой внутренний императив подталкивает тебя к постоянным

экспериментам? Я уже говорил о крупных примирительных проектах, предпринятых бобо, но совместить несовместимое в духовной сфере сложнее всего. Бобо пытаются построить крепкий дом обязательств на шатком фундаменте выбора.

Ограниченная жизнь

Когда представители образованного класса заново открыли для себя всю ценность локальных привязанностей и жизненно важную роль, которую глубокие связи играют во внутренней жизни каждого, книги и статьи о сообществах и гражданской взаимопомощи, о воссоздании структур, с помощью которых люди поддерживают друг друга и находят свое место в обществе, полились рекой. Одной из наиболее взвешенных работ стала книга Алана Эренхолта «Потерянный город», вышедшая в 1995 году. Среди прочего Эренхолт вспоминает сплоченное сообщество одного из районов Чикаго 1950-х, вспоминает с любовью, но без сквозящей ностальгии. Такие рабочие и мелкобуржуазные районы сегодня служат образцом для многих наших сограждан, стремящихся к возрождению общинных ценностей. К примеру, в приходе церкви Св. Николая на юго-западе Чикаго дети свободно бегали из дома в дом, и всегда находилось, кому за ними присмотреть. Летними вечерами все высыпали на улицу, чтобы поболтать с соседями и перекинуться шуткой с прохожими. За покупками ходили чаще всего в семейные магазины, одной из которых была мясная лавка Бертуччи. Ник Бертуччи был хорошо знаком с большинством своих клиентов, которые собирались в его лавке, чтобы обменяться свежими сплетнями. Близлежащая фабрика Nabisco обеспечивала работой многих жителей района, и бывало, что в одном цеху работало до трех поколений одного семейства. Район был преимущественно католический, и большинство жителей по воскресеньям ходили на мессу в церковь

Св. Николая. Локальные связи были крепки. Когда местного жителя спрашивали, откуда он, то вместо того, чтобы ответить — из Чикаго или даже с Юго-Запада, он говорил: «Я с угла Пятьдесят девятой и Пуласки». Это во многом был удивительный район, и жители вспоминают о нем с любовью.

Эренхольт, однако, без промедления сообщает, что основной причиной такого добрососедства были общие для всех трудности. В частности, материальные. Летними вечерами люди высыпали на улицу потому, что ни у кого не было кондиционеров. Телевидение только набирало популярность, поэтому дома-то и делать особо было нечего. Более того, они жили в крошечных домиках, значительную часть которых занимала зала, которой пользовались только по особым случаям. Дома просто не хватало личного пространства.

Первая глава эренхольтовской книги называется «Ограниченная жизнь», из чего становится понятно, что люди, жившие в приходе Св. Николая, терпели и более серьезные ущемления. Это был однородный по этническому составу район со всеми вытекающими: обособленностью, ограниченностью интересов и набором предрассудков. Возможностей выбраться из этих тенет в широкое поле американской экономики, преуспеть на Стэйт-стрит или Мичиган-авеню у здешних обитателей было не так много. Большинство жителей Юго-Запада не обладали ни правильными манерами, ни правильным акцентом, ни нужными социальными связями, поэтому двери в более высокие эшелоны корпоративного мира были для них закрыты. Да и водоворот космополитичного центра Чикаго был для прихожан Св. Николая чем-то весьма отдаленным: многие семьи выезжали туда раз в год, поглазеть на рождественские витрины.

Были и другие сложности. У женщин был ограниченный выбор профессии, что было плюсом для местных школ, но могло не устраивать способных девушек, стремившихся совсем не к педагогической карьере. Эренхольт прилагает школьную фотографию.

За ровными рядами идеально чистых парт сидят аккуратные ученики в одинаковой форме, с почти одинаковым выражением лица. Все это напоминает школу дисциплинарного образца, подвергшуюся в течение следующего десятилетия практически полному разгрому.

Далее, Nabisco обеспечивало мужчин работой, но, когда дело касалось зарплаты, их нередко обсчитывали. Коррумпированный профсоюз полюбовно обделывал делишки с компанией. Рабочие знали об этом, но других вариантов трудоустройства у них не было. В политике тоже особого выбора не было. Местное правительство работало на автомате; местные жители присягали ему на верность. Эренхолт пишет о некоем чикагском деятеле по имени Джон Дж. Фэри, который всю жизнь беспрекословно выполнял приказы Ричарда Дж. Дэлая. Когда же Дэлей выдвинул его за выслугу лет в Конгресс, Фэри сообщил газетчикам: «Я двадцать один год представлял нашего мэра в законодательном собрании, и он всегда выходил правым». Подобный пиетет перед властью является примером вполне обычных для 1950-х умонастроений в таких районах. В этом видении мира повиновение является важной добродетелью, а авторитет, порядок и длительные отношения важнее свободы, творческого подхода и тяги к переменам.

Эренхолт посвятил целую главу религиозной жизни прихода. В церкви Св. Николая было 1100 мест, и по воскресеньям в начале каждой мессы все места были заняты. Дело было до Второго Ватиканского собора, поэтому служба велась на латыни. Священники стояли спиной к прихожанам, лицом к алтарю. Монсеньор Майкл Дж. Феннесси напоминал свой пастве, что дьявол не дремлет, что грех и соблазны повсюду. Эренхолт отмечает, что в 1950-х священнослужители куда охотнее говорили о дьявольских кознях, чем сегодня.

Духовная жизнь была так же упорядоченна и иерархична, как экономическая или политическая. Путь к правде один, а вот тропинок заблуждений — множество, поэтому проще идти прямо,

не глядя по сторонам. Христос ведет верным путем, сатана с него сбивает. Все грехи были классифицированы и пронумерованы, впрочем, как и добродетели. Приход входил в архиепископство, архиепископство, в свою очередь, тоже структурно куда-то входило. Ключевые вопросы духовной сферы ставились иначе: если представители образованного класса вопрошают: «Чего я ищу в этой жизни», то прихожане тех лет больше полагались на Всевышнего: «Чего ждет от меня Господь, что Ему угодно?» Нельзя забывать, что и «Отче наш» читается от первого лица множественного числа — то есть всей паствой — и в первых же строках молитвы говорится о власти Господа и Его планах на будущее: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе». В общем и целом духовный универсум был столь же упорядочен и иерархичен, как и физический.

Эренхольт подчеркивает, что такой извод католицизма был широко распространен в Чикаго 1950-х. В городе было два миллиона практикующих католиков, 400 приходов, 2000 священников, 9000 монахинь и порядка 300 000 учеников приходских школ. Между 1948 и 1958 годами в архиепископстве открывалось в среднем по шесть новых приходов в год — не только в рабочих районах с традиционно сильной привязанностью к организованным формам религии. В 1950-х люди с высшим образованием все еще массово соблюдали религиозные ритуалы. Более того, люди с университетским дипломом или ученой степенью посещали церковь или синагогу даже с большей регулярностью, чем их менее образованные сверстники.

Раскрепощенная жизнь

Не подлежит сомнению, что в 1950-х этике зависимости и подчинения и всей иерархической космологии уже противостояла современная мысль. Писатели и публицисты, следившие за событиями

ями в мире, считали, что Америка стала слишком упорядоченной, слишком инертной, слишком коллективистской.

Основной посыл публицистики 1950-х — будь то «Человек организации» или «Одинокая толпа» — сводился к тому, что в стране установилась удушливая атмосфера услужливости. Писатели всех мастей критиковали конформизм, инертность, зависимость. Уильям Уайт роптал на преобладающий в обществе порядок, акцентирующий «принадлежность» и «представление о группе, как источнике творческого потенциала». Книгу Дэвида Рисмена «Одинокая толпа» публика восприняла как критику «человека, сортированного другими», заполошного конформиста, которого страшит сама мысль о том, что он может что-то нарушить или как-то выделиться, который готов воспитать в себе все «характерные, даже карикатурные качества и пороки», лишь бы только вписываться в группу. Протестантский теолог Пауль Тиллих видел в американцах людей «с сильным стремлением к безопасности, как внутренней, так и внешней, готовых заплатить любую цену за то, чтобы быть принятым в группу, неготовых демонстрировать личные качества, согласных на умеренное счастье без серьезных рисков».

Эти писатели воспользовались выдвинутой философом Джоном Дьюи оппозицией между «традиционной» и «осознанной» моралью. Традиционная мораль — это мораль племени, группы, домашние правила, установленные родителями, которые не принято подвергать сомнению. Она зиждется на древних установлениях и почтении к вечным истинам. Осознанная мораль основана на непосредственном осмыслении. Она начинается с размышлений о последствиях того или иного поведения. В ней больше места для эксперимента и рефлексии, поскольку каждый индивидуум ставит под вопрос старые правила и делает собственные выводы. В 1950-х большинство писателей рассчитывали, что американцы, открепившись от традиционной морали, созреют для осознанной.

Отход от религии в сторону автономии и психологизма считался весьма прогрессивным. Общественные деятели призывали к поиску непосредственной, личностной духовности. «Мы надеемся увидеть вас нонконформистами — ради вас самих, ради страны, ради человечества», — проповедовал Тиллих университетской аудитории в 1957 году. В сущности, авторы, будь то социологи, фрейдисты, теологи или битники, — все советовали молодым оторваться от их групп, районов и религиозных общин. По пути духовного самосовершенствования нужно идти самостоятельно.

Изменились и нравы образованного класса. Писатели, ученые, университетские преподаватели принялись воспитывать в своих детях индивидуализм, между подчинением и самостоятельностью выбрав последнее. На Юго-Западе детей все еще учили подчиняться авторитетам, а в нескольких милях от них, ближе к озеру, в районе Чикагского университета и Гайд-парка, процветала совсем другая культура.

В 1957 году Исаак Розенфельд в опубликованном в *Commentary* эссе «Жизнь в Чикаго» писал: «Отличить академический район от неакадемического можно по поведению детей и по тому, можно ли расслышать голос собеседника поверх их трескотни. Если разговор поддерживать все-таки можно, значит, район неакадемический». Господствующим направлением общественной мысли в те годы стало движение к индивидуальному самовыражению, прочь от коллективизма и чинопочитания сообществ, подобных приходу Св. Николая. Каждый человек не только может, но и должен найти свой путь к духовному росту — возвести глашатаи образованного класса.

Плюрализм

Не прошло и полувека, как эти взгляды восторжествовали. Сегодня куда интереснее быть неординарным, нежели «как все»;

«нонконформист» сегодня звучит куда благозвучнее, чем «конформист», а бунтарем быть много престижнее, нежели послушным исполнителем. Все многообразие проявлений индивидуализма — вот что стало основой духовной жизни бобо.

Сторонник духовного плюрализма убежден, что свести Вселенную к единому естественному порядку или божественному плану просто невозможно. Соответственно путь к спасению тоже не один. Счастье, мораль и добродетель у каждого могут быть свои. Более того, никто и никогда не приходит к окончательному ответу или несокрушимой вере. Жизнь — это путешествие. Оставаясь несовершенными, мы постоянно делаем выбор, исследуем, создаем. Мы многолики.

Поэтому верным принципом следует считать максимальную открытость новым дорогам и возможностям, непредвзятое, благожелательное отношение к мнениями, темпераментам и взглядам на мир. Джейн Джэйкобс начинает свою книгу «Смерть и жизнь больших американских городов» с цитаты из Оливера Венделя Холмса, воспевающей духовное разнообразие: «Основная ценность цивилизации в усложнении средств и способов жизни. Потому что чем более сложных и напряженных умственных усилий требуют эти средства, тем полнее и богаче жизнь. Тем ее, жизни, больше. Жизнь сама по себе конечна, и единственный вопрос относительно того, стоит ли вообще жить, зависит от того, насколько эта жизнь насыщена».

Мы имеем дело с новым набором ценностей: многообразие, сложность, исследование, самоанализ. Сегодня эти ценности разделяют миллионы. Эту же мысль в своей книге «Обретая нашу страну» высказывает философ Ричард Рорти. Цель каждого общества, пишет он, в создании «наибольшего многообразия индивидуальностей — еще более широких, наполненных, наделенных богатым воображением и дерзновенных индивидуальностей». Наши усилия, продолжает Рорти, должны быть направлены на построе-

ние общества, где «будущее бесконечно расширяется... В ходе экспериментов с новыми формами частной и общественной жизни они взаимодействуют и укрепляют друг друга. Частная жизнь станет непредставимо разнообразной, а общественная — непредставимо свободной».

Весьма оптимистичное мировоззрение. Самореализация через непрерывное расширение собственного «я». Более того, свобода может вести к порядку. Если мы предоставим людям максимум свободы, чтобы каждый мог реализоваться в полной мере, всеобщие усилия, взаимодействуя, сплетутся в сложную динамичную гармонию. (Вспомним улицу Джейн Джейкобс.) Все, что для этого нужно, — это люди доброй воли, которые самостоятельно прокладывают свой путь, оставаясь открытыми и терпимыми и не пытаясь навязать свой путь другим.

Духовная свобода

Дважды приглашать представителей образованного класса попробовать плоды духовной свободы не пришлось. Многие опрометью метнулись прочь от церемониала официальных религий, чтобы пуститься в одиночное духовное плавание. Джерри Рубин, в жизни которого как в кривом зеркале отразились вехи того переходного времени, писал в своих мемуарах «(По)взрослеть в тридцать семь»: «За пять лет с 1971 по 1975 я непосредственно испробовал ЭСТ-тренинг, гештальт терапию, занятия по биоэнергетике, рольфингу, массаж, бег трусцой, здоровое питание, тай-цзы, Эсален, гипноз, современный танец, медитации, метод Сильвы, школу Арика, акупунктуру, секс-терапию, терапию Райха — то есть практически все блюда из меню Нового Сознания».

Гуру нью-эйдж учили своих последователей Любить Самое Себя, и, когда мир захлестнули потоки духовного эгоцентризма, раз-

ные авторы обозначили этот феномен как «радость самоизъявления», «добродетельное сладострастие» или «гедонистический эгоизм». Конечно, эта дорожка увлекла далеко не всех. Америка не так проста. Но в 1970-х — начале 1980-х был момент, когда люди на полном серьезе к любому слову приставляли «само-», когда лечебно-оздоровительное просветление победным маршем шло по США. То был апогей духовного индивидуализма. Движение за развитие Человеческого Потенциала, по крайней мере в среде образованного класса, достигло своего пика, со всеми характерными для нью-эйдж умонастроениями типа «моя свобода быть собой — твоя свобода быть тобой» и прочими атрибутами явления, суть которого в духовности без обязательств.

Когда Роберт Белла и его исследовательская команда в 1985 году опубликовали «Привычки сердца», Америка, по крайней мере ее образованный класс, была с головой погружена в самопознание и уже не желала выказывать покорность традиционной духовной власти. Среди прочих Белла и его команда интервьюировали молодую медсестру по имени Шейла Ларсон, которая заявила, что исповедует шейлаизм. Девушка придумала собственную религию, в которой все, что удовлетворяет ее потребности, и есть — Бог. «Нужно просто стараться полюбить себя, быть нежной с собой, — объясняла она. — Ну и вообще, заботиться друг о друге».

«Привычки сердца» стали важной книгой еще и потому, что одними из первых предвестили отказ образованного класса от крайних форм духовного индивидуализма: «Мы полагаем, что представления образованных американцев о себе, представления, в последние годы, ставшие фактически доминирующими в наших университетах и популярные у среднего класса, по большей части основываются на неверных социологических предпосылках, однобокой философии и бессодержательной, малоосмысленной теологии. Шоры радикального индивидуализма мешают разглядеть многие важные вещи. Мы находим себя не в изоляции от других людей

и организаций, но через них. Невозможно прийти к себе в одиночку. Мы открываем себя лицом к лицу и бок о бок с товарищами по учебе, сослуживцами, возлюбленными. Всякая деятельность невозможна без взаимоотношений, групп, альянсов и сообществ, которые управляются организационными структурами и через эти же структуры осмысляются». Белла и его коллеги попытались высветить целый круг проблем, возникающих, когда индивидуалистическая духовная свобода доводится до абсолюта. Именно эти аргументы легли в основу ставших со временем общепринятыми в среде бобо представлений.

Во-первых, может, и нет никакого «настоящего себя», которое можно было бы отделить от внешних связей, составляющих нашу жизнь. Может, те, кто все глубже погружаются в себя, на самом деле барахтаются в пустоте. Во-вторых, индивидуалисту не по силам создать систему ритуалов и обязательств, задающих ритм человеческому существованию и объясняющих ключевые события: рождение, брак, смерть. Более того, поскольку у вас нет вековых традиций, то передать свои верования детям будет весьма затруднительно. В организованных религиях существует целый ряд ритуалов, посвященных детскому духовному развитию. В самостийных религиях таких ритуалов нет. Поэтому даже многие из тех, кто с большим энтузиазмом воспринял идеи нью-эйдж и призывы к самопознанию, в итоге вынуждены были вернуться к традиционным верованиям — как правило, ради детей.

Однако ключевая проблема духовной свободы в том, что ей нет конца. Рорти говорит, что она расширяется до бесконечности. Свобода, это когда ты оставляешь за собой право двинуться в любом направлении, но ты уже не можешь остановиться, и путешествие не приведет никуда. Можно копить воспоминания об эмоциональных подъемах, но это может обернуться эдаким духовным стяжательством: чем больше есть, тем больше хочется. Вечный выбор — это вечная же жажда, подогреваемая незатихающим желанием попро-

бовать что-то новенькое. Но ведь душа на самом деле жаждет не череды потрясающих прозрений, но одной всеобъемлющей правды. Как говорит Великий Инквизитор Достоевского: «Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить».

Сегодня Инквизитор мог бы сказать, что бобо стали рабами своего неутолимого желания свободы и разнообразия. Он также предостерег бы, что весь их разнообразнейший опыт может раствориться в ничто, если они не захотят вверить себя силам куда более могущественным. Плюрализм в конечном итоге означает бесконечное блуждание в поисках все более легковесных идей, ни одна из которых не дает ответа на главные вопросы. Такой ход мысли годится для поиска, но он не поможет вам добраться до точки отдохновения, которую предлагают менее гибкие верования, до спокойствия обетованного, к примеру, в книге Самуила: «И Я устрою место для народа Моего, для Израиля, и укореню его, и будет он спокойно жить на месте, и не будет тревожиться больше».

Возвращение к порядку

Бобо не отступились ни от индивидуального выбора, ни от плюралистических умонастроений. Однако сегодня встречное течение сильно как никогда. Нынешние писатели и публицисты уже не так горячо приветствуют нонконформизм, как в период с 1955 по 1965 год, и не так убеждены, что максимальная личная свобода сама собой приведет к установлению динамичного, но в целом здорового порядка. Редкий автор станет сегодня утверждать, что американцы слишком склонны к коллективизму и порядку. Никто уже не сетует на «человека организации» и прочих командных работников. Напротив, сегодня большинство публицистов призывают

к восстановлению сообществ, укреплению гражданского общества и социальных связей. Нынешние авторы, как правило, стараются обуздать индивидуалистские умонастроения, которые 40 лет тому назад не без труда распрягали их предшественники, ратуя за восстановление традиций и общественных институтов, ослабевших в ходе лихорадочной эмансипации образованного класса.

За последнее десятилетие в свет вышли горы книг и статей, посвященных коммунитаризму, значимости «посреднических институций» и добрососедских связей. В своей книге под названием «Для этого нужен город» Хилари Клинтон расхваливает достоинства устойчивых взаимоотношений внутри небольших городов. Колин Пауэлл запустил добровольческую кампанию, цель которой — вовлечение людей в жизнь местных сообществ. Социолог из Гарварда Роберт Путнэм наделал шуму своим эссе «Боулинг в одиночку», в котором упадок командного боулинга представляется как символ растущей разобщенности американцев, снижающейся активности в рамках церкви, родительских комитетов и прочих местных организаций. Можете представить себе автора, который в 1960-х сделал бы боулинг символом здорового общества? В те годы представители образованного класса воспринимали командный боулинг как смехотворный пережиток реакционного прошлого, и, если б в 1960-х он исчез с лица земли, ни один интеллектуал не проронил бы и слезинки.

Приверженцы гражданского общества и коммунитаристы задались целью хоть как-то сдержать накатившую на Америку волну радикального индивидуализма. Майкл Джойс и Уильям Шамбра из Фонда Брэдли, поддерживающего многие гражданские инициативы, пишут: «Прежде всего американцев беспокоит развал местных сообществ с их налаженным порядком, традициями и авторитетами, поддержание которых раньше обеспечивалось сильными местными организациями». Либералы делают акцент на то, что развал местных сообществ с их установленным порядком и тради-

циями связан с общей глобализацией. Консерваторы больше склоняются к тому, что это результат упадка традиционной морали. Тем не менее обе стороны хотят двигаться в одном направлении — обратно к крепким связям местных сообществ, локальным авторитетам, прочь от системы, где главной непоколебимой ценностью является индивидуальный выбор.

Возрождение, восстановление, возвращение

Первая особенность духовного мира бобо, которая сразу бросается в глаза, — это ретроспективность. Духовный поиск других социальных групп устремлен в утопическое будущее, но мы, бобо, ищем божественное не в будущем, но в прошлом, в старых традициях, обрядах и ритуалах. Мы так много делаем, читаем и смотрим фильмов, что в наших попытках забраться повыше, мы позабыли о чем-то очень важном — таково общее мнение. Мы стали такими занятыми, что уже не замечаем и не ценим самого важного. Мы теперь такие обеспеченные, такие утонченные и разборчивые, что пора бы уже обернуться и восстановить простые и естественные связи с миром. Пришло уже время, думает иной бобо, вспомнить старые ценности, навести мосты к островкам традиций, невозмутимого спокойствия и строгой простоты.

Подобные устремления прослеживаются даже в том, как мы обустроиваем наш быт. Бобо окружают себя вещами, оставшимися от небольших устойчивых сообществ, от которых исходит душевное спокойствие. Мы подробно обсуждали это во второй главе: столы в стиле секты шейкеров, деревенские еловые скамьи, потрепанная мебель, старинные орудия сельского труда, ванны на ножках со звериными когтями, доисторические ремесла, артефакты индустриальной эры, корзины китобоев и так далее и тому подобное — и каждый предмет архаичнее, даже реакционнее прежнего.

Зайдите опять же в сетевые магазины, которыми пользуется образованный класс — Pottery Barn или Crate & Barrel. Эти и им подобные сети стараются восстановить на своих торговых площадях давно потерянный мир стабильности и порядка. Магазины Restoration Hardware, которые плодятся, как «Старбаксы» по моллам Америки, предлагают своим дипломированным покупателям старомодные фонарики из гофрированной стали (такие же, как в летнем лагере), ножницы ручнойковки, архаичные свистульки и вафельницы, классические точилки Boston Ranger, подносы с отделениями, как в школе, классические стаканы Pyrex из стали и стекла, в каком ваш доктор держал палочки для прижимания языка. Все это ностальгические вещицы из покинутого нами прошлого, тихой заводи, которую мы оставили ради учебы или работы в большом городе.

Замечательная иллюстрация духовной сумятицы образованного класса содержится в видеоролике, созданном Restoration Hardware для потенциальных инвесторов в 1998 году в преддверии публичного размещения акций компании. Голос за кадром объясняет мифологию сети: «В наше коллективное бессознательное наравне с образами Эйзенхауэра, Донны Рид и Джорджа Бейли проникло совершенно четкое ощущение, что вещи той эпохи делались на совесть, а потому и ценились чуть выше». На экране мелькает хроника сороковых–пятидесятых. «Что же произошло? Медленно, но верно наша страна стала лидером производства и соответственно потребления». Здесь идет изображение крупных пригородных районов и огромных торговых центров. «Это было дальновидно, это было правильно». Следует «пластмассовая» сцена из «Выпускника». «Этот образ мысли отразился в сфере торговли: понадобилось больше торговых площадей, больше, еще больше и еще больше. Но однажды поколение людей, уже привыкших к изобилию, отшатнулось в ужасе от неумеренного потребления, огляделось вокруг и стало искать новых путей».

Вот вам и пожалуйста. Поколение, у которого уже был неограниченный выбор, отшатнулось и обнаружило, что оно «ищет новых путей». Наше подспудное желание вернуться в некий потерянный мир вековых традиций и установлений проявляется в тысяче разных вещей. Мы ощущаем, что ценой за нашу обретенную свободу стало ослабление связей между людьми, распад местных сообществ. Нам хочется восстановить эти связи. И все же мы едва ли готовы действительно вернуться в эпоху ограничений, что означало бы сужение спектра возможностей.

Грандиозное попури

В итоге мы имеем грандиозное духовное попури, в котором смешались и желание автономности, и тяга к сообществу. Нередко молодые бобо становятся активными членами церковной общины или синагоги, однако они вовсе не заинтересованы, чтобы кто-то извне — Папа Римский, священник или ребе — учил их жизни. Воинствующая секуляризация осталась в прошлом. Люди возвращаются к религии, но одной им часто бывает недостаточно. Социолог из Принстона Роберт Ватнау сообщает о 26-летней работнице системы соцобеспечения, дочери методистского проповедника, которая свою религиозную принадлежность обозначает как «методистский даосист индейский шаман русско-православный квакер буддистский иудей». Конечно, не все нахватили столько блюд со шведского стола религий, но даже в более традиционных кругах, когда люди возвращаются в религиозную общину, все понимают, что участие в общинной деятельности для них не менее важно, чем собственно религия.

Не так давно New York Times Magazine выпустил специальный религиозный номер, хитроумно озаглавленный «Религия возвращается (вера на очереди)». Умонастроения бобо замечательно отразил Фрэнсис Фукуяма в своей работе 1999 года «Великий разрыв»:

«Если раньше сообщество возникало как побочный продукт непоколебимой веры, то сегодня люди возвращаются к религии в стремлении стать частью сообщества. Иными словами, причина возвращения к религиозным традициям не обязательно в том, что люди верят в истинность откровения, но, безусловно, в том, что ослабление сообществ и мимолетность социальных связей в секуляризованном обществе порождает острую потребность в причастности к ритуалам и культурной традиции. И вот они уже помогают бедным и ближним, но не потому, что так велит религиозная доктрина, но из желания быть полезными сообществу и убедиться в том, что религиозные организации предлагают наиболее верный путь к удовлетворению этой потребности. Древние молитвы и вековые обряды они повторяют не потому, что верят, что их ниспослал Господь, но ради того, чтобы передать своим детям правильные ценности и самим испытать умиротворяющий эффект ритуала и связанное с ним ощущение соборности. Можно сказать, что саму религию они и не воспринимают всерьез. Религия становится источником обрядовости для лишившегося ритуалов общества и, таким образом, вполне объяснимым проявлением естественного стремления к причастности, присущего всем людям от рождения».

Нельзя сказать, что прихожане из бобо стараются меньше других. Посты и прочие ограничения они зачастую блюдут даже строже обычного. Однако пост в их случае не означает смирения. В прежние века верующие ощущали, что свобода каким-то парадоксальным образом достигается через полное повиновение воле Божьей, однако подобное слепое подчинение для душевного склада бобо просто неприемлемо. К примеру, среди иудеев растет движение молодых ортодоксов, которые знают иврит, изучают Тору и соблюдают кашрут. Строго следуя традициям, они при этом позволяют себе выбирать, и те из древних законов, что задевают их современные чувства — к примеру, почти все правила, ограничивающие роль женщины, — они просто не замечают. То же самое

происходит, когда какие-либо из библейских установлений противоречат плюрализму, когда иудаизм преподносится как единственная истинная вера, а остальные религии — как неполноценные или ошибочные. Ортодокс без слепого следования букве и в самом деле — флексидокс.

Организованная религия, когда-то отвергнутая как безнадежно устаревший институт и опора для слабых духом, сегодня снова набирает авторитет. Упомянув за ужином свое участие в жизни церкви или синагоги, бобо ощущает легкий прилив морального удовлетворения. Это демонстрирует, что он не какой-нибудь заикленный на себе нарцисс, а член религиозной общины. И все же религиозный дискурс изменился. Сегодня межконфессиональные диспуты, отнимавшие столько сил у теологов прошлого, выглядели бы нелепо. «Я, конечно, не религиовед, — пишет Вацлав Гавел в журнале *Civilization*, — но, на мой взгляд, в основных религиях куда больше общих черт, нежели готовы признать их последователи. У них общая отправная точка — что этот мир и наше в нем существование повинуются не слепому случаю, но мистическому, непреложному порядку, источник, направление и цели которого нам сложно постичь во всей полноте. Нравственные законы, налагаемые этим мистическим порядком, тоже очень похожи. На мой взгляд, совокупность всех существующих различий в этих религиях не перевесит их фундаментального сродства».

Иными словами религиозный порыв — штука гибкая и в разных культурах способна принимать различные формы. И сам этот порыв куда важнее, нежели конкретные ограничения и правила, налагаемые той или иной сектой или конфессией. Поэтому невречно и осмотреться, примерить на себя несколько религий, прежде чем сделать окончательный выбор. Можно выбрать и сразу несколько, чтобы свободно перемещаться между ними в зависимости от насущных нужд и предпочтений. Так мы примирили выбор и преданность.

Грандиозное примирение

Большинство считает такое примирение возможным или, по крайней мере, готово попробовать. Может, и получится. Роберт Нисбет, чья книга 1953 года «В поисках сообщества» стала предвестником сегодняшнего всеобщего интереса к подобным институтам, считал, что жить в сообществе много лучше, однако ограничивать себя одним сообществом вовсе не обязательно, а правильнее попробовать несколько. «Свобода таится в пустотах между монолитами власти и питается конкуренцией между авторитетами», — писал Нисбет. Таким образом, человек может одновременно испытывать причастность и пользоваться плодами свободы. Нисбет цитирует французского писателя Пьера Жозефа Прудона: «Умножайте связи, и будет вам свобода».

Но есть и те, кто не верит в возможность совмещения максимальной свободы и духовной самореализации, считая, что созданная индивидуалистами теория изначально является ложной. Эти люди вроде бы готовы к совместной деятельности и все время говорят о традиции, корнях, сообществе, но любовь к этим добродетелям не идет у них дальше слов. Когда им приходится делать выбор, то общему делу они всегда предпочтут личную выгоду. Они забудут о местном сообществе, как только им предложат работу поинтереснее. Они откажутся от традиций и правил, если сочтут их утомительными. Разведутся, если брак перестанет доставлять удовольствие. Забудут друзей, если они им наскучат. И бросят ходить в церковь или синагогу, когда это перестанет приносить удовлетворение. При этом все это самообман, потому что в итоге всех этих передвижений в поисках свободы и самопознания окажется, что им буквально не за что зацепиться — все в их жизни было слишком легковесно и недолговечно.

Сравнивая нашу жизнь с той, что он описал в своей книге про Чикаго 1950-х, Алан Эренхолт уподобляет нас человеку, кото-

рый сидит перед телевизором и щелкает пультом дистанционного управления, этим «абсолютным оружием персонального выбора, дающим возможность в течение часа выбирать и отвергать десятки видеоразвлечений, чья способность удерживать внимание изначально подточена опасением, что на следующей или последующей частоте идет что-то еще более завораживающее». Далее Эренхольт пишет: «Слишком многое из того, что мы делаем, и в большом и в малом, стало напоминать переключение каналов. Процесс этот сопровождается обескураживающей, по-видимому, бесконечной чередой вариантов, которая так никогда и не складывается ни в логическую, ни в нравственную систему, потому что вариантов просто слишком много, а помочь с выбором некому. Нам нечего противопоставить постоянному искушению попробовать еще один вариант, лишь бы не смотреть всю жизнь одно и то же».

С Эренхольтом сложно не согласиться. Чем шире и разнообразнее мы живем, тем выше опасность утратить ощущение принадлежности. Связи человека, ограничивающего себя одним сообществом или партнером на всю жизнь, безусловно, глубже и сильнее, нежели у того, кто потратил свой век на эксперименты. Человек, вверивший себя одной религии, будет верен ей куда больше, нежели тот, что любопытствующим агностиком маневрирует между различными учениями. Жизненный опыт монастырского монаха ограничен, зато, вероятно, и существование его наполнено особым смыслом.

Жизнь бобо — это мир широкого выбора, но лишенный беззаветной преданности, как, наверное, и глубочайших озарений, самых сильных чувств и самых честолюбивых планов. И пусть наши старания примерить свободу и преданность, добродетель и изобилие, автономность и сообщество и не ведут к катастрофическим последствиям или соскальзыванию в безнравственность и декаданс, однако на этом пути слишком много компромиссов и духовной галиматии. Дорога к бесконечному выбору, возможно, приво-

дит к недопринципам и полусвободам, к умеренной, но бесцветной жизни. А в окрашенных всеми оттенками серого сердцах нет места героизму, вдохновению, абсолюту.

Бывает, оглядываясь по сторонам, я думаю, что совместить несовместимое нам удалось, только став поверхностными — мы просто откинули глубокие мысли и высокие идеалы, которые мучили бы нас, если б мы оценивали себя в соответствие с ними. Иногда мне кажется, мы слишком многое себе прощаем. По иронии судьбы, духовный путь бобо начался с большого взрыва — раскрепощение, отказ от старых ограничений, первые, самые сладкие эксперименты с тотальной свободой, — а заканчивается в тихой гавани.

Богема с отвращением взирает на пресное существование буржуазии, на их тупое довольство и благопристойные нравы. Поэтому они призвали среднее сословие отказаться от проторенных веками путей. Жизнь — это приключение! Однако если мы сами выбираем свой путь, что нам делать с людьми, которые предпочли другую дорогу? В жизни столько несоизмеримых ценностей, в каждой религии есть крупица истины, и каждый путь отражает реальную человеческую потребность. Поэтому богемный деятель, устремившийся к новым горизонтам, преисполненный героическими мечтаниями, довольно быстро осекается и начинает учиться терпимости, учиться не слишком рьяно отстаивать свои убеждения, чтобы не оскорбить соседей и не быть оскорбленным в ответ. И вот пылающий костер раскрепощения уже становится оберегаемой от ветра свечкой терпимости и умеренности.

Представители образованного класса с подозрением относятся к страстным речам и опасаются людей, яростно, бескомпромиссно отстаивающих свои взгляды. Сомнения вызывают также те, кто излучает уверенность в собственной правоте и нетерпимость к инакомыслию. Бобо стараются держать порох подальше от огня и сторонятся тех, кто «навязывает» свои взгляды и представления. Они предпочитают цивилизованную терпимость. Бобо свойственна

гносеологическая скромность, они верят, что истина во всей полноте неведома никому, поэтому правильное, преодолевая разногласия, находить что-то общее. Будь умерен в своей вере, потому что у тебя нет ответов на все вопросы, и не пытайся навязать ее другим.

И это вполне гуманистические умонастроения. Рядом с бобо приятно находиться, и это уже немало. Но как всегда, есть и обратная сторона. «Никто не торопится признавать учение истинным только потому, что оно приносит людям счастье и делает их добродетельными», — писал Ницше. В конце концов, пророки и святые верили не потому, что им от этого было легче. Многие из них стали мучениками именно потому, что держались за правду, невзирая на земные последствия подобного поведения. Бобо — народ куда более практичный. Такой самоотверженности и героизма им, пожалуй, не потянуть.

Социолог Алан Вульф называет нравственность верхушки среднего класса «малогабаритной моралью». В 1998 году Вульф опубликовал книгу «В одной стране живем, в конце концов» по материалам интервью с 200 представителями среднего класса и его верхушки, живущих в пригородных зонах по всей Америке, — и эта демографическая выборка больше чем наполовину совпадает с тем, что мы называем образованным классом. В группу Вульфа попали и ортодоксальные верующие, и те, чья вера носит сугубо индивидуалистский характер, в частности женщина, нашедшая Бога в себе и рассказавшая об этом примерно в тех же выражениях, что и Шейла из «Привычек сердца» Роберта Беллы тринадцать лет назад. В результате Вульф приходит к заключению, что представители верхушки американского среднего класса ценят религию, но не готовы ставить ее выше плюрализма.

«Американцы всерьез относятся к религии, — пишет Вульф, — но очень редко это доходит до убеждения, что религия должна быть единственной или даже просто самой важной основой для определения правил поведения *других* людей». Курсив Вульфа. Сто шесть-

десять из его респондентов в общем или безоговорочно согласились с тем, что «встречаются слишком религиозные люди». В этом прослеживается критическое отношение к тем, кто судит других или наставляет на путь истинный с помощью собственных религиозных убеждений. Такая терпимость и уважение к разнообразию, по мнению Вульфа, приводит к полному вытеснению из религиозного дискурса соперничества и взаимных претензий. Подавляющее большинство его респондентов сторонятся резких суждений любого толка.

Представители верхушки американского среднего класса предпочитают нравственность «скромную, непритязательную, тихую и недекларативную. Не пытаюсь изменить мир, они стараются делать его лучше там, где это возможно», — заключает Вульф. Это означает, что представители верхушки среднего класса воспринимают нравственность как дело сугубо личное. Их заботит нравственность взаимоотношений с близкими, но не установление правил морали для всего человечества. И советы, касающиеся вопросов нравственности, они дают с большой осторожностью. Они «разуверились в возможности найти вневременное этическое учение, а если бы случайно и нашли, то вряд ли захотели возвести его принципы в непререкаемый закон». Имея возможность черпать нравственные образцы из множества источников — от Библии до кинофильмов, — они устанавливают собственные подвижные ориентиры. Они различают, где верх, где низ, но всегда готовы подкорректировать собственные этические представления в зависимости от ситуации. Столкнувшись с неизбежным конфликтом разных этических установок, они стараются размыть, ослабить и ту и другую: «Можно сказать, что амбивалентность — или, если угодно, неразбериха — является стандартным морально-этическим состоянием американского среднего класса; поскольку все позиции равны, люди просто не могут остановиться на чем-то конкретном». Иными словами это та нравственность, что не пытается проповедовать с высоких пози-

ций божественного откровения или достичь высот романтического поиска вечных истин. Ей вполне достаточно мирного оазиса нижнего порядка с его выполнимыми задачами. Адепты этой нравственности идут по пути наименьшего сопротивления.

Давайте попробуем взвесить все сильные и слабые стороны духовности бобо. Это больше похоже на манеру поведения, чем на веру. Моралисты из бобо далеки от подвигов, зато ответственные. Они предпочитают знакомое неизвестному, конкретное абстрактному, умеренное пылкому, цивилизованность и сдержанность конфликтам и треволнениям. Им нравятся утешительные религиозные ритуалы, но непоколебимые нравственные законы им не близки. Им нравится участвовать в духовных начинаниях, но они сторонятся религиозного энтузиазма и крестовых походов за нравственность. Они с удовольствием впитывают глубокие сентенции, особенно если они универсальные, и обожают теологические дискуссии, если в них больше славословий, нежели нападок. Они способны не реагировать и принимать как данность то, что не касается их напрямую.

Они терпимо относятся к экспериментам, при условии соблюдения безопасности и умеренности. Их оскорбляет такая явная несправедливость, как жестокость или расовые предрассудки, а вот ложь и прочие грехи, не причиняющие очевидного вреда ближнему, оставляют их равнодушными. Они ценят добрые намерения и готовы терпеть многое от людей в целом добросердечных. Их цель не святость, но пристойность, не геройское величие, но прозаическая добропорядочность, не глубокие прозрения, но объективность. Коротко говоря, они предпочитают мораль, которая не ведет к новому миру, но защищает существующее положение вещей там, где оно пристойно, и аккуратно пытается улучшить то, что требует улучшения. Такая мораль подходит для построения приличного общества, но не годится для тех, кого интересует то, что находится за пределами нашего существования, к примеру жизнь вечная.

Сложно даже представить, что при такой умеренной малогабаритной нравственности будет с нашим братом бобо, когда настанет конец света. Каким будет Судный день, когда Бог образованного класса отделит спасенных — тех, кто сдавал газеты в макулатуру, — от проклятых, то есть тех, кто не сдавал. Умеренная и непритязательная нравственность бобо плохо сочетается с непереносимыми ужасами ада. Впрочем, с окончательностью и совершенством рая она тоже сочетается не важно. Может, вместо Судного дня будет Дискуссионный?

Или, может, как в фильме Робина Уильямса «Куда приводят мечты», Монтана действительно больше всего похожа на рай? Может, наш рай совсем не так далек от действительности? В конце концов, духовный заряд мы получаем от вполне осязаемых вещей, выразительных предметов и мест с особой атмосферой. Возможно, если б в наше сознание был встроен соответствующий нравственный закон, то и в мире сверхъестественного мы бы чувствовали себя как дома. Но поскольку наша вера в загробную жизнь слаба, то и духовные прозрения мы стараемся испытать, все еще пребывая в физической реальности. Мы склонны прозревать великие истины в деталях — в чуде древесного листа или форме детского ушка, — нежели в божественных откровениях. Мы ищем и обретаем мир в тиши природы, так, может, второй дом на живописном склоне и есть наш рай? Может быть, наш рай — это эманация реальности?

Представьте себе: праведная женщина из бобо на вершине холма с лучах заката остановилась, задумавшись о деле в суде, инвестиционном фонде или преподавательской нагрузке где-то далеко-далеко. Воздух еще благоухает, и даже ее собаки Халев и Джордж остановились, чтобы насладиться тишиной. Ветерок становится прохладным, и она прижимает к шее воротник мелкотканой сорочки. Она видит, как зажигаются огни в разбросанных по долине

домиках, где бывшие профессионалы из больших городов поселились, чтобы основать собственные деликатесные мини-производства — «Песто Дяди Дэйва» на северной оконечности, западнее «Соусы Салли», а несколько сотен акров к югу от Салли расположились «Вчерашние Чатни». Она смотрит на поросшее цветами поле, а ведь, когда они купили это ранчо, здесь была свалка мусора. Потом бросает любящий взгляд на старую сосну, ради спасения которой ей пришлось нанять специалиста.

Кто-то сказал, что вся американская история — это, по сути, монетизация рая. Однако, обладая некоторым доходом, приложив определенные усилия и наняв правильных подрядчиков, образованный человек может вложить деньги в строительство рая. На сотни миль вокруг довольные парочки усаживаются на скрипучие диваны в своих B&B¹ и раскрывают книжки, написанные авторами, которые сами давно переехали в Прованс и теперь издают квазипорнографические романы для перетрудившихся горожан. И вот бобо решает, что пора спуститься по тропинке к своему второму дому. Она старается не утаптывать почву на древесных корнях, помятуя замечательную фразу Стейнбека о добром человеке, что «высоко поднимает ноги, если букашки ползут по земле».

Женщина идет мимо беседки, которую она затеяла еще в прошлом году, и бассейна, который они с партнером установили, чтобы купаться нагишом, — здесь они куда чувственнее, чем в городе, впрочем, ничем таким предосудительным вне дома они не занимаются. Она подходит к дому, откуда уже доносится звуковая дорожка фильма компании Merchant Ivory², и мелодии отражаются от стен хозяйственных построек, перестроенных под гостевые домики.

1 Bed and breakfast — кровать и завтрак, мини-гостиница или малогабаритное жилье внаем.

2 Merchant Ivory Production — компания, выпускающая англоязычные версии боливудских фильмов и фильмы совместного индийско-американского производства.

Самая серьезная задача, поставленная ими по приезду, — в три раза увеличить все окна. Им хотелось, чтобы интерьер сливался с экстерьером, чтобы они могли быть еще ближе к природе. Как сладко, проснувшись в спальне за стеклянной стеной, понежиться еще с часик в постели, наблюдая за восходом солнца (еще лучше, когда дом стоит посреди собственного участка в 150 акров, и соответственно соседей, которым было бы видно, как вы наблюдаете закат, просто нету). На подходе к дому она останавливается, чтобы полюбоваться на изысканные мхи, обрамляющие дорожку к входной двери. Она вдыхает аромат местных трав, которыми они засеяли пространство вокруг дома, и неспешно поднимается на круговую террасу, проведя рукой по осиновой поленнице, сложенной возле двери. Эти дрова не для топки. Им просто так нравится сама поленница, ее форма и текстура, что кажется, будто без нее дом был бы уже не тот.

Она открывает кленовую дверь, доставленную из Новой Англии самолетом, и слышит, как ее друг работает в своем кабинете. С появлением этого дома у него появилось и время на занятия, которого раньше катастрофически не хватало. Помимо нового увлечения — он читает дикторский текст в документальных фильмах про окружающую природу, — ее друг снова играет на скрипке, читает романы азиатских писательниц и участвует в общественной жизни, исполняя должность казначея местного природоохранного общества.

Она заходит в просторную гостиную. Широкие половицы поблескивают, оттеняя каминную полку красного дерева, украшающую их огромный, сложенный из камней очаг. Дерево для полки три года назад сломал ураган, а камни для очага они нашли, гуляя по горам Колорадо. Мебель деревенская, но удобная. По углам расставлены массивные, размером с «фольксваген», кресла, в которых можно свернуться калачиком. Они куда удобней кресел с прямой высокой спинкой, какими пользовались во времена ее родителей.

В родительских нужно было сидеть прямо, а вот потертый шик нынешних позволяет принимать любое удобное положение.

Бобо бросает взгляд на свою коллекцию деревянных черпаков. Ее, как обычно, трогают их мягкие изгибы — свои черпаки она ценит больше других предметов, выловленных в многочисленных походах по лавкам. На большой стене развешаны черепаший панцири и камбоджийские статуэтки. Ей самой больше всего нравится статуя Бодхисатвы — эта духовная сущность уже достигла просветления, но откладывает собственную нирвану ради того, чтобы помочь другим прийти к нему.

И вот, уже испытывая сладостное умиротворение, она замечает стоящего в дверях кухни Ангела Смерти. Это специальный Ангел — его посылают только к бобо. От его потертого твидового пиджака исходит сияние, и, судя по громадной керамической кружке в его руках, которую она купила прошлой весной на ярмарке ремесел в Санта-Фе, он уже какое-то время ее ожидает. Ангел Смерти подробно расспрашивает о ремонте, который они закончили в прошлом году. Она рассказывает, как они решили пристроить новую кухню по скандинавскому методу с использованием соломенных блоков, которые позволяют сохранять строевой лес. Как они возводили землебитные стены, для этого берут сырую почву и прессуют ее с такой силой, что получается прочный стройматериал цвета карамели, источающий запах леса. Новые двери сделаны из древесины разобранного приходского дома в Аризоне и характерно скрипят при открытии. Незаметные глазу датчики контролируют обогрев и вентиляцию помещения и выключают свет, когда в комнате никого нет.

Ангел Смерти подивится тому, как им удалось, втрое увеличив площадь дома, сохранить в неприкосновенности его дух. После чего сообщит, что она только что умерла, но никуда забирать ее он не собирается. Ей предстоит вечное существование в окружении этих превосходных вещей. Единственная просьба будет

поменять плитку в коридоре, которая в любом случае не выглядит так нарядно, как она рассчитывала. Блаженство спасения не предназначено для этого места вечного отдохновения, но вечность эта чуткая, в духе нью-эйдж, и на всех частотах играет Национальное общественное радио. Она благодарит Ангела Смерти, и, сделав последний глоток шоколада, он растворяется вдали, прихватив с собой ее «рейндж ровер».

7.

ПОЛИТИКА

Если задаться целью прочесть все книги и эссе со словосочетанием «дух времени» в названии, легко обнаружить, что вне зависимости от времени написания там всегда будет фраза следующего содержания: «Мы живем в эпоху перемен». Будь то 1780-е, 1850-е или 1970-е, людям всегда кажется, будто они живут на вулкане. Прежние установки и методы кажутся непоправимо устаревшими. Новые порядки и идеи — еще не вполне созревшими.

Но мы особенные. Мы живем не в эпоху перемен, а сразу после нее. Не так давно закончилась культурная война, бушевавшая в Америке не одно поколение. С 1960-х по 1980-е силы богемы и буржуазная коалиция неоднократно сходились на поле боя. Представители богемной контркультуры атаковали истеблишмент, пригородные районы, а затем и рейгановские 1980-е. Консервативные политики и авторы нападали на 1960-е, обвиняя это десятилетие чуть ни во всех бедах Америки. Каждая вылазка леворадикального крыла богемы, будь то студенческие лидеры или феминистки, порождала ответные действия буржуазных правых от движения «Моральное большинство» до сторонников экономики предложения¹. Последнее обострение длительного конфликта было весьма конвульсивным: с протестами, бунтами, массовыми волнениями и прямо-таки крушением изжившего себя общественного строя.

Но в центре этой бури уже ковался новый компромисс. Появился и новый порядок, и новый истеблишмент, который я пытался описать на предыдущих страницах. Члены этого нового правящего класса с нечетко обозначенными границами воплотили в себе обе

¹ «Моральное большинство» — правоконсервативная общественная организация, созданная американским проповедником-евангелистом Джерри Фолуэллом в 1979 году. Экономика предложения — теория, согласно которой экономический рост можно эффективно стимулировать за счет снижения барьеров для производства (предложения) товаров и услуг, то есть за счет снижения налогов и снятия запретов, создаваемых государственным регулированием. Сформулирована в 1970-е экономистами Робертом Манделлой и Артуром Лаффером.

противоборствующие стороны прошедшей культурной войны. Они восприняли и уроки шестидесятых, и опыт восьмидесятых. Они по своему уравнивали буржуазные и богемные ценности. И этот баланс позволил нам восстановить в обществе мир, утраченный во время переходных десятилетий.

Политика умеренности

Политики, преуспевшие в новую эру, поженили богемные 1960-е и буржуазные 1980-е и смешали соответствующие системы ценностей. Такие деятели не используют военную риторику ушедшей эпохи. Это не размахивающие кулаками «политики твердых убеждений» эпохи конфронтации. Они предпочитают совмещение различных подходов. Они стачивают острые углы и примиряют противоположности. Они умеют найти подход к разным социальным группам. Их цель — найти третий путь за пределами традиционных разделений на левых и правых, и они маршируют к ней под объединяющими знаменами сострадательного консерватизма, практического идеализма, устойчивого развития, продуманного роста, процветания не ради одного только процветания.

Что бы там ни было, но администрация Клинтона–Гора воплотила в себе дух компромисса, составляющий основу всего бобо-движения. Начнем с того, что в 1960-х Клинтоны участвовали в антивоенных протестах, а в 1980-х ворочали фьючерсами. В Белый дом они пришли с хорошим багажом богемных идеалов и буржуазных амбиций. Они развернули кампанию против «отживших свое ярлыков», подразумевая левых и правых. Выступая в 1997 году перед Советом руководства демократической партии, Билл Клинтон, по сути, сформулировал свое политическое кредо: «По целому ряду вопросов нам пришлось последовательно отказываться от этого навязанного, несуществующего выбора, от беспочвенных споров

о том, либеральную или консервативную позицию мы занимаем, споров, ведущих только к расколу в обществе и тормозящих развитие».

Столкнувшись с культурным противостоянием сторонников традиционных ценностей и борцов за свободу, администрация Клинтона включала задымление и перемешивала противников, стараясь их примирить. Сторонники Клинтона взяли на постоянное вооружение три ключевых слова «Возможность, ответственность, сообщество», даже не задумываясь о том, нет ли между этими понятиями противоречий. Они совмещали введение школьной формы и другие инициативы в традиционном русле с раздачей презервативов в той же школе и прочими либеральными мерами. Клинтон стал третьим углом между бескомпромиссными бойцами справа и слева, воплотив мягкое и удобоваримое сочетание. Он объявил, что сможет сбалансировать бюджет без болезненных сокращений, провести реформу соцобеспечения, не снижая выплат, подкорректировать политику равных возможностей, но не ставить на ней крест, усилить борьбу с наркоманией, но больше средств выделять на реабилитацию, сохранить систему народного образования, но развивать и частные школы. Обжегшись в самом начале срока на противостоянии вокруг гомосексуалистов в вооруженных силах, клинтонцы сошлись на принципе: «Не спрашивай, не говори». Эта формула, пожалуй, наиболее полно отображает усилия последователей третьего пути по поиску компромисса.

Далеко не все попытки Клинтона примирить противоположные политические позиции увенчались успехом. Тем не менее его администрация реализовала созвучные эпохе бобо политические принципы, которые приобрели огромное влияние. Так называемый третий путь — это постоянное балансирование между либералами и консерваторами, рьяными представителями контркультуры и благоразумными буржуа. Окинув взглядом развитые страны, вы убедитесь, что адепты третьего пути — эдакие третьи углы — стоят во главе многих правительств.

Теоретики прошлого предсказывали, что представители нового класса будут более идеологизированы, чем их предшественники, а утопические идеи и абстрактные концепции будут иметь на них еще большее влияние. В действительности когда дети 1960-х добрались до власти, то заняли скорее центристские, неоднозначные и уж точно далекие от идеологии позиции. Такую политику они выбрали, потому что она близка состоятельным жителям пригородов и людям, контролирующим денежные потоки, медиа и культуру в сегодняшнем американском обществе. В стране сегодня более девяти миллионов семей с доходом более 100 000 долларов, и это самая заметная и активная часть населения. Поэтому новый истеблишмент, господствующий в обеих ведущих политических партиях США, считает нужным сглаживать углы и снижать накал идеологической борьбы.

Бобо-демократ может работать в инвестиционной компании типа Lazard Freres. А бобо-республиканец — слушать Grateful Dead. Им не нужны противостояния и жаркие дебаты по поводу основополагающих принципов, как не нужны и президентские кампании, разделяющие общество на два непримиримых лагеря. Если старый протестантский правящий класс был по большей части консервативно-республиканским, сегодняшний бобо-истеблишмент скорее склоняется к центристским и независимым кандидатам.

В 1998 году National Journal составил графики распределения голосов избирателей в 261 самом богатом городке Америки. Обнаружилось, что все они движутся в одном направлении — к центру. По мере заселения фешенебельных городков типа Уэйна в Пенсильвании представителями образованного класса количество голосов, отданных за демократов, неуклонно росло. В 1980-м за них проголосовало 25% богатых, в 1996-м уже 41%. В тот год на выборах в Конгресс партия Билла Клинтона выиграла в 13 из 17 самых благополучных избирательных округов.

Именно зажиточные пригороды направляют умеренных республиканцев или умеренных же демократов завоевывать капита-

лийский холм. На заседаниях Конгресса эти политики тратят уйму времени, сетуя на непримиримость коллег, избранных менее благополучными округами. Они не могут понять, почему их либеральные и консервативные братья так зациклены на борьбе. Их менее уживчивые коллеги, напротив, негодуют на очевидное взаимовлияние (вплоть до срачивания) благополучных, постоянно выдвигая сколь радикальные, столь и безумные идеи: распустить Федеральную налоговую службу, национализировать систему здравоохранения. Все это чуждо политикам из районов, заставленных «рейндж роверами» и «лексусами». Как и их бобо-избирателям, консенсус им нужнее противостояния, а учтивость милее перебранки.

И действительно, в эпоху бобо внутрипартийные споры куда ярче, нежели межпартийные. Причину этого парадокса обозначил философ из Чикагского университета Марк Лилла: ключевое противоречие сегодня не между шестидесятыми и восьмидесятыми, а между теми, кто совместил ценности обеих эпох, и теми, кто отказался от такого совмещения. У республиканцев умеренные и новые консерваторы борются с непримиримыми, желающими отыгаться за 1960-е. У демократов новые демократы противостоят тем, кто так и не смирился с реформами Тэтчер и Рейгана.

Умеренность бобо не по сердцу тоскующим по радикализму левым и правым. Они видят серьезные проблемы нашего общества и призывают к радикальным переменам. Новый центристский истеблишмент подавляет их радикальные идеи, и все же им невероятно сложно вступить в конфронтацию с властной элитой с открытым забралом. Проблема в том, что у бобо-элиты забрала этого как будто и нет. Они не выстраивают последовательной стратегии, не представляют на суд оппонентов содержательной идеологии, которую можно было бы оспорить и опровергнуть. Вместо этого они впитывают и поглощают. Будь ты радикал или консерватор, бобо сможет перенять твою риторику и практические предложения, каким-то магическим образом вытянув из них весь радикализм. Они иногда

слегка правеют или чуть-чуть левеют, но никогда не ввязываются в драку. Бобо идут своей веселой дорожкой, совмещая, перемешивая, примиряя и радуясь жизни. И пока левые и правые жаждут борьбы и изменений, бобо живут, следуя афоризму, вышитому на диванной подушке: «Благополучие — лучшая месть».

Проект

Все вышесказанное не означает, что у политики бобо нет четкого направления. У бобо есть план, который в ближайшие годы будет определять политическую конъюнктуру. Суть их плана в исправлении перегибов двух социальных революций, приведших их к власти.

Несмотря на диаметрально противоположность богемных шестидесятых и буржуазных восьмидесятых, две базовые ценности у них были общие: индивидуализм и свобода. Авторы обоих десятилетий могли сколько угодно разглагольствовать про общественные организации и местные инициативы, но основной целью была индивидуальная свобода. Восставшая в шестидесятые богема ратовала за культурную свободу: свободу самовыражения, свободу мысли, свободу секса. Это была попытка сбросить узду конформизма и социальных запретов, убежать от опустошающего действия бюрократической машины и всякого рода руководящих и ответственных. С другой стороны, буржуазное возрождение восьмидесятых стремилось к расширению экономических и политических свобод. Предпринимательская деятельность поощрялась через приватизацию и ослабление государственного регулирования экономики. «Большой брат» подвергался постоянным нападкам и часто уступал. Уютные корпоративные междусобойчики были вскрыты и разворошены. Снизилась бюрократическая нагрузка и количество чиновников. Еще в 1994 году республиканцы получили большинство в Конгрессе, назвавшись коалицией «Оставьте нас в покое».

Они ратовали за расширение границ индивидуальной свободы, чтоб правительство не вмешивалось в жизнь граждан.

Многие лидеры политических движений как шестидесятых, так и восьмидесятых наивно полагали, что достаточно отменить старые ограничения и дать людям свободу, и лучшая жизнь настанет сама собой. Но жизнь не так проста. Начните искоренять устаревшие общественные установления, и вскоре вы заметите, что вместе с ними ослабли и весьма полезные нормы типа вежливости и прочих приличий. Ослабьте социальные узы, чтобы облегчить индивидуальное самовыражение, и вы заметите, что эрозии подверглись и важные связи внутри сообществ. Усилия по смягчению начальнического гнета приводит к ослаблению всякой власти. Авторитет учителей, родителей и демократических институтов снижается наряду с ролью бюрократических деспотов и чопорных блюстителей нравственности. Обогативший миллионы экономический бум в то же время поставил под угрозу небольшие сообщества и социальную стабильность, столь ценимую многими. В девяностые американцы стали все больше ощущать необходимость работы над ошибками. Если шестидесятые и восьмидесятые были заняты расширением свобод и укреплением индивидуализма, сегодняшним бобо приходится как-то справляться с излишней свободой и избыточным индивидуализмом.

Вот почему «сообщество» и «контроль» — самые важные понятия в политическом проекте бобо, каким мы видим его в последней главе этой книги. Мы видим, как в разных слоях американского общества предпринимаются последовательные усилия по восстановлению социальных связей, укреплению авторитета власти и в целом — обузданию джиннов, выпущенных из бутылки за последние четверть века. В университетах усиливается «родительский» контроль с восстановлением часов отбоя, наряду с ужесточением правил общежития, сексуального поведения и введением наказаний за несанкционированное употребление алкоголя, несогласованные вечеринки и дедовщину.

Колин Пауэлл поднял волну волонтерского движения, и миллионы наших сограждан стали посвящать свое свободное время присмотру за детьми работающих родителей, организации досуга взрослых, уборке и соответственно наведению минимального порядка в неблагополучных районах. Законодательные органы по всей стране предпринимали попытки установить контроль над непристойным контентом в интернете, над оборотом оружия, над рекламой табака, контролировать или, по крайней мере, ввести возрастные ограничения на телепрограммы и видеоигры, содержащие сцены насилия. По стране прошла историческая реформа системы соцобеспечения, в ходе которой местные, окружные и федеральные власти существенно ужесточили правила и ограничения для получателей социальных пособий. В городах по всей стране были восстановлены запреты на попрошайничество, бродяжничество, распитие в публичных местах и даже несанкционированный выброс мусора. Местные органы охраны порядка стали наделять полицейских расширенными полномочиями в районах с высоким уровнем преступности.

Политики, в свою очередь, приняли на вооружение новую риторику. Республиканцы больше не выступают столь решительно за невмешательство правительства в дела граждан. «Моя основная цель — это способствовать началу эпохи ответственности», — сказал Джордж Буш-младший, объявляя о своем намерении баллотироваться в президенты. Спустя несколько месяцев Буш уже обрушился на «деструктивную установку, что все наши проблемы решаться сами собой, если только правительство не будет нам мешать. У адептов такого подхода нет ни высокой цели, ни благородного устремления, только желание, чтоб их оставили в покое». В то же время Эл Гор постарался дистанцироваться от противопоставляющих себя любой власти однопартийцев. «Ты должен быть хозяином собственной жизни, если претендуешь на моральное право воспитывать своих детей», — сказал он, объявляя об участии в выборах. — Конечный результат зависит не от какого-нибудь президента, но от

всех американцев, каждый из которых готов взять ответственность за себя и за ближнего».

Наиболее серьезные усилия по восстановлению авторитетов были предприняты в семьях и на местах. В 1960-х человек по имени А.С. Нейл организовал в Англии школу Summerhill, в которой правила устанавливали исключительно сами ученики. Книга Нейла с описанием методики Summerhill продавалась в Соединенных Штатах тиражом более двух миллионов экземпляров. Движение за предоставление детям максимальной свободы, чтоб они могли исследовать, творить и развиваться «естественным образом» всеми возможными способами, приобретало в те годы все больше последователей. Все, кто учился в то время, могут вспомнить программы и прогрессивные реформы, призванные расширить свободы учащихся, пробудить в них индивидуализм — школы без стен, открытые классы, открытые кампусы. В государственных школах старших классов были даже комнаты для курения, хотя курить несовершеннолетним запрещалось.

Сегодня, однако, тенденции поменялись с точностью до наоборот. Видные политики из обеих партий ратуют за возвращение школьной формы. Детей контролируют, отслеживают их передвижения, окружают запретами и всевозможными устройствами. Забота о безопасности детей достигла беспрецедентного накала, став ключевым проявлением судорожных усилий по защите и контролю над нашими чадами. Производители велосипедов рапортуют о снижении продаж, поскольку родители все реже позволяют детям просто рассекать на великах по району. Нотации, которыми сегодняшним детям целыми днями заливают баки, по интенсивности превосходят даже морализаторство на пике Викторианской эпохи: детские телепрограммы проповедуют на всевозможные темы от переработки отходов до расизма; от учителей требуют давать наставления и наказания по всем вопросам от наркотиков до норм поведения. После стрельбы в Литлтоне, Колорадо, в 1999 году прессу захлестнула волна материалов на эту тему, однако все ком-

ментаторы сходились в одном: родители должны усилить контроль над своими детьми.

Прошли времена свободы в духе Руссо. Не меньшее впечатление производит стремление жителей — в особенности зажиточных городков — установить контроль над ростом и развитием их районов. Сторонники Рейгана воспевали преимущества неограниченной свободы предпринимательства, однако сегодня такой подход окончательно вышел из моды в большинстве населенных бобо пригородов. В любом бобо-районе действует влиятельная группа граждан, выступающая за ужесточение правил городского планирования, против строительства новых коммерческих комплексов. Они выступают против сноса старых домов, когда владельцы хотят построить на своем участке здание покрупнее, и активно борются с подобными «улучшениями». Прогресс и развитие в зажиточных районах уступили место ретротенденциям и консервации, а их обитатели стремятся сохранить свое стабильное упорядоченное прошлое, или, по крайней мере, создать сообщество, скроенное по лекалам того, что сегодня кажется стабильным и упорядоченным прошлым.

Бобо больше времени тратят на восстановление утраченных сокровищ, сохранение старой архитектуры, обновление старых институций, нежели на создание новых, экспериментальных. Бампер каждого третьего принадлежащего бобо автомобиля украшен наклейкой с призывом «Спасем...». Бобо спасают старые театры, старые районы, старые фабрики и склады, спасают даже исторически значимые ужины. Даже если эти, как правило, зажиточные активисты соглашаются на строительство нового здания, то только при условии, что оно будет соответствовать архитектурным образцам прошлого. Все это под предлогом сохранения местного характера, борьбы с обезличиванием и неконтролируемым ростом, а также повышения «благоустроенности» и «качества жизни». В этой сфере бобо тоже стараются сохранить порядок и стабильность и поддержать систему местного самоуправления.

Местное самоуправление

Основной посыл политики бобо сводится к восстановлению системы местного самоуправления. Крупномасштабные властные полномочия и сверхусилия, с ними связанные, их не слишком интересуют. Столетие назад Герберт Кроли сформулировал идеи прогрессизма, суть которого в создании общества с мощным централизованным правительством, которым будут руководить квалифицированные эксперты, способные организовать и рационализировать жизнь в Америке. То была эра консолидации, когда неведомая центроостремительная сила стягивала небольшие структуры в крупные — компании, госучреждения, города. Однако сегодня уже понятно, что эра консолидации прошла, уступив место противонаправленному процессу.

Представители американской элиты, как и большинство американцев, без особого энтузиазма воспринимают новые политические инициативы, будь то очередная либеральная война с бедностью или консервативная война с моральным упадком. Они с недоверием относятся к навязанной сверху формальной иерархии и олимпийским законотворцам, ниспосылающим свою волю с заоблачных вершин. Бобо в целом разочаровались в национальной политике. Это поле деятельности уже не видится им таким уж славным и возвышенным, как еще двадцать лет назад. Такого рода утопизм исчез практически полностью. Политику они воспринимают скорее как последовательность неловких экспромтов, разыгранных с осторожной надеждой и легкой тревогой. Куда выше они ценят политику действия на местном уровне, когда общение происходит напрямую, а в спорах, как правило, куда меньше идеологии.

Сталкиваясь с особо тернистыми проблемами, какими являются для нас бедность и образование, бобо предпочитают децентрализацию и делегирование полномочий непосредственно на места, чтобы каждый гражданин или сообщество могли прийти к соб-

ственному прагматичному решению, не тратя время на очевидно бесплодные споры о первопричинах.

Местное самоуправление не может быть вертикальным. Это своего рода мягкий, но неослабевающий присмотр, который осуществляют добрые родители или хорошие соседи: будь вежлив при встрече с незнакомцем, не мусори в саду, не ври, если видишь, что человеку сложно нести сумки — помоги, в горе — утешь, в растерянности — придай веры в себя. Местное самоуправление это не про написание инструкций и законов; это про правильные примеры для подражания, неписанные правила, хорошие привычки, и создание контекста, в котором людям легко и приятно было бы проявлять личную ответственность. Это и рекламно-информационные пункты, чтобы приезжие чувствовали себя частью взаимозависимого сообщества. Это и волонтерство в подростковых центрах, чтобы детям было куда пойти. Это может быть и банальная банка с мелочью возле кассы, чтобы сосед мог при необходимости взять из нее. А может, и планы благоустройства всего района в соответствии с установками нового урбанизма, архитектура которого подразумевает, что улица всегда под присмотром, жители приглядывают друг за другом, содействуя соблюдению принятых здесь норм поведения.

Местное самоуправление по устоявшейся примиренческой традиции и есть тот третий путь между избыточным индивидуализмом, с одной стороны, и исходящей извне формальной властью — с другой. Эта сила не в физическом понимании, когда одно крупное тело осуществляет давление на тело меньшего объема. Это сила скорее биологического характера, когда все члены экосистемы осуществляют едва заметный контроль над всеми в интересах процветания всей системы.

Именно такого рода давление душило старую богему. Именно оно заставляло их бежать из маленьких городков в безликую свободу большого города. Сегодня же большинство бобо ценят сообщество и контроль выше раскрепощения и свободы. Бобо стали консерваторами.

Консерваторы в джинсах

Когда я называю представителей образованного класса консерваторами, я употребляю это слово не в республиканском понимании, подразумевающим четкую позицию по снижению налогов, ограничению роли правительства и повышению оборонного бюджета (хотя многие бобо, безусловно, ее и поддерживают). Я имею в виду то старое понимание консерватизма, которое описывает скорее темперамент, характер, нежели идеологию, и в этом значении объединяет большинство бобо.

Эдмунд Берк называл современных ему крупных собственников «балластом на судне государства». В некотором смысле это верно и для сегодняшних собственников из верхушки среднего класса. Сегодняшние бобо стремятся сохранить созданный ими мир, в котором буржуазия примирилась с богемой. Поэтому они высоко ценят цивилизованность и ненавидят любые проявления страстной приверженности, которые только мутят воду. Они хотят сохранить простые вещи, выдержавшие испытание временем. Они вовсе не прочь восстановить благородные авторитеты. Религию они признают важнейшим институтом, если она подается в духе умеренности, без излишнего пыла и пафоса. Они очень любят хорошие манеры, местные обычаи и традиции. Они также ценят то, что Берк называл «маленькой пожарной командой», местные установления и организации, которые определяют облик своего района, своего города. Продвижению радикальных перемен они предпочитают восстановление порядка.

Британский консерватор XIX века Уолтер Баджет писал: «Чрезвычайно важно, чтобы среди наиболее состоятельных и благополучных граждан было достаточное количество тех, кто смолоду приучен к трезвости и сдержанности». Сегодняшние бобо в полной мере привержены этим добродетелям, пусть даже их представления о трезвости и сдержанности ближе к рекомендациям Американской медицинской ассоциации, нежели к суровой викторианской морали.

Консерваторы по духу бобо почти всегда отказываются от грандиозных рационализаторских проектов, понимая, что мир слишком сложноустроенная штука, чтобы его можно было улучшить с помощью чьих-то умопостроений. При том что их превосходство зиждется, прежде всего, на образовании, к силе научного знания они относятся без придыхания. Напротив, бобо обладают обостренным пониманием того, как мало знают о мире даже лучшие умы и как сложна реальность по сравнению с нашими о ней представлениями. Благодаря таким событиям, как война во Вьетнаме, им известно, что решение, принятое технократами без учета всего разнообразия местных контекстов, может привести к чудовищным последствиям. Благодаря краху плановых экономик Восточной Европы им известно, что эффективное управление сложной системой должно быть децентрализовано. Иными словами, они весьма сдержанны в оценке своих познавательных способностей, чего от них и ждали консерваторы типа Берка и Оукшота.

Они предпочтут сохранить несовершенные институты, которые тем не менее доказали свою, пусть ограниченную, дееспособность, нежели увлекутся непроверенным визионерством. Из истории им известно, что за революцией всегда следует реакция и что постепенное реформирование — лучший способ социальных преобразований. Многие бобо из кожи вон лезут, лишь бы их только консерваторами не назвали, однако патлатые парни в конопляных штанах чаще всего самые охранители и есть. В Беркли и Берлингтоне можно воочию убедиться, как непосредственно из либеральных устремлений рождается такого рода консерватизм.

Достижения бобо

Во многом благодаря влиянию бобо-истеблишмента мы живем в сравнительно стабильную эпоху. Политические партии,

по крайней мере их руководство, взяли курс на центризм. Впервые с 1950-х годов можно сказать, что между партиями нет глобальных идеологических разногласий. Старая шутка о том, что основная конкуренция в президентской гонке разворачивается между Траляля или Труляля, снова становится актуальной.

Университетские кампусы давно не озаряются пламенем борьбы и яростных протестов. Интеллектуальная жизнь по-прежнему разнообразна, но говорить о злободневности левого или правого радикализма не приходится. Страсти поутихли. В Вашингтоне стало скучновато. (Поверьте, я сам там живу.) За последние 30 лет общество пережило драматические преобразования. Стране совсем не повредит немного спокойной жизни, чтобы успели сформироваться и окрепнуть новые общественные нормы и окончательно утвердился новый бобо-консенсус.

Пока все идет по плану. Многие язвы общества, распространявшиеся со скоростью эпидемии в 1960-е и 1970-е, стали понемногу рассасываться. Снизился уровень преступности, стало меньше разводов, аборт, кокаина на улицах, подросткового пьянства и беспорядочных связей. В то же время национальная экономика, которая существует не в отрыве от национальной культуры, бьет рекорд за рекордом.

Вклад, который внесли бобо в развитие своей страны, достаточный повод для гордости. Где бы они ни обосновались, жить становится веселее (для тех, кто может себе это позволить). Улучшается ассортимент магазинов, несравнимо лучше становится еда в ресторанах и продуктовых лавках. По районам рассыпаны места для отдыха и встреч. Жилье становится менее формальным и более комфортабельным. Более того, бобо удивительным образом повлияли на американский капитализм. Бизнесмены из бобо создали корпоративный стиль, настроенный под информационную эпоху, с упором на творческую активность, горизонтальную иерархию, гибкость и свободу выражения. Ни с чем не сравнимый успех, которого

американские информационные технологии достигли за последнее десятилетие, оспаривать бессмысленно.

В конечном счете интеллектуальная жизнь тоже стала богаче. Конечно, накал интеллектуальных споров поулегся. Немногие теперь живут идеями, как когда-то авторы *Partisan Review*. Но тот утонченный и изысканный мир замыкался сам на себя, даже несмотря на то что его обитатели боролись за права рабочего класса. Они были оторваны от политических и общественных реалий. Сегодняшние интеллектуалы-карьеристы обеими ногами стоят в мире пенсионных накопительных планов и социальной мобильности, и поэтому у них больше непосредственного опыта той жизни, которой живет большинство их соотечественников. Сегодняшние интеллектуалы куда обстоятельнее, куда менее склонны к полубезумным идеям, нежели интеллектуалы прошлого, которые увлекались марксистскими утопиями и идеализировали революционеров типа Че Гевары. В конечном счете вменяемый и практичный интеллектуал, пожалуй, даже лучше глубокомысленного, но вдохновенного деструктивными идеями.

Разнообразнее стал и отдых. И пусть экологические туры в джунгли или блуждания меритократов по деревушкам Тосканы неизменно собирают хороший урожай насмешек, само побуждение к поиску духоподъемных впечатлений вполне достойно восхищения. Кроме того, бобо умудрились найти здоровый баланс между беспечной сексуальностью и чопорным пуританизмом. Они приручили многие чувственные удовольствия, и теперь ими можно наслаждаться, не слишком угрожая общественному порядку. И это тоже вполне себе достижение.

Вспомнив пройденный нами материал о нравах и манерах бобо, можно сказать, что среди них есть и смехотворные, и прекраснотворные, но есть и просто замечательные. Бобо начали создавать нравственные и поведенческие стандарты для нормального функционирования в новом столетии. И жизнь в бобо-мире легка и приятна.

Не хочется заканчивать книгу панегириком бобо. Духовная жизнь бобо вялая и невзыскательная. (Действительно, несложно представить, что следующие поколения, устав от наших консенсусов, прагматичной амбивалентности и половинчатости, устремятся к очищающей чистоте жанра, и нашему материализму предпочтут духовный пыл, а нашей талой морали — ортодоксальный пуризм.)

Более того, достигнутое нами сравнительное спокойствие, к которому, учитывая возможные альтернативы, не стоит относиться с пренебрежением, может привести к застою. Продвигая политиков компилятивно-центристского толка и предпочитая поместную утилитарность обсуждению серьезных идеологических и общенациональных вопросов, мы рискуем утратить связь с высокими устремлениями, всегда выделявшими Америку среди других стран.

В предисловии к этой книге я упомянул, что в начале 1990-х провел четыре с половиной года в Европе. Вернувшись, я предупредил своих друзей об угрозе бельгийской культурной гегемонии, и в моей шутке была только доля шутки. Я старался втолковать им о сопутствующих благополучию соблазнах. Мы можем стать нацией, наслаждающейся комфортом частной жизни, но утратившей всякое представление о единстве и уникальной исторической миссии. Опасность в том, что упадок Америки начнется не от перенапряжения и истощения, но от безволия, явившегося следствием того, что самые видные граждане предпочли комфорт гигантских кухонь хлопотному служению родине. Возможно, такого рода опасения беспокоили и Токвиля, когда он размышлял о будущем Америки. «Больше всего меня тревожит, — писал он в „Демократии в Америке“, — опасность того, что в непрерывной суете и заботах частной жизни наши устремления утратят и силу, и величие, что человеческие страсти, смягчившись, станут более низменными, в результате

чего развитие социального организма постепенно затормозится и перестанет возбуждать умы».

Это уже не футурология. Опасения Токвиля оправдались. Сегодня мы по большей части не утруждаем себя участием в национальной политике, поскольку это считается делом неприглядным и требующем недвусмысленной приверженности. Большинство американских граждан практически не участвуют в общественной жизни, и на все, что не касается их непосредственно, смотрят с безразличием на грани отвращения. Наши политические взгляды разлагаются под воздействием псевдоцинизма, предполагающего, что все политики — жулики, а любая политическая кампания — профанация.

Опросы общественного мнения неоспоримо свидетельствуют, что мы разуверились не только в общественных, но и во многих частных институтах. Здоровый скептицизм в отношении правительственных инициатив обернулся разъедающим негативизмом, отчего мы бездействуем, даже когда на наших глазах принимаются политические решения и используются политические технологии, за которые просто стыдно. Коротко говоря, национальная идея сузилась, дух поражен язвой цинизма, способность к достижению великих целей ослаблена бездействием. Мы стоим на пороге нового века благодушия, который угрожает нашим мечтам об идеальной Америке не меньше имперских притязаний или поражения в войне.

Перед бобо стоит задача вернуть Америке ощущение государственной и национальной общности, не нарушая индивидуальных свобод, завоеванных за последние десятилетия, не ослабляя институтов местного управления, которые сегодня активно восстанавливаются. Таким образом, нам нужно консолидировать результаты, которых мы добились каждый в отдельности и в рамках небольших сообществ, и направить общую энергию в русло национальной политики. В знаменитом высказывании, где Берк восхваляет «маленькие пожарные команды» семейной и общинной жизни, он же делает

не менее важное, но куда менее цитируемое наблюдение. Привязанность к месту, пишет он, «это лишь первое звено в цепи, на конце которой любовь к родине и всему человечеству». Здоровые семьи и сообщества не помогут, если страна в упадке. Здоровая личная заинтересованность в отрыве от более общих национальных и всечеловеческих идеалов оборачивается самопоглощенностью.

Это предполагает необходимость преобразований внутри страны и пересмотра внешнеполитической деятельности, реформирования институтов, которые не вызывают в нас ни гордости, ни уважения. Речь идет о системе финансирования выборов, превратившейся в коррумпированное болото, до предела запутанном налогообложении, бюрократизированных службах социального обеспечения. В международной сфере это означает принятие присущих великой державе обязательств по продвижению демократии и прав человека, по употреблению нашего могущества в соответствие с американскими идеалами.

Чтобы американцы снова стали принимать активное участие в общественной жизни и гордиться своими общественными учреждениями, бобо нужно принять на себя роль лидера. Бобо — это самый образованный сегмент общества и один из самых состоятельных, и тем не менее мало кто из них посвятил свои усилия обществу. Бобо, конечно, работают в правительстве, однако политическая арена так и не стала центром притяжения для представителей образованного класса. В результате в общественной жизни Америки наблюдается лакуна. Заполнить эту лакуну значит сделать то, что сделал послевоенный правящий класс, а именно — создать пример служения обществу, в основе которого понимание (которое разделяли такие люди, как Дин Ачесон, Джон Макклой, Джордж Маршалл, Дуайт Эйзенхауэр), что тем, кому дано, с того и спрос, и что государственная служба — это наивысшее из мирских призваний.

Ретроспективный взгляд на послевоенный правящий класс выявляет и ошибки, и неумные амбиции. Но прежде всего мы

видим группу мужчин и женщин, чья искренняя преданность Америке зачастую превалировала над их личными интересами. Кому из нас не хотелось бы видеть во власть предержащих то же чувство служения родине и трезвого патриотизма, только более соответствующее современным условиям? И кто из нас усомниться, что бобо с их мозгами и добрыми намерениями смогут внести сопоставимый вклад, если направят свою энергию в нужное русло?

Бобо — это молодая элита, пока еще смутно осознающая свое место в истории и не до конца уверенная в своих возможностях. Это люди, выросшие с биркой «высокий потенциал», и их потенциал во многих отношениях по-прежнему много выше их достижений. Хорошо воспитанные и еще лучше образованные, они освободились от многих старых предрассудков и создали новые социальные связи. Большинство из них не знало ни экономического упадка, ни войны. Иногда они кажутся придурковатыми. Но если они поднимут голову и зададутся главными вопросами, они смогут войти в историю как класс, который привел Америку к новым высотам.

дэвид брукс

бобо в раю:
откуда
берется
новая элита

Перевод с английского
Дмитрий Симановского
Издатели
Александр Иванов, Михаил Котомин
Выпускающий редактор
Полина Канюкова
Корректор
Татьяна Калинина
Компьютерная верстка
Марина Гришина

Все новости издательства
Ad Marginem на сайте: www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки
книг издательства Ad Marginem
обращайтесь по телефону: +7 (499) 763-35-95
sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»
Переведеновский пер., д. 18, Москва, 105082
тел./факс: +7 (499) 763-35-95
e-mail: info@admarginem.ru

Отпечатано BALTO print
www.baltoprint.ru
www.balto.lt